В этом номере

ISSN № 0130-7045

Г. СЕРЕБРЯКОВА
СЛОВО О РОДИНЕ

А. ОСИПОВ
ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

К. ГЕРАСИМОВА
Под натиском жизни

И. БАЛЛОД
СЕМЬЯ НА РАСПУТЬЕ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

А. САГАДЕЕВ
ТРАКТАТ, БУДОРАЖИВШИЙ УМЫ

Л. ДОЙЕЛЬ
ВОЗДУШНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Л. БОРИСОГЛЕБСКИЙ
ТРАГЕДИЯ «НАРОДНОГО ХРАМА»

5 • 1979

Город-герой Новороссийск. Стела на месте высадки десанта на Малой земле.

Центральный щит управления Запорожской ГРЭС.

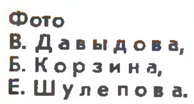
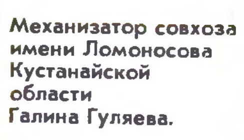

Фото
В. Давыдова,
Б. Корзина,
Е. Шулепова.

Механизатор совхоза имени Ломоносова Кустанайской области Галина Гуляева.

Л. И. Брежнев у целинников.

Фотохроника ТАСС.

Морские пехотинцы ведут бои на прибрежной полосе Малой земли. Февраль 1943 г.

Разрушенная гитлеровцами плотина Днепрогэса.

НАУКА И РЕЛИГИЯ 5·79

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

НАША ОБЛОЖКА

Отечество... Может быть, самое емкое из слов. Это и отчий дом, и любовь к матери, и смысл всего человеческого бытия. Во все времена стар и млад поднимались, не раздумывая, на борьбу, когда раздавалось: «Отечество в опасности!»

«Память войны никак не оставляет нас, фронтовиков», — заметил в своей книге «Целина» Л. И. Брежнев. Непосредственные свидетели, участники сражений, ставших уже легендой, во время всенародной битвы думали прежде всего о победе, о родной земле, каждую пядь которой надо было отстоять, освободить. 225 дней и ночей продолжалась эпопея Малой земли. Площадь этого театра военных действий была невелика — менее 30 квадратных километров. Но героические подвиги малоземельцев золотыми буквами вписаны в историю войны, названной Великой Отечественной. Долгожданная победа открыла для вчерашних бойцов новый фронт — трудовой. По полям сражений пошли тракторы, возводить стены разрушенных заводов и фабрик стали люди, не снявшие полинялых гимнастерок. Однако долгие, долгие годы будут еще цеплять плуги притаившиеся в земле снаряды, ковши экскаваторов упираться в смертоносные тела бомб, а рыбаки находить рогатые плавучие мины. Эхо войны всякий раз напоминает людям, насколько прекрасна мирная, трудовая жизнь, когда на тысячи километров по вчерашнему бездорожью прокладываются железнодорожные магистрали, когда дает невиданный урожай хлеба дремавшая тысячелетиями целинная земля, когда меняют климат искусственные моря на месте солончаков и пустынь.

«Поднимитесь на самолете над степными просторами, — пишет в своей книге «Целина» Л. И. Брежнев. — Вы увидите не только хлебные нивы, но и ленты асфальтированных дорог, поселки, железнодорожные пути, линии электропередач, корпуса элеваторов, крупные заводы, фабрики, города. Все это вызвал к жизни в бывшем ковыльном краю могучий целинный хлеб».

Вторую страницу обложки мы посвящаем теме Родины, теме нашей могучей Отчизны, выстоявшей в тяжелейшей из войн, преодолевшей трудности послевоенного времени, добившейся небывалых успехов в коммунистическом строительстве.

На третьей странице обложки — снимки, сделанные фотокорреспондентом Сергеем Петрухиным, недавно побывавшим в Социалистической Республике Вьетнам, в крупнейшем городе страны — Хошимине (бывший Сайгон) и его окрестностях.

Духовный мир человека

2 Г. Серебрякова. Отечество

Из ленинского идейного наследия

4 С. Никишов. Идеалистические измышления и объективная истина

Праздники, обряды, традиции

7 Ю. Фишевский. Используя все лучшее

Практика: опыт, проблемы

10 Л. Баширов. Обобщать и пропагандировать
11 И. Васильева. Такая трудная тема
12 Л. Малкова, Ю. Манин. С конкретным адресом
12 А. Осипов. «Одно извинение у бога — что нет его»

Религия, церковь, верующий

15 К. Герасимова. Девальвация догмы
19 В. Пелех. Когда бушевала стихия...
20 И. и М. Витковские. Потерянная молодость

Ваше письмо получили...

28 И. Баллод. Разлад

История и современность

31 А. Сагадеев. Вокруг трактата «О трех обманщиках»

Горизонты науки

36 Л. Дойель. На крыльях—в прошлое

«Божественные» камни: правда и вымысел

41 В. Супрычев. Архиерейский камень

Литература, искусство

43 В. Разин. Дурной сон
47 Л. Фомин. До Камышевки и обратно...
52 А. Липков. Барабан гнева

В странах социализма

53 А. Белецкая. Строительство новой жизни

За рубежом

57 Л. Борисоглебский. Из мира ханжества — в небытие
59 В. Гараджа. Один из симптомов кризиса
61 Е. Надеждин. Мятежные пастыри

Отечество

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ВСТРЕТИЛСЯ С ИЗВЕСТНОЙ СОВЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ ГАЛИНОЙ СЕРЕБРЯКОВОЙ И ЗАПИСАЛ ЕЕ РАССКАЗ.

Когда несколько десятилетий назад я начинала работу над романом «Юность Маркса», то в ту пору много советовалась с А. М. Горьким. Алексей Максимович часто говорил со мною о Владимире Ильиче, находя у Маркса и Ленина сходные черты — оптимизм, бодрость, смелость, неизменную веру в конечную победу. Его суждения совпадают с мыслями Ромена Роллана, с которым мне довелось познакомиться в 1935 году, когда он приезжал в нашу страну.

«Ленин, — писал Ромен Роллан, — во все мгновения жизни в бою... Все его мысли предварительно рассмотрены им с наблюдательного пункта командующего армией — в бою и для боя. Он, как никто другой, воплощает в себе тот исторический час человеческой деятельности, каким является революция».

Мне посчастливилось дважды видеть и слушать Владимира Ильича Ленина: в феврале 1921 года и 13 ноября 1922 года на одном из заседаний IV конгресса Коммунистического Интернационала. Как сегодня, вижу возбужденные лица делегатов из разных стран, радостный гул, переросший в овацию, когда не из президиума, а из двери для публики, вдоль стены через весь зал прошел Ленин. Владимир Ильич сделал доклад, который слушали, затаив дыхание. Его слова о будущем социалистической революции заглушил ураган аплодисментов.

Вспоминая сейчас этот день, я думаю о той главной мысли, которую высказал Ленин. Он призывал учиться революционному творчеству, учиться, «чтобы действительно постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы».

Жажда знаний — одна из характернейших примет неповторимых лет юности Октября. Революция требовала буквально на ходу овладеть искусством управления, постигнуть новое дело.

Вчерашний солдат становился директором строящегося или встающего из руин завода, а затем, наладив дело, уезжал в деревню, потом возвращался начальником железной дороги или директором музея. Инженеры оказывались хозяйственниками; если требовалось, управляли трестами, писали книги о методе баланса или производстве сахара. С каким неистовством отстаивали свои проекты партийные теоретики, журналисты, красные офицеры, становясь дипломатами, плановиками, педагогами. Все стало актом творчества. То, что испокон веков было преимуществом привилегированных или особо даровитых, стало полем деятельности широчайших масс.

Передо мной — книга Л. И. Брежнева «Целина». Уже в самом начале автор ссылается на опыт величайшей из революций, ее завоевания, традиции. «Вспоминаю, — рассказывает Л. И. Брежнев, — послесловие В. И. Ленина к книге «Государство и революция». Он пишет в этом послесловии, как начал было готовить еще одну главу, да времени не хватило — помешал канун Октября. «Такой «помехе» можно только радоваться, — замечает с юмором Владимир Ильич, — приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать». Эти ленинские слова наказ всем нам.

На целине миллионы советских людей продолжали делать опыт революции, умножали в новых исторических условиях ее завоевания, творили живой опыт победоносного строительства развитого социализма. Поэтому мне навсегда остались памятными и дорогими годы, безраздельно отданные этой земле».

Читая «Целину» Л. И. Брежнева, я невольно вспомнила пророческие строки Маяковского о том, что «землю, с которою вместе мерз, вовек разлюбить нельзя». Нельзя забыть и разлюбить землю, которую защищал, на которой воевал, которую восстанавливал. В этом смысле «Целина» является логически закономерным продолжением книг «Малая земля» и «Возрождение».

Название каждой книги Л. И. Брежнева глубоко символично. Малая земля — конкретный географический участок, испытавший на себе невиданные по силе удары войны. Но людьми с Малой земли называли и партизан, заставлявших трепетать врага. И в этом смысле нет земли малой или большой, вся она — Отечество, которое надо отстоять. В который уже раз его отстояли и в который уже раз начали возрождать из горя, руин, пепла. В «Возрождении» на конкретных делах показан все тот же революционный порыв советских людей, удивительный сплав воли, умения, таланта тружеников, способных не только восстановить разрушенное, но и сделать жизнь богаче, интереснее, краше.

И вот — битва за целину. «Мне уже приходилось, — замечает Л. И. Брежнев, — сравнивать целинную эпопею с фронтом, с грандиозным боем, который выиграли партия и народ. Память войны никак не оставляет нас, фронтовиков, однако сравнение точное. Конечно, не было на целине стрельбы, бомбежек, артобстрелов, но все остальное напоминало настоящее сражение».

В одном из сражений погиб тракторист совхоза «Дальний» Целиноградской области Даниил Нестеренко... Тракторист знал, что весеннее половодье могло отрезать бригаду от центральной усадьбы совхоза, оставить людей без горючего. По зыбкому, покрытому водой льду он сумел провести тракторы. Но на своем, последнем, провалился в ледяную пучину...

«Когда друзья вынули из воды погибшего, — пишет автор «Целины», — то обнаружили в его кармане удостоверение Героя Советского Союза. До этого никто в совхозе не знал, что рядом с ними работает такой человек. Выяснилось, что звание Героя Даниил Потапович Нестеренко получил за форсирование Днепра. И стало вдвойне обидно за его гибель. Я помню Днепр, помню героев этой переправы под смертельным огнем. Казалось бы, что за преграда бывалому человеку степная речушка! Но вот бывают в жизни такие нелепые случайности.

Одна подробность, — добавляет Л. И. Брежнев, — особенно тронула меня: в палатке Нестеренко друзья нашли саженцы украинских вишен. Значит надолго ехал он в Казахстан, если вез их с собою, чтобы посадить в степи. Но уже без него выросли эти вишни».

Не увидел этих вишен в цвету и другой герой целины студент Василий Рагузов. Колонна со сборными домами для первой совхозной улицы была застигнута в пути бураном. Рагузов пошел за помощью, но заблудился в сплошной снежной пелене.

В книге «Целина» приводится поразительное по силе письмо, которое Рагузов написал жене коченеющими пальцами.

«Нашедшему эту книжку! Дорогой товарищ, не сочти за труд, передай написанное здесь в г. Львов,

ул. Гончарова, 15, кв. 1, Рагузовой Серафиме Васильевне».

Вежливая просьба, деликатность человека, только начавшего жизнь и ясно понимающего, что он с этой жизнью так трагически, нелепо расстается!

«Занимала меня еще одна мысль, — пишет Л. И. Брежнев, — как привлечь к теме целины внимание художественной интеллигенции! Посмотрите, говорил я на встрече с писателями в ЦК, какие события творятся на наших глазах. Перемещаются огромные массы людей, складываются многонациональные коллективы, рождаются новые семьи, мужают характеры, проходят закалку герои нашего времени. Хлеб в Казахстане всегда был лакомством, драгоценностью. Даже муллы в старину говорили: «Коран — священная книга, но можно наступить на Коран, если надо дотянуться до крошки хлеба». И вот теперь этот край становится хлебным».

Для меня как писательницы целина стала одной из ярчайших, неповторимых страниц в жизни. Вспоминаю Джамбул в августе. От зноя на улицах пустынно. Небо, как мед, который качают в эту пору пасечники, янтарное и густое. На вокзале духота. До станции Луговой — несколько часов езды. Поймала себя на мысли, что никогда путь в жестком вагоне, битком набитом людьми с большой кладью, не казался мне более приятным.

В сумерки поезд достиг станции Луговой, и я оказалась в степном маленьком городке. Вдали черной стеной стояли горы. Стога сена наполнили воздух восхитительным сложным ароматом, секрет которого тщетно ищут знаменитые парфюмеры.

На рассвете выехали в совхоз.

В грузовик набилось множество людей. Дорог не было, ехали по степи, врезались в высокое, необозримое, золотое море хлебов. Грузовик напоминал утлое суденышко в бурю. Раскаленное солнце на желтоватом небе пытало нас лучами. Казалось, нет конца пути в чудовищной жаре. К счастью, было несколько ведер с водой, к которым мы припадали на коротких стоянках, как к роднику. Только когда стемнело, мы начали выходить из состояния слабости и одури. К ночи подъехали к поселку, состоявшему из палаток и нескольких больших, хорошо построенных домов. В одном была амбулатория. Медсестра, узнав, что я врач, тотчас же попросила посмотреть тяжело больных — они лежали в соседнем стационаре. Помыв руки и обрядившись в белый халат, с фонендоскопом и аппаратом для измерения кровяного давления, покачиваясь от усталости, я отправилась к больным. Положение двоих оказалось столь опасным, что до утра мы с медсестрой не отходили от их коек.

Борьба за спасение двух целинников захватила меня настолько, что я позабыла о собственном недомогании и усталости. Двух-трех часов сна и стакана чая с куском хлеба оказалось достаточным для хорошего настроения. Все вокруг интересовало меня. Улиц не было, но вдоль дорог уже красовались на столбах дощечки с их названиями. Под огромным серым брезентом в походной кухне варили пищу, и за столиками сидели целинники: девушки и парни, люди разных поколений со всех концов страны. Я встретила женщин, с которыми провела несколько нелегких лет и рассталась после войны. Мы расцеловались по-сестрински. Одна приехала в Голодную степь вместе с мужем-трактористом, вторая — в поисках удачи, которая ей никак не давалась. Она имела несколько специальностей: маляр, каменщик и монтер. В совхозе полюбился ей зоотехник, и они намеревались пожениться, как только отстроят обещанный им домик.

С первых же дней я поняла, сколь трудна работа на целине. Разглядывая планы будущего поселка и те немногие еще строения, скотный двор, склады, уже возведенные, я могла представить себе, каким будет совхоз на краю изнывающей Голодной степи. Всякое созидание — акт творчества — не может ужиться с равнодушием.

Меня захватили дни и дела совхоза. Но частые посещения больнички и неосторожность не прошли даром. Я обнаружила признаки недомогания и, мобилизовав всю волю, сумела в течение одних суток добраться до Джамбула. Там меня немедленно определили в инфекционную больницу. Было тесно и неустроенно. Но все обошлось, мы поправлялись не только благодаря лекарствам. Нас спасали люди. Врач Лаврухина навсегда вписана в мои святцы. Пожилая, предельно утомленная женщина, она сама несколько раз сваливалась больная, но не отступала, не бросала тяжелейшего поста. Она и несколько сестер были подвижницами. Лаврухина, когда в больнице не хватало лекарств, не задумываясь, покупала их на свое жалованье. Она поддерживала в нас спасительный оптимизм и волю к жизни, в которых так нуждается заболевший человек.

Приехав в Джамбул спустя много лет, я не узнала городка. Не было печальной памяти инфекционной больницы с обвалившимся дувалом. Вокруг меня шумел красивый, современный, комфортабельный город, с нарядными площадями, жилищами, хорошими больницами. Я узнала, что Лаврухиной было присвоено звание заслуженного врача республики. Сегодня Джамбул занимает одно из первых мест в мире по богатству флоры. В густых садах его прячутся многоэтажные строения. Хотя летом тот же зной и небо, похожее на янтарный мед, и безлюдье в полдень, когда солнце в зените.

Да, действительность не стоит на месте. Приходят новые поколения, новые люди продолжают и развивают начатое до них. И так же, как отцы и деды, верят в торжество дел, меняющих не только облик земли, но и самих творцов нового, неизведанного, прекрасного. Нет на земле уголка, где простые труженики не мечтали, не верили бы в торжество разумной, счастливой жизни.

Книги Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение», «Целина» с огромным интересом были встречены во всем мире, переведены на многие языки, разошлись огромными тиражами. Недавно я совершила большую, интересную поездку по Болгарии. Мне хочется закончить разговор выдержками из опубликованных в печати отзывов видных болгарских деятелей культуры, искусства, производства.

«Целина» покоряет жизненным многообразием, сильными человеческими образами и переживаниями. В ней мы находим отражение глубинных процессов социалистического развития, которые особенно близки нам...»

«Перед нами вновь страницы, написанные с трепетом и волнением, с вдохновением, простотой и мастерством. Это великолепная публицистика, которая ярко рисует подход партии Ленина к человеку, к героическому труду советского народа, к целине как к источнику получения народного богатства».

«Целина» и другие две книги эпической трилогии — своеобразный учебник жизни и для нынешнего и для завтрашнего поколений. И в этом ее общечеловеческое, интернациональное значение».

ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЫШЛЕНИЯ И ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА

С. НИКИШОВ,
доктор философских наук

70 лет книги В. И. ЛЕНИНА «Материализм и эмпириокритицизм»

Из шести глав книги «Материализм и эмпириокритицизм» три первые целиком посвящены вопросам теории познания. Не раз возвращается В. И. Ленин к этим проблемам и в других главах книги. Сопоставляя точки зрения различных философских школ и направлений, анализируя различия в их отношении к религии, он выявляет и подчеркивает фидеистскую природу эмпириокритицизма[1].

Для выяснения реакционной направленности эмпириокритицизма, связи его с религией показательна трактовка махистами-эмпириокритиками проблем истины, в частности определение ими критерия истины. На этом следует остановиться особо, поскольку проблемы истины и ныне трактуются фидеистски не только теологами, но и многими буржуазными философами.

Теологи, религиозные философы объективность истины отрицают, хотя и много говорят о своем служении истине. Современные апологеты религии утверждают, будто марксисты не признают истины, стоят на позициях агностицизма, что они «прячутся в атеизме и агностицизме», «чтобы избежать строгой реальности, перед которой поставлен человек»[2].

Попробуем разобраться. Если понимать агностицизм как отрицание возможности познания мира, истинности наших знаний о нем, то кто же агностик? Что скрывается за «строгим реализмом» авторов сборника, за их мнимой приверженностью к фактам и истине?

Наука не противоречит религии, говорится в сборнике, так как она «изучает божьи естественные законы» (стр. 30), «подтверждает верность слова божия» (стр. 50). Следовательно, не объективная реальность является предметом науки, а «законы божьи», его «слово». Бог, пишут авторы сборника, может проявлять себя двумя способами: «законами природы» и «чудом», в наше время он предпочитает пользоваться «преимущественно законами природы» (стр. 30). Эти законы, по мнению авторов сборника, не носят объективного характера, они созданы самим богом. Ему нет надобности действовать «независимо от установленных им законов природы», и поэтому новых чудес он уже не творит. Да и к чему новые чудеса? «В наши дни нет необходимости являть нам новые чудеса, потому что мы имеем достоверную запись уже совершившихся чудес» (стр. 197) — читайте Библию и верьте. Тут вам, заверяют авторы сборника, и реальность, и факты, и неоспоримые доказательства истины.

Ну, а какая же роль в познании истины отводится науке?

Теологи и апологеты религии не отрицают ее значения, однако они ограничивают сферу деятельности науки, ее возможности. Это характерно и для авторов названного сборника. «Научный метод доказательства, — говорится в нем, — подходит только к измеримым реальностям» (стр. 63). Тем самым читателю дается понять, что судить о религии с позиций науки неправомерно. «Наука многое постигла» в сфере «измеримых реальностей». Ею «хорошо изучены... грубо механические законы». Но даже в этой сфере наука «не способна оценивать вещи, которые она измеряет» (стр. 64). «Наука может сказать нам, как происходит то или иное действие, но она не знает, **почему** оно происходит». Авторы сборника считают, что такое, более глубокое знание дает вера в бога. И вообще «есть предел человеческому разумению», утверждают они. Наука бессильна «выяснить и понять происхождение и сущность души и душевных состояний» (стр. 156); это всецело сфера религии. «Старание ученых проникнуть во что бы то ни стало в тайны мироздания и человеческой души... усердие не по разуму!» (стр. 158).

И такого рода мысли преподносятся читателям в век научно-технической революции, преподносятся теми, кто обвиняет марксистов в агностицизме, а себя выдает за приверженцев строгой реальности.

Как тут не вспомнить «Материализм и эмпириокритицизм»! Еще 70 лет назад Ленин писал: «Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину»[3].

И ныне богословы не отвергают науку. Они тоже отвергают только ее «чрезмерные претензии» на познание мира и на объективную истину.

Критикуя «позитивизм», «реализм» и «прочий профессорский шарлатанизм» (стр. 358—359), Ленин показал, как с помощью различных гносеологических ухищрений их приверженцы расчищали дорогу идеализму и фидеизму, боролись «против материализма вообще и против исторического материализма в частности» (стр. 380).

Ленин не оставил без внимания ни одно отступление идеалистов и метафизиков от научного понимания проблем истины. Убедительна в этом смысле его полемика с махистами-эмпириокритиками о критерии истинности знаний, который они усматривали в «экономии мышления», «ясности», «общезначимости», «полезности» и тому подобных, столь же «научных», понятиях. Ни один из них не раскрывал, да и не мог раскрыть объективного характера исти-

Статья 2-я. Первую см. в № 4 за этот год.

[1] В. И. Ленин считал слово «фидеизм» синонимом слова «поповщина» (см. т. 55, стр. 256—257) и разъяснял его как «учение, ставящее веру на место знания или вообще отводящее известное значение вере».

[2] «Библия и наука. Апологетический сборник». Составитель и главный редактор Платон Харчлаа (год и место издания не указаны), стр. 12. (Далее страницы этого издания даны в тексте.)

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 127. (Далее страницы этого тома даны в тексте.)

ны, не противостоял и не мог противостоять религии. Ленин, критикуя А. Богданова, утверждавшего, что «истина есть идеологическая форма — организующая форма человеческого опыта...» (стр. 124), вскрывает субъективно-идеалистический характер этого определения, в котором заключено отрицание объективного содержания истины, а следовательно, объективной, не зависящей от человека и человечества истины вообще. Богдановское определение критерия истины принижает науку и возвеличивает религию. «...Если истина есть только организующая форма человеческого опыта, — писал Ленин, — то, значит, истиной является и учение, скажем, католицизма. Ибо не подлежит ни малейшему сомнению, что католицизм есть «организующая форма человеческого опыта» (стр. 125). С равным основанием это можно отнести и к другим религиям.

Пытаясь «выкарабкаться из болота, в которое он попал», Богданов, «уточняя» свое определение истины, добавил, что объективно истинно то, что общезначимо. Ленин, возражая против этого «уточнения», указал на то, что здесь Богданов ставит религию даже выше науки, «ибо «общезначимо» учение религии в большей степени, чем учение науки: большая часть человечества держится еще поныне первого учения» (стр. 126).

Богданов предпринял еще одну попытку выбраться из болота поповщины. В понятие идеологической, организующей формы человеческого опыта, заявил он, включается только то, что общезначимо и укладывается в цепь причинности. Леших и домовых включать в этот опыт не приходится, писал Богданов, поскольку они «не укладываются... в цепь причинности». Но и это не меняло положения. «Католицизм, — указывал Ленин, — «социально организован, гармонизован, согласован» вековым его развитием; в «цепь причинности» он «**укладывается**» самым неоспоримым образом, ибо религии возникли не беспричинно, держатся они в массе народа при современных условиях вовсе не случайно, подлаживаются к ним профессора философии вполне «закономерно». Если этот несомненно общезначимый и несомненно высокоорганизованный социально-религиозный опыт «не гармонирует» с «опытом» науки, то, значит, между тем и другим есть принципиальная, коренная разница, которую Богданов стер, когда отверг объективную истину. И как бы ни «поправлялся» Богданов, говоря, что фидеизм или поповщина не гармонирует с наукой, остается все же несомненным фактом, что отрицание объективной истины Богдановым «гармонирует» всецело с фидеизмом» (стр. 126—127).

Столь же путано определяли критерий истинности и другие махисты-эмпириокритики. Э. Мах, например, считал истинным то, что экономно описывает действительность. «...Принцип экономии мышления, если его действительно положить «**в основу** теории познания», не может вести **ни к чему** иному, кроме субъективного идеализма», — возражает ему Ленин. В какой степени принцип «экономии мышления» связан с религией? Если истинно то, что экономно мыслится, то библейские догмы о сотворении мира, человека и его души, о божьем промысле и всякого рода чудесах подпадают под категорию истинных, так как «мыслятся «легко» и экономно». «Экономность» есть следствие, а не основание объективной истинности. «Мышление человека тогда «экономно», — разъясняет Ленин, — когда оно **правильно** отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия» (стр. 175—176).

Представители прагматизма — современной американской разновидности эмпириокритицизма — признают истинным то, что выгодно, удобно, быстрее и вернее ведет к цели. Но и цели у различных социальных групп различны и удобство разные люди понимают по-разному, а выгодным нередко является вовсе не то, что истинно. На иллюзиях, в том числе и религиозных, тоже нередко устраивается бизнес.

Ленин убедительно показал в книге «Материализм и эмпириокритицизм», что идеализм, «не будучи в состоянии, зачастую и не желая отделить объективной истины от учения о леших и домовых» (стр. 130), способствует укреплению и сохранению религии.

Диалектический и исторический материализм в вопросе об объективной истине не оставляет лазеек для фидеизма. «Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, истина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очищается место для «организующих форм» религиозного опыта» (стр. 127).

Только в философии марксизма-ленинизма «вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая **объективный** критерий истины» (стр. 198). В отличие от субъективных идеалистов марксисты понимают под практикой не субъективный опыт личности и совершаемое по субъективным мотивам действие, а всю деятельность людей, обеспечивающую существование и развитие общества и прежде всего объективный процесс материального производства, составляющий основу жизни, а также революционно-преобразующую деятельность и все другие формы практической общественной деятельности, ведущей к изменению мира. Такая практика порождает общественное сознание, не нуждающееся в помощи сверхъестественных сил. Только такая практика может решить и решает вопрос о том, истинны ли наши знания об окружающем мире и происходящих в нем процессах, опровергая всякие идеалистические измышления и выверты. «Точка зрения жизни, практики, — пишет Ленин, — должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики» (стр. 145).

Большое внимание в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин уделил вопросу о соотношении истины относительной и абсолютной.

Для христианских теологов и богословов такой проблемы не существует. Для них истина в конечной инстанции — слово божье, изложенное в священном писании. Все остальное должно соотноситься с нею. В сборнике «Библия и наука» так и го-

ворится: «Библия — это слово божие», богодухновенная книга, и потому «точна во всех научных подробностях», все содержащиеся в ней «утверждения верны и точны» и ничто не может опровергнуть их или поставить под сомнение. Остается только изучать священное писание, причем не мудрствовать, предупреждают авторы сборника, а «так понимать, как этого хотели бы те, кто... писали» его (стр. 71, 25, 26, 68).

Проблема абсолютной и относительной истины всегда занимала умы философов. В отличие от метафизического понимания познания, признающего одни абсолютные истины, и махистского понимания (согласно которому знания человека относительны, не содержат в себе ничего абсолютного) диалектический и исторический материализм признает объективную истину, различая при этом истину абсолютную и относительную.

Познание объективной реальности не есть единовременный акт восприятия раз навсегда данного, окончательного. Это — сложный, диалектически противоречивый многосторонний процесс вечного и бесконечного углубления мысли от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. и т. п.

Человек не в состоянии сразу, целиком, безусловно, абсолютно отразить в своем сознании бесконечную природу, вечно развивающуюся, изменяющуюся и обновляющуюся объективную реальность. Познание на каждой ступени социального прогресса ограничено условиями жизни общества, уровнем развития науки, которые делают наши знания объективного мира неполными, относительными.

Но каждый этап в исторически обусловленном процессе отражения действительности, каждое научное открытие — это шаг на пути к абсолютной истине, то есть к всестороннему познанию объективного мира. Абсолютная истина, следовательно, складывается из суммы истин относительных.

Ленин пишет о том, что такой критерий истины, как ход развития всех капиталистических стран за последние десятилетия, доказывает истинность всего учения Маркса, а не той или иной его части, формулировки и т. п. «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя **по пути** марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же **по всякому другому пути,** мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» (стр. 146).

Этот вывод, сделанный Лениным 70 лет назад, необходимо помнить, ведя борьбу с современными «марксологами» и «советологами», которые тщатся объявить марксизм-ленинизм устаревшим (хотя бы в каких-то его частях), противопоставить Ленина Марксу, ленинизм — марксизму, свести ленинизм к чисто русскому явлению.

О Ленине можно сказать его словами, адресованными Марксу и Энгельсу: он был от начала до конца партийным в философии, умел вскрывать малейшие отступления от материализма, видеть и разоблачать поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях.

Ленин умело изобличал философский идеализм и клеймил его как принаряженную чертовщину. Вместе с тем он показывал, что нейтральность философа в вопросе об отношении к религии **«уже есть** лакейство пред фидеизмом» (стр. 365) и такое лакейство не что иное, как отступление от объективной истины, предательство по отношению к науке.

Особенно важным Ленин считал выяснение связей «между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений»[4].

Сам Владимир Ильич, как видно из его полемики с махистами-эмпириокритиками, обладал удивительным даром исследователя, и никакие уловки идейных противников, маскирующие суть их философских концепций, не могли ввести его в заблуждение. В любой словесной эквилибристике, в самой запутанной фразеологии Ленин безошибочно просматривал и разгадывал интересы тех или иных классов и делал из этого четкие политические выводы. Такому классовому, партийному подходу к анализу явлений общественной жизни, включая религию, учил Ленин и своих последователей.

Даже самые теоретические, казалось бы, сугубо философские проблемы он органически связывал с классовой борьбой пролетариата, с борьбой за освобождение всех трудящихся от экономического, политического и духовного гнета капитала. Это придавало ленинским произведениям необыкновенную силу и жизненность, это сделало их бессмертными.

Ленинская критика эмпириокритицизма, разработанная им теория отражения, всесторонний анализ таких основополагающих вопросов гносеологии, как объективная истина, истина абсолютная и относительная, критерий истинности знаний, — служат нам методологической основой в борьбе против современного идеализма и фидеизма, теоретическим обоснованием необходимости, целесообразности и возможности преодоления всех и всяческих религиозных предрассудков, пережитков прошлого в сознании и поведении людей.

В современных условиях фидеистская направленность буржуазной философии усиливается. Буржуазные философы предпринимают новые и новые попытки сохранить и упрочить союз профессоров и теологов по принципу: профессорам — науку, но без «чрезмерных претензий» на познание мира, теологам — философию. Смысл такого симбиоза с предельной ясностью разоблачен Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Ленинская критика идеализма и фидеизма сохраняет всю свою значимость и для нашего времени.

Марксистско-ленинское учение — нестареющее могучее оружие, руководство к действию. Как справедливо отмечалось на международной теоретической конференции «Строительство социализма и коммунизма и мировое развитие», состоявшейся в декабре 1978 года в Болгарии, «творческий характер марксизма-ленинизма требует не отказаться от него — частично или полностью, что одно и то же, — а развивать его и обогащать в новой обстановке, в новых условиях»[5].

---

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 25.
[5] «Правда», 13 декабря 1978 г.

ИСПОЛЬЗУЯ ВСЕ ЛУЧШЕЕ

Ю. ФИШЕВСКИЙ,
первый заместитель
Председателя Правления
Всесоюзного общества
«Знание»

☐ Работа по формированию новых праздников и обрядов активизировалась в нашей стране сравнительно недавно, однако и за этот срок сделано немало. Отрадно отметить, что среди многомиллионных энтузиастов этого дела есть и пропагандисты Всесоюзного общества «Знание».

Организации общества «Знание» призваны самым тщательным образом изучать опыт внедрения новой обрядности, популяризировать все лучшее, способствовать его распространению. В Алма-Атинской области Казахской ССР, например, широко известна Мария Николаевна Саратова — лектор-атеист, поборница новых обрядов и ритуалов; в Таджикской ССР — профессор А. К. Хашимов, в Латвии — Э. Золтнерс, в Литве — Д. Скачкаускас и другие.

Даже беглое перечисление некоторых новых праздников и обрядов, прочно вошедших в жизнь, показывает, что все республики, края и области нашей страны активно участвуют в творческом процессе их становления. Вспомним, к примеру, День урожая в Курганской области, обряд бракосочетания в Киеве, чествование людей труда в Эстонии, сабантуй в Татарии и т. д. Эти и многие другие праздники и обряды утвердились в нашей жизни прежде всего потому, что их внедряли вдумчиво, без спешки, с учетом местных условий, бережно используя все лучшее, что накопил народный опыт.

Немалую роль в успешном становлении новой обрядности сыграли посвященные данной проблеме научные и научно-практические конференции и семинары. Их организацией и проведением активно занималось общество «Знание». Вопросы пропаганды социалистической обрядности обсуждались на семинарах и научно-практических конференциях, проведенных Правлением Всесоюзного общества «Знание» в городах Ужгороде, Алма-Ате, Ереване, Риге, Омске, Калуге. Их обсуждали референты и председатели НМС по пропаганде научного атеизма республиканских организаций общества «Знание» в Москве, а в Ленинграде — директора Домов научного атеизма. Следует назвать, очевидно, и всероссийские конференции по актуальным вопросам становления социалистической обрядности, которые проходили в Перми и Краснодаре. Ну, и, наконец, состоявшийся в прошлом году в Киеве всесоюзный семинар-совещание по социалистической обрядности.

Во всех конференциях и семинарах принимали участие партийные и советские работники, философы и искусствоведы, методисты клубных учреждений и журналисты. Здесь проходил обмен опытом, работники могли сопоставить свои успехи с успехами коллег. Кроме того, обращалось внимание на нерешенные или слабо разработанные проблемы. Это позволило, в частности, правильно ориентировать лекционную пропаганду. Сейчас тема становления новой обрядности занимает все больше места в лекциях, посвященных советскому образу жизни, проблемам атеизма, морали и т. д.

Надо сказать, что за последние годы вопросы пропаганды новой социалистической обрядности все чаще рассматриваются на пленумах, президиумах правлений, на научно-практических конференциях. Эта работа проводится в тесном контакте с министерствами культуры союзных республик, с комсомольскими и советскими органами, с творческими союзами. Пропагандисты, лекторы общества «Знание» входят в состав специальных комиссий, создаваемых при исполкомах Советов народных депутатов.

Лекторы общества «Знание» в своих выступлениях отражают эволюцию праздников и обрядов, раскрывают их сущность, специфику и содержание в условиях развитого социализма. При многих республиканских, краевых, областных и районных организациях общества «Знание» созданы группы лекторов, специализирующихся на этих вопросах. В 1975 году на Украине создан постоянно действующий семинар лекторов-атеистов, где есть специальная секция, которая занимается проблемами новой советской обрядности. Несколько лет такая группа работает и при районном правлении общества «Знание» Рокишкского района Литовской ССР; пропагандисты не только выступают с беседами по данной тематике, но и популяризируют сценарии гражданских обрядов. По примеру Рокишкской районной организации такие группы созданы и в других районах республики.

Наши пропагандисты в своих выступлениях постоянно подчеркивают, что важнейшая функция социалистических праздников и обрядов — идейно-воспитательная; через них также идет приобщение советских людей к научно-материалистическому мировоззрению, социалистической идеологии и культуре. Все это учитывалось при подготовке и проведении в 1975 году пленума Правления Всесоюзного общества «Знание», на котором обсуждался вопрос «О работе общества «Знание» Украинской ССР по пропаганде советского социалистического образа жизни». Уже тогда отмечалось, что организации общества «Знание» Украинской ССР придают большое значение пропаганде и внедрению в жизнь социалистической обрядности как неотъемлемой части советского образа жизни.

Пример жизни и труда жителей села Тимановка Тульчинского района Винницкой области —

яркое тому подтверждение. В Тимановке активно работают Дом культуры и кинотеатр на 300 мест; при Доме культуры создан музей истории родного колхоза. Ежегодно расширяют свои фонды колхозная картинная галерея и народный музей А. В. Суворова. В Доме культуры красочно оформлена комната для торжественной регистрации новорожденных и бракосочетаний. В селе высоко ценят и чтят ветеранов труда, гражданской и Великой Отечественной войн. Ежегодно на центральной площади у Вечного огня торжественно провожают односельчане юношей в армию. Широкое использование новых обрядов и ритуалов как средства идейно-воспитательной работы с молодежью приносит положительные результаты. На протяжении 10 лет тимановцы не помнят случаев церковного венчания или крещения. А юноши после службы в армии, как правило, возвращаются в родной колхоз. Члены первичной организации общества «Знание» читают лекции по истории родного села, проводят тематические вечера и конференции по актуальным вопросам социалистического образа жизни.

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» подчеркивалось: «За 60 лет развития по пути Октября в нашем обществе утвердились замечательные социалистические традиции, в которых закреплен богатейший опыт революционной борьбы и созидания». Большое значение организации общества «Знание» придают пропаганде советских общегосударственных и революционных праздников, которые наиболее полно выражают наши общественные идеалы, революционные и трудовые традиции. Это празднование годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, Дня Советской Конституции, 1 Мая, Дня Победы, Международного женского дня и других.

Большой популярностью в стране пользуются трудовые праздники. В них находят свое отражение героика наших будней, уважение к человеку труда, признание социальной значимости личности. Это праздники рабочих профессий, чествования передовиков и ветеранов труда, посвящение в рабочий класс, вручение первой зарплаты. Они свидетельствуют о том, что в социалистическом обществе становится реальностью самый справедливый и достойный человека образ жизни, открыты возможности для свободного и всестороннего развития личности, проявления всех способностей и дарований.

Сама жизнь подсказывает и совершенствует посвященные труду социалистические праздники. Так, совсем недавно на строительстве Нурекской ГЭС зародилась «Рабочая эстафета» — новая форма социалистического соревнования, а одновременно — и новые формы чествования победителей. Всесоюзное общество «Знание» горячо поддержало почин нурекских строителей.

Многообразны формы, используемые организациями общества «Знание» для пропаганды социалистической обрядности: тематические лектории, устные журналы, вечера, клубы по интересам, народные университеты, выступления на страницах периодической печати, по радио и телевидению, издание лекций, брошюр, библиотечек и т. д. Например, в Узбекской ССР работают более 200 лекториев по пропаганде новых обрядов и ритуалов, созданы 130 народных университетов культуры, быта и советского образа жизни, а также специальные агитбригады.

Организации общества «Знание» вносят свою лепту в переосмысление старых форм обрядности, учитывая при этом специфику и колорит народных традиций. Так, совершенно новым содержанием наполнились праздники труда в республиках Средней Азии. В Туркменской ССР при республиканской и ряде областных организаций общества «Знание» совместно с женсоветами создают клубы девушек и клубы женщин, куда входят передовые производственницы, представители творческой интеллигенции. В Узбекистане традиционный праздник весны навруз превратился в своеобразный смотр подготовки к весенним полевым работам, которые завершаются праздниками песни и танца. Для более успешного внедрения в жизнь новых традиций и обрядов в Узбекистане создаются советы аксакалов. При их помощи успешнее идет и преодоление религиозных традиций.

В общем жизнь показала, что там, где общественные организации придают серьезное значение утверждению новой социалистической обрядности, церковь утрачивает свое влияние. Так, по данным социологических исследований, проведенных недавно в Воронежской области, 70 процентов всех родившихся детей были зарегистрированы в торжественной обстановке.

Организации общества «Знание» оказывают постоянную научно-методическую помощь лекторам и пропагандистам новой обрядности. При научно-методическом совете по пропаганде научного атеизма при Правлении Всесоюзного общества «Знание» образована комиссия по внедрению в жизнь новой социалистической обрядности. Итогом ее работы стала, кроме всего прочего, библиотечка «Новые праздники и обряды и их роль в коммунистическом воспитании трудящихся». Библиотечка состоит из двух сборников и четырех брошюр, в которых обобщен теоретический и практический опыт пропаганды и внедрения в жизнь социалистической обрядности.

Выпускаются библиотечки и республиканскими организациями общества «Знание». Так, в Латвийской ССР изданы брошюры «Праздник детства», «Торжественная регистрация новорожденных», «Символика», «В помощь руководителям (организаторам) траурных церемоний». В Молдавии обществом «Знание» издана брошюра «Национальные обычаи и традиции, их роль в коммунистическом воспитании трудящихся», в Казахстане — рекомендации по внедрению в жизнь новых обрядов и традиций. Обществом «Знание» Узбекской ССР выпущены в последнее время брошюры: «Традиции, быт и атеистическое воспитание», «Советский образ жизни и семейно-бытовые традиции», «Новые обряды — в жизнь трудящихся».

Всем комплексом вопросов, связанных с этой проблемой, регулярно и целенаправленно занимаются популярные научно-атеистические журналы общества «Знание» — «Наука и религия» и «Людина і світ».

Таким образом, в пропаганде новой социалистической обрядности сделано немало. Но мы отчетливо видим, как много здесь еще предстоит сделать. Следует, например, признать, что пропаганда советской обрядности не всегда носит планомерный и систематический характер. Мало еще публикаций о ее роли и воспитательном значении, недостает научно-методической литературы, наглядных пособий по этой проблематике. Не всегда усилия организаций общества «Знание» тесно объединены с деятельностью советских и общественных учреждений. Недостаточно активно ведется пропаганда новой социалистической обрядности средствами радио и телевидения. Наконец, не хватает лекторов, специализирующихся по этой тематике. Предстоит принять меры к устранению этих недостатков, к улучшению пропаганды социалистической обрядности.

■ ■ ■

ЖИЗНЬ ТРЕБУЕТ

Н. ТРОХИМЧУК,
директор областного Дома научного атеизма

БЫТ труднее всего поддается изменению, в нем сильнее проявляется сила старой традиции. К тому же на семейно-бытовую обрядность большое влияние оказывала и оказывает церковь. Бесспорно, в развитии социалистической семейно-бытовой обрядности сделано много, но хотелось бы остановиться больше на том, что нужно еще решать.

Жизнь человеческая состоит не только из одних праздников. Наряду с радостным есть и печальное. Смерть человека — такое же естественное явление, как и рождение. А именно со смертью связаны краеугольные мировоззренческие вопросы. Потребность людей в поминовении умерших родных, друзей и до сих пор нередко находит еще выражение в религиозной обрядности, если не считать дней памяти погибших во время гражданской и Великой Отечественной войн. На наш взгляд, следует разработать ритуал дня поминовения, дня светлой памяти близких, дня высокой благодарной печали. Похоронные, поминальные обряды нужны не мертвым. Они нужны живым, поскольку заставляют задумываться над жизнью. В целях воспитания высокого чувства гражданственности, ответственности молодого поколения перед памятью старших целесообразно через соответствующие организации продумать порядок гражданских панихид, дней памяти, благоустройства и эстетического оформления мест захоронений. В нашей области некоторые попытки в этом направлении делаются в Обливском районе.

На Дону сформировалась своя семейно-бытовая обрядность. Лучше всего в области дело обстоит со свадебными обрядами. Несколько медленнее формируется, а главное, входит в жизнь обрядность, связанная с торжественной регистрацией новорожденных. Эмоционально, с использованием условных действий, содержательной и выразительной символики, проходят эти торжественные церемонии во дворцах бракосочетания и счастья, которые теперь есть в большинстве городов и районных центров области.

Заслуживает внимания опыт Мещеряковского сельского Совета Верхнедонского района по торжественной регистрации новорожденных. Глубоко символично, что здесь во время торжественного ритуала наречения имени в честь нового гражданина исполняется Гимн Советского Союза. Родители ребенка являются подлинными героями торжества. Большое место в этом обряде отводится почетным родителям, которым поручается разделить с родителями заботы о правильном воспитании, нормальном развитии и благополучии маленького гражданина. Родителям вручается письменное напутствие новорожденному и медаль «Родился на Дону».

Правда, география этого обряда в нашей области еще недостаточно широка. А там, где он проводится, не всегда бывает эмоциональным и торжественным. Встречаются и негативные явления при внедрении гражданских обрядов. Кое-где семейно-бытовые обряды рассматриваются как массовые клубные мероприятия, проводят их на сцене, превращая в публичное зрелище. Организаторы порой забывают, что такие обряды, как регистрация рождений и брака, носят хотя и торжественный, но прежде всего интимный характер.

Многое предстоит сделать и в развитии свадебного обряда, который, как известно, состоит из официальной и неофициальной частей. У нас в основном разработана официальная часть — торжественная регистрация. Но вот она подошла к концу. И тут возникает масса проблем. Основную роль в создании праздничного настроения у участников обряда призваны сыграть музыка, пение. К сожалению, у нас мало или совсем не создано специальных обрядовых песен, ритуальных игр, чтобы свадьба могла отдохнуть от традиционного «водочного марафона», чтобы можно было сказать, что свадьбу именно сыграли.

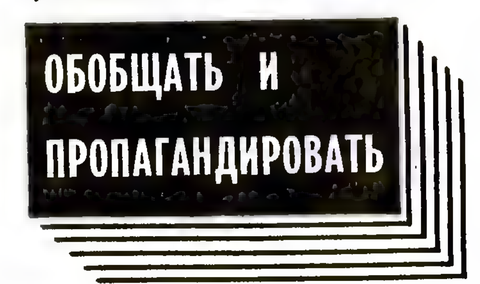
В процессе создания и совершенствования гражданской обрядности следует шире опираться на прогрессивные народные обычаи. Из старого наследия необходимо отобрать все приемлемое, не утратившее современного звучания, добиваясь разумного синтеза традиционного и современного. Например, одним из традиционных элементов русской свадьбы является хоровое пение. Конечно, печальные песни о разлуке с домом, с подругами не могут быть использованы в наше время. Но в старинный казачий свадебный обряд входили и песни торжественные, величальные, поздравительные, шуточные. Кое-что могло бы пригодиться и в наши дни. Стоит подумать и о возрождении древнего свадебного этикета, по которому молодым полагалась одна рюмка на весь пир. К несчастью, пока в ходу обычай наливать молодым так, «чтобы жизнь полной была».

Очевидно, необходимо дать принципиальную оценку сложившимся ранее традициям, чтобы отделить те, которые действительно украшают и делают запоминающимся событие, от тех, которые оказались извращенными и искаженными в угоду церкви и мещанским нравам. Определяя, что можно взять из старого, мы зачастую прямолинейно решаем проблему — анализируем происхождение обряда. А когда обнаруживаем, например, что он связан с языческими представлениями, отвергаем его. Но если возвести это в принцип, то следует отказаться от новогодней елки. Отказаться от обручальных колец, от традиционного наряда молодоженов, поскольку то и другое имеет не только первобытно-магическое происхождение, но и является обязательным элементом церковного венчания.

Создание ритуалов, обрядов и праздников, руководство этим процессом требует сознательного творчества, которое осуществлялось бы компетентными людьми. К сожалению, почти вся работа по художественному оформлению обрядности держится на энтузиазме отдельных сотрудников клубных учреждений и загсов. У нас проводятся самые различные конкурсы: и на лучшую песню, и на лучший спектакль, и на лучший танец... Везде царит дух соревнования. А в такой важной области духовной культуры, как обрядность, он почти отсутствует.

Ростовская область располагает большими силами творческих работников: есть и поэты, и композиторы, и сценаристы, режиссеры и художники. Они могут внести достойную лепту в развитие социалистической обрядности с учетом особенностей нашего края. Жизнь настоятельно требует уделить должное внимание внедрению социалистической обрядности — широкому проведению торжественных церемоний и праздников, умело соединяя в них народные традиции с современной культурой, усиливая эмоциональное воздействие обрядности за счет совершенствования ее художественной формы, завершенности действий.

г. Ростов-на-Дону

ОБОБЩАТЬ И ПРОПАГАНДИРОВАТЬ

Л. БАШИРОВ,
кандидат философских наук

В НАШИ ДНИ процесс формирования социалистической обрядности стал особенно интенсивным и глубоким. И вполне естественно, что в передовой от 18 августа 1971 года «Правда» призвала на основе лучшего опыта пропагандировать, в том числе в печати, обряды, охватывающие различные стороны жизни и деятельности советских людей.

«Правда» и сама дает пример пропаганды социалистической обрядности: чутко реагируя на потребности людей, регулярно освещает все новое, что появляется в этой области. Так, газета отмечала, что в Азербайджане при горкомах и райкомах партии созданы советы по пропаганде и внедрению социалистических традиций, а при ЦК ЛКСМ республики, горкомах и райкомах комсомола — советы революционной славы, объединяющие ветеранов революции, войны и труда. Рассказала «Правда» и о добром обычае, рожденном в оренбургском колхозе «Россия», где лучших людей хозяйства «величают песнями». И нет для передовиков желаннее награды.

Газета регулярно обобщает и пропагандирует опыт по формированию и утверждению новых праздников и обрядов, накопленный в различных регионах страны. Под рубрикой «Партийная жизнь: воспитанию — комплексный подход» была опубликована статья заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Туркмении Н. Байрамсахатова «Утверждая новые обычаи». В крае, где в прошлом брак по шариату был обычным явлением, сегодня действуют более 140 комиссий по проведению новых свадеб. Возглавляют их, как правило, председатели колхозов или их заместители по культурно-массовой работе. Комиссии оказывают большую помощь в преодолении пережитков прошлого. Большое распространение получили в республике торжественные проводы в армию, семейные вечера по случаю рождения ребенка, чествование ветеранов труда и т. д. Новая обрядность, пишет автор, становится частью уклада жизни.

Об этом же свидетельствует и репортаж Р. Володиной «Человек родился!», опубликованный в газете «Известия». В нем говорится о том, что в Пензе задумались над деталями, над которыми прежде никто и не размышлял. Ну разве не хорошо, посудите сами, что перед выпиской из родильного дома молодую мать красиво причесывают и она выходит к родным аккуратная, подтянутая. Разве не хорошо, что встречающие должны снять пальто, а значит, и одеваются соответственно и не позволяют прийти за своим ребенком навеселе, что раньше иногда случалось.

По-новому проводятся обряды и ритуалы, знаменующие рождение ребенка, совершеннолетие, церемонии чествования ветеранов труда, проводы в Советскую Армию, бракосочетание, посвящение в колхозники, чабаны в Ошской области Киргизской ССР. О них рассказывает на страницах журнала «Агитатор» секретарь Ошского обкома партии Б. Рыспаев. Пропагандой и внедрением новых праздников и обрядов здесь занимаются общественные комиссии, которые работают под руководством партийных организаций. «Мы, например, стремимся помочь так организовать свадьбу, — пишет автор, — чтобы она у молодоженов осталась в памяти на всю жизнь. Регистрация брака происходит в торжественной обстановке, в присутствии родителей, друзей и товарищей. Новобрачных поздравляют представители общественности, преподносится подарок от родного коллектива».

О рождении новых, социалистических праздников и обрядов рассказывает и «Советская культура». Автор корреспонденции Л. Вирина приводит убедительные факты, свидетельствующие о популярности в Житомирской области новой обрядности. Взять, к примеру, семейно-бытовые обряды. «Церковные венчания в Житомирской области, — пишет она, — сведены до минимума. Количество крещений детей за последние пять лет резко сократилось...» В 1977 году в области возникло 18 тысяч молодых семей. 16 тысяч из них — а это 90 процентов от общего числа — отпраздновали свадьбу по торжественному ритуалу. Из 24 тысяч новорожденных за год были торжественно зарегистрированы более 21 тысячи малышей (тоже 90 процентов).

Журнал «Молодой коммунист» напечатал статью «Верующие среди безбожников». Авторы Д. Данилов и В. Кобецкий на основе конкретных социологических данных показывают, что религия через свои праздники и обряды вовлекает в свою сферу и часть неверующего населения.

Кстати говоря, случаи, когда неверующие соблюдают религиозные праздники и обряды, считая их национальными, еще нередки. Живуч, например, такой пережиток, как калым — выкуп за невесту. Некоторые доморощенные «теоретики», пишет «Правда» в корреспонденции «Свадьба напоказ», отрицают взаимосвязь калыма и пережитков прошлого. Дескать, это всего лишь подарок жениха, традиционно национальный знак благодарности родителям девушки.

Сегодня немного найдешь людей, которые откровенно стали бы ратовать за калым, ибо «само слово «калым» стало неприличным, оскорбительным, унизительным для женщины, для ее родственников», как бы продолжает этот разговор, но уже на страницах «Комсомольской правды» народный поэт Киргизии Герой Социалистического Труда Аалы Токомбаев. Поэт размышляет о духовных ценностях — подлинных и мнимых, о добрых и вредных обычаях. Разговор получился интересным еще и потому, что он вызван читательским письмом, просьбой о помощи.

К слову сказать, многие ценные идеи и предложения, которые нашли отражение на страницах печати, подсказаны читательской почтой. Вот и статья Аалы Токомбаева — это ответ на письмо в редакцию молодого человека, который пишет, что он и его девушка решили пожениться, но родственники Айгуль намекнули, что по дедовским обычаям нужно приготовить подарки. Причем очень дорогие. Письмо подписала и Айгуль. Поэт горячо разделяет негодование молодых людей. Калыма нет? «Но разве не вариантами того же самого калыма стали обычаи «ачуу басар» — «успокоение» родителей невесты, «алдына баруу» — необходимость испросить извинения и благословения родителей невесты на переход в дом мужа? Ведь все эти «новоизобретения»,— пишет автор,— сопровождаются чрезвычайно дорогими подарками». И далее: «В какую бы личину ни рядился нынче калым, мы должны давать безжалостный отпор тем «ревнителям» старины, которые прячут за туманные разглагольствования о нерушимости дедовских традиций мелочное, алчное желание урвать куш».

Читательская почта «Комсомольской правды» показывает, что проблемы такого рода существуют не только в Средней Азии. В письме в редакцию пенсионерка из Куйбышева Александра Федоровна Просвирнова пишет о случайно услышанном разговоре двух старушек: одна говорила другой, что пора внучке готовить приданое. Автор не скрывает своего негодования: «Приданое? Уж не сплю ли я часом? Может, попала на репетицию пьесы Островского?»

Отвечая на письмо читательницы, корреспондент газеты А. Грамоткина пишет: «Весь строй письма ясно показывает, что приданое в том виде и смысле, какой придают ему старушки в скверике, вы справедливо считаете, дикостью, нелепой шуткой прошлого... А если вопрос будет стоять несколько иначе? Хотя бы так. В некоторых семьях есть желание и возможность создать какой-то разумный минимум, облегчающий детям начало жизни. И я думаю, что мы с вами глубоко неправы, если предадим анафеме саму эту мысль только за то, что она «о вещах». А опасность такая существует». Самое главное приданое, которое мы обязаны давать своим детям, как справедливо отмечает корреспондент, — «умение различать ценности истинные и мнимые, чувство собственного достоинства, способность противостоять обывательской морали».

Эта проблема волнует и читателей других газет. «Ни сундуки с богатым приданым, ни серванты, набитые хрусталем, ни «Волга» в гараже не принесут счастья нашим детям и внукам, — пишет заслуженная учительница школы РСФСР Е. Рудольская в заметке «Не по ковровой дорожке», опубликованной в газете «Советская Россия». — Все это преходяще. Нетленно лишь одно: духовный мир человека с его высокими нравственными идеалами. И это самое, на мой взгляд, ценное приданое из всего, что могут дать родители своим детям в день свадьбы, что сделает их жизнь по-настоящему полной и счастливой».

О силе и действенности нашей прес-

сы, об активном формировании ею общественного мнения против вредных традиций и обычаев свидетельствуют многочисленные факты. Расскажем только об одном. «Литературная газета» напечатала остро публицистическую статью известной туркменской поэтессы Тоушан Эсеновой «Ненавистный калым». Статья вызвала широкий резонанс. Она обсуждалась на заседании Бюро ЦК Компартии Туркмении с участием секретарей обкомов, руководителей идеологических учреждений, творческих союзов, органов печати, телевидения и радио. В республике были приняты решения, в которых содержится развернутая программа усиления борьбы с такими пережитками прошлого, как калым, кайтарма (возвращение молодой жены к родителям до полной уплаты калыма) и другие обычаи. Была также внесена соответствующая статья в Уголовный кодекс республики.

О том, какие изменения произошли после выступления «Литературной газеты», поэтесса рассказала в «Туркменской искре», в статье под названием «Всем миром» (ее перепечатала «Литературная газета»). Т. Эсенова рассказывает, как ее выступление было поддержано десятками людей, какие разительные изменения произошли в республике за сравнительно короткий срок: сыграно множество комсомольских свадеб, торжественно и весело, по-новому празднуется во многих селах рождение ребенка, буквально всем миром поднялись люди против вредных обычаев.

Нет возможности рассказать обо всех народных праздниках и обрядах, которые пропагандирует наша пресса. Анализ материалов, опубликованных в печати, показывает, что читателей очень волнует эта тема. Они обращаются в редакции за советом и помощью, высказывают свои соображения и предложения.

И. ВАСИЛЬЕВА

НЕРЕДКО среди газетчиков, пишущих на атеистические темы, разгораются споры, в частности, о том, какими должны быть конкретные линии освещения атеистической проблематики.

Увидеть и выделить эти направления, а затем и нацелить на них журналистов — весьма непросто. С одной стороны, велика опасность заблудиться среди многообразия тем, с другой — вовсе уйти от решения проблемы, ограничившись, к примеру, публикацией общетеоретических статей. Последние для редакций имеют даже некоторую притягательную силу, ибо, не требуя больших усилий, создают видимость систематической пропаганды. Особенно часто прибегают к такой практике районные газеты.

Однако очевидно: современный читатель достаточно грамотен и имеет (даже в сельской местности) все возможности почерпнуть необходимую общеатеистическую информацию из книг, брошюр, лекций. Местной же печати, думается, следует сосредоточить свое внимание не столько на общих положениях, сколько на критике конкретных проявлений религиозной идеологии в данное время, в данном регионе и на освещении конкретного опыта атеистической работы. То есть газете нужен не абстрактный, а личностный подход, идущий от конкретной, жизненной ситуации.

Взять, к примеру, районные газеты нашей Омской области. Большинство из них уделяют достаточно места атеистической теме. «Знамя» (Исилькульский район) и «Сельская новь» (Москаленский район) в этом плане не исключение. Но половина атеистических публикаций за 1977 год и первые полгода 1978 года в этих газетах представляют собой общетеоретические статьи, перепечатанные из брошюр общества «Знание», журнала «Наука и религия» и т. п. «Знамя» перепечатала даже семь глав из книги А. Белова «Мнимое братство», вышедшей в издательстве «Детская литература». Формально атеистических публикаций вроде бы достаточно. Однако их кпд крайне низок, и наиболее яркое свидетельство тому — отсутствие читательских откликов.

Разумеется, это не означает, будто теоретическая статья вообще не имеет права на существование на газетной полосе. Но она уместна лишь в том случае, когда ее положения, выводы подтверждаются конкретными местными примерами и фактами. У «Сельской нови» такой опыт есть: достаточно вспомнить статьи «О чем рассказала анкета» и «Крестины». И в этом немалая заслуга нештатного отдела атеистической пропаганды газеты.

Нельзя забывать и о том, что любой атеистический материал — это непременно показ противоположности двух мировоззрений. Раскрыть эту противоположность и помочь читателю ее осмыслить — задача интересная и благодарная для журналиста.

Год назад обе газеты рассказали на своих страницах о судьбе комсомолки Лины Клабуковой, отстоявшей перед самыми близкими людьми свое право на атеистические убеждения, рассказали о бывших единоверцах девушки, пытавшихся любыми средствами вернуть ее в общину, вынесли на суд читателей поступок одного из них, решившего, что он вправе покарать «отступницу» и поднять на нее руку.

Статья «Избиение за «непослушание» («Сельская новь», 1978, № 43) по достоинству оценила и мужество девушки, и поступок ее бывших «братьев». Многочисленные отклики, письма из самых отдаленных сел — свидетельство того, что статья не только нашла читателей, но и пробудила в людях боль, тревогу за Лину, за тех, кто, как и она, стремится избавиться от религиозных иллюзий.

В целом обе газеты уделяют значительное внимание атеистической пропаганде. Правда, объектом являются лишь протестантские объединения. «Знамя» и «Сельская новь» практически не публикуют материалов по православию, католицизму, лютеранству, мусульманству, хотя необходимость в подобного рода публикациях, безусловно, существует: в районах есть представители этих вероисповеданий.

Слабо звучит на страницах «Знамени» и «Сельской нови» тема атеистического воспитания в школах, практика атеистической работы партийных и комсомольских организаций. А база для подобных публикаций имеется: партийные, комсомольские организации названных районов ведут большую работу по атеистическому воспитанию трудящихся. Однако газеты отражают ее крайне редко, причем подобные публикации носят сугубо информационный характер.

Редко можно встретить на страницах газет рассказ о новых советских обрядах, которых в Исилькульском и Москаленском районах немало. Не поднимаются и вопросы формирования активной атеистической позиции, борьбы с индифферентным отношением к религии. Не становятся темами газетных выступлений случаи отправления религиозных обрядов (венчаний, крещений) неверующими. А ведь это принципиально важно. Что служит мотивировкой подобных поступков: нежелание вступать в конфликт с представителями старшего поколения, настаивающими на совершении обряда? Боязнь остаться в результате такого конфликта без материальной поддержки? Экзальтированность, стремление к псевдоромантике? Необходим строгий анализ и учет мотивов, глубокое их осмысление, принципиальные выводы. Такой разговор газеты с читателями важен еще и потому, что он выходит за рамки сугубо атеистической тематики, поднимает проблему шире — о твердости убеждений, принципов, цельности личности.

Одна из основных причин большинства недостатков в атеистической пропаганде на страницах «Знамени» и «Сельской нови» — отсутствие четкого планирования. В редакционных планах эта тема намечена лишь в самых общих чертах. Кроме того, газеты сосредоточили свои усилия только на собственно атеистической пропаганде. А ведь процесс формирования атеистических убеждений многообразен. Атеистическая убежденность — результат воздействия всех направлений коммунистического воспитания. Газеты недостаточно учитывают эту комплексность, не принимают в расчет того, что эффективность атеистической пропаганды высока лишь тогда, когда она органически сливается с другими направлениями коммунистического воспитания. С другой стороны, слаб атеистический акцент в пропаганде марксистско-ленинской теории, советского образа жизни, успехов и достижений развитого социализма, естественнонаучных знаний. Рассказывая о коммунистах, о лучших людях сегодняшнего села, эти газеты не раскрывают богатства духовной жизни героев, их нравственной красоты. Должен найти свое отражение в газете и духовный поиск человека, его стремление к наиболее полному познанию себя, окружающего мира, гармонии с ним.

г. Омск

Л. МАЛКОВА, Ю. МАНИН

ЖУРНАЛ белорусского радио «Для верующих и неверующих» звучит в эфире уже более 15 лет. Он выходит дважды в месяц — по субботам в одно и то же время. Выпуски его делаются в основном по письмам радиослушателей. Журнал имеет постоянных авторов, выступающих по определенным темам. В передачах регулярно звучат циклы лекций, беседы, ответы на вопросы радиослушателей, инсценировки произведений художественной литературы.

Вначале атеистические передачи велись от случая к случаю, строились без учета аудитории и даже не имели названия. Только в 1962 году они были оформлены в радиожурнал. Уже после выхода в эфир первого номера на радио пришло около 300 писем. А всего с тех пор — около 60 тысяч. И многие были использованы в передачах. Причем письма шли не только из Белоруссии.

Как известно, безадресная дискуссия, обращение «вообще» обычно не вызывает ответной реакции. Поэтому из своей почты редакция выбирает такие письма, которые представляют интерес для слушателей: скажем, о воспитании детей и подростков, об отношении к труду, о том, делает ли религия человека духовно богаче, нравственнее?

В одной из передач были зачитаны высказывания слушателей по поводу «святых писем». В частности, такое: «Надо не спорить с их авторами и не доказывать им ошибочность поведения, а привлекать к ответственности как подстрекателей и провокаторов». Ведущий радиожурнала так прокомментировал возмущение автора письма: «Думается, таких суровых слов, как подстрекательство и провокация, эти люди не заслуживают. Скорее, их надо пожалеть. Мне представляется, что в большинстве своем они верят, что случится горе, если не перепишут и не разошлют эти письма. Страх — вот что движет ими. И страх — вот что они сеют своими письмами».

Сегодня уже можно сказать, что атеистические передачи белорусского радио помогают многим людям, особенно верующим, по-иному взглянуть на окружающий мир и свое место в нем.

Об этом красноречиво говорят письма, которые присылают в редакцию слушатели.

Константин Олешкевич из деревни Слобода Новогрудского района Гродненской области: «Еще недавно я старался не слушать ваших передач. Но каждый раз, когда объявляют передачу «Для верующих и неверующих», не могу отойти от репродуктора. И душу мою мучают сомнения. И хочется вам верить, и страшно».

Василий Туренок из села Бертошки Молодечненского района Минской области: «Почему я понял, что религия обманывает людей? Потому что в ваших передачах выступало много бывших верующих, а также бывших священников и ксендзов. Они очень хорошо все объяснили».

Зенон Юдицкий из Вильнюса: «Раньше я тоже верил в бога, а теперь стал неверующим. Помогли мне в этом книги, радио и наука. И я стал счастливым человеком...»

Безусловно, популярности радиожурнала способствовали беседы бывшего профессора Ленинградской духовной академии А. А. Осипова. Он хорошо знал психологию верующего человека, его беседы протекали живо и увлекательно. Особый интерес представляли его ответы тем радиослушателям, которые, защищая религиозные мифы, ссылались на Библию. Кто-кто, а А. А. Осипов прекрасно знал эту книгу. Многие слушатели эти вопросы так и адресовали: «Белорусское радио. А. Осипову».

г. Минск

В 12-м номере нашего журнала за 1978 год сообщалось о том, что в рукописном отделе Ленинградской государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина завершена работа по разбору и систематизации рукописного

„ОДНО ИЗВИНЕНИЕ

Мое выступление по Белорусскому радио вызвало много откликов. Как всегда, есть и дружеские, и письма ищущих правды, и злые отповеди фанатиков. Позволю себе вновь занять на короткое время внимание слушателей и ответить на несколько из этих полученных писем.

Прежде всего об анонимных авторах писем.

Один из них, из Бреста, сомневается, что я много раз читал Библию — я, де, не мог бы иначе не заметить в ней прекрасных мест, за которые Библию нельзя не любить. Вот, де, у Исаии есть слова: «Перекуют мечи свои на орала», разве это плохо? Никто не говорит, что плохо. И мы те же слова твердим. Плохо другое. Что в той же Библии у другого пророка — Иоиля — есть другие слова: «Перекуйте орала ваши на мечи...» Оба изречения стоят в Библии, а одно исключает другое. В том-то и беда, что Библия — не божественное откровение, а сборник человеческих произведений древности. Творилась она веками. И отразилось в ней и доброе, и злое, что бывало в мире. И зовет она то «не убивай», то «убивай», то «не кради», то грабь, чтобы «набрать добычи»... Вот почему глубоко вредно, когда это пестрое отражение пестрых веков человеческой истории, давно изжитых рабовладельческих и им подобных понятий выдается за непреклонную истину. И ведь из-за этой, с позволения сказать, «истины» жгли людей.

А мой неведомый оппонент из этого пестрого человеческого конгломерата древних библейских сказок и заблуждений еще и пророческие выводы о нашей действительности хочет делать. Хотя, например, главы книги Даниила, на которые он ссылается, являются подложными пророчествами. Научный анализ показал: писались они после событий, о которых говорят, писались, как пишется любая история, — о том, что уже было. А потом священники, переписывавшие и подгонявшие под выгоды религии древние летописи и записи, сделали к ним приписки — будто бы написал эти пророчества человек, живший не после событий, о которых писал, а до них. Так исторические записи превратились в пророчества. История стала религиозной ложью...

«Вы говорите, что бога нет, а мне кажется, что бог есть», — таково мнение слушательницы из Буда-Кошелевского района Гомельской области. А доказательство его существования она видит в знахарстве, в том, что разные женщины да старички лечат наговорами да молитвами. И раз, де, лечат, значит, есть сила, которая те молитвы подкрепляет... Ох, дорогая моя далекая собеседница! По какой опасной дорожке ходите вы в жизни! Внушали вам темные люди, что бесы да порчи вокруг, что лечить от них надо бесогонными да колдовскими средствами, а вы и доверились...

Да, бывает иногда, что ходит к знахарям человек и как будто облегчение получает, иногда даже и выздоравливает. Бывает это, если болезнь имеет нервную подоплеку. Тогда самовнушение, самогипноз может подействовать. Иногда, пока человек наговорными водами лечится, в болезни самой по себе перелом произойдет и организм с нею справится... И хотя все это бывает редко, люди эти случаи запоминают и ими доверие свое питают. А того не замечают, сколько других больных, уповая на знахарей и не обращаясь вовремя к врачам, запускали болезни, доводили себя до смерти, калечили жизни свои или своих близких. Им бы заметить это, выводы сделать, отвернуться от вредного суеверия. А те же знахари да церковники им о покорности господу богу напоминают, рабским смирением трезвую рассудительность человеческую глушат. Умер, де, человек — божья на то воля. Нет воли божьей — и знахарь не поможет... Это значит — случайный успех — себе в честь и славу, а сотни и тысячи смертей, неисцеленных болезней и несчастий — на богов счет. Его, де, воля, а нам терпеть да молиться доля...

А вы еще пишете: «Чего вы так критикуете религию? — ни-

наследия известного пропагандиста атеизма Александра Александровича ОСИПОВА, умершего в 1967 году, и была впервые напечатана его пьеса «Внутренний взрыв».

Предлагаем вниманию читателей несколько ответов слушателям белорусского радио, с которым А. А. Осипов сотрудничал в течение многих лет (публикуемые ответы относятся к 1963—1964 гг.).

у бога – что нет его"

А. ОСИПОВ

кому-то она не мешает». Вам же первой и мешает. Вот вы по знахарям свое да близких своих здоровье и силы растрачиваете, подрываете — да бога еще и благодарите, да несуществующего еще и защищаете... А мы за вас же, за вашу радость, за вашу жизнь с верой в этого несуществующего воюем...

Колхозница из Полесья (так подписано письмо) пишет, что «когда бы бога не было, то вам не надо было б так утверждать, что его нет. Чего нет, того нет».

А мы, дорогой товарищ, по существу, и не боремся против бога, которого нет, а боремся против сказок о его существовании, чтобы эти сказки не отвлекали людей в мечты о несуществующем, от того, что единственно реально и достойно внимания: от жизни и самих людей с их делами на земле. Вот куда надо всем приложить руки, чтобы жизнь наша общая лучше стала, правильнее, прекраснее. А сказки о боге и церкви отвлекают людей от задач и дел реальной жизни.

Вы пишете, сколько хороших, честных людей знавали среди верующих. Ну и что же?.. Не показывает ли это только, что хороший человек, и веруя, сохраняет хорошие черты свои... А с этим никто и не спорит. Но правоты веры это не доказывает. Можно назвать тысячи других хороших людей, которые не верят...

А вот давайте подойдем к этому вопросу по-другому. Я могу назвать вам множество примеров, когда люди во имя веры своей, именно ради своей веры, во славу ее, по приказам ее наставников шли на преступления, делали зло, мерзкие дела...

Так, в Женеве был сожжен врач Сервет, в Риме — астроном Джордано Бруно, на Украине был убит журналист Ярослав Галан, в Москве и Петербурге преследовали Сеченова, Тимирязева и других ученых, отдававших все свои силы, чтобы облегчить людям их жизнь. Так, церковники сожгли несколько сотен тысяч (да, да — сотен тысяч, я не оговорился!) женщин, обвинив их в том, что они ведьмы, то есть тоже из-за чисто религиозных предрассудков. Так, в религиозных войнах католиков с лютеранами, христиан с мусульманами и т. д. были истреблены миллионы людей... И все это во имя веры, ради веры, именем бога...

Воры, убийцы, негодяи бывали и среди верующих, и среди неверующих. Здесь религия ничем не могла сделать людей лучше, чем они есть сами по себе как люди... А вот хуже, злее, нетерпимее, более жестокими делала их во имя религиозного фанатизма часто. И это уже ее собственные преступления.

Так что не надо общечеловеческое добро, которое вы наблюдали в простых верующих людях, но которое можете наблюдать с не меньшей, а еще с большей силой и среди неверующих, не надо, повторяю, приписывать это добро религии.

И опять пришел ко мне почтальон и принес толстый пакет. Ваши письма, ваши отклики, дорогие далекие, но близкие радиослушатели. Одни из вас меня благодарят, другие спорят со мною... Что ж, давайте, продолжим разговор.

Сегодня придется говорить в первую очередь о самом господе боге. Есть он или нет его? Что и говорить — вопрос для религиозного сознания кардинальный. Есть бог — атеистов только пожалеть можно, что они этого не сознают. Нет бога — так чего же верующие на молитвы ему время тратят, жизнь неповторимую, драгоценную на служение пустоте разменивают...

Слушатель из Пинска, подписавшийся инициалами П. Н. С., спрашивает: «Откуда вы знаете, что нет бога? Ведь бог невидим и непостижим. Бог выше всякого человеческого понятия».

А вы знаете, что в вашем же «слове божьем» есть неглупые слова: «По делам твоим будут судить тебя». Это у пророка Иезекииля, в 24-й главе. Сказано о людях. А если это к богу применить? Что нам дела его на земле скажут? Вот в Скопле, в Югославии, сколько людей погибло? Не от человеческих дел, от стихийного бедствия — землетрясения. Скажете, по грехам бог наказал. А детей? За что их земля глотала, камни площили? А за что иных людей с младенчества безногими, калеками, уродами бог сделал, если он есть и если его воля творится в мире? За одно это можно от него отречься. От сущего! А если он не сущий и это просто от природы, то и спрос другой. Но тогда и молиться некому и незачем... А сколько таких бед в мире происходит. Если есть бог, прямо скажем: скверно он мир устроил — бактериями, вирусами, змеями ядовитыми, зверями-хищниками начинил... Трясет, заливает, ураганами губит им же созданную жизнь. Лавой и пеплом душит, лихорадками трясет, раком и гипертонией корчит... Одно извинение у бога — что нет его. А то, прямо скажем, все суды мира можно было бы завалить исками, делами уголовными, тяжбами против такого творца и промыслителя.

Впрочем, тов. П. Н. С. и сам видит, что старый бог уже миру не годится, и пишет: «Понятие о боге исторически изменяется. То, что принималось за истину тысячи лет тому назад, теперь уже не соответствует человеческому развитию. Люди взошли уже на высшую ступень и видят гораздо дальше и больше. Поэтому Библия нас уже не удовлетворяет и должна быть заменена понятием высшим, современным. Независимо от того, будете ли вы верить или нет,— бог был, есть и будет».

Да, бога люди себе по образу своему некогда в темноте и невежестве своем выдумали... Но растет человек, подправляет и ошибки свои старые... Но всегда ли их следует только подчищать, приглаживать, подмазывать? Дети малые — сказкам радуются. Вырастут — им баба-яга, Иван-царевич, жар-птица уже не к лицу. Им действительность подавай. Они в ней разобраться хотят. Зачем же вы, правильно рассудив, что бог с людьми, как их творение, как их отражение «растет», того не поняли, что люди в конце концов из заблуждений своих, как дети из костюмчиков своих, вырастают и с этими костюмчиками, что на нос не лезут, расстаются. Сказав «А», надо говорить и «Б». Поняв, что старые формы веры отжили, надо уметь и их, и то, чему они учат, отбросить... Вот вы поняли, что Библия нас уже удовлетворить не может, а ведь вся вера в бога, все сведения о боге на ней одной зиждутся. Чего же вы — книгу бросаете, а за сказку ее держитесь?

Четверо верующих из Брестской области, двое из Минска и авторы еще нескольких писем выставляют в качестве основного аргумента против научно-атеистической пропаганды следующий, как им кажется, неотразимый довод:

«Зачем вы нападаете на православие? Ведь это исконная русская вера. Бороться против нее — это все равно, что изменять Родине и своему народу».

Рассмотрим это утверждение со всей серьезностью.

Во-первых, об исконности православия как национальной «русской веры».

Русь приняла православие, как известно, только в IX веке. До этого исконной религией наших предков был культ стихий и предков. И замена эта проходила далеко не так идиллически, как любят говорить об этом нынешние церковники. По приказу Владимира в Киеве людей просто загоняли крестить в воду, не принимая никаких отговорок. А подальше от столицы вера навязывалась и вовсе открытым насилием над душами человеческими. Недаром в ту переходную эпоху народ сложил красноречивую поговорку: «Добрыня крестил мечом, а Путята огнем».

Но оставим в покое столь глубокую древность... Прошли столетия, и в XVII веке Никон — патриарх провел свою реформу веры. И появилась современная форма православия. Но эту веру не приняли сотни тысяч исконно русских людей, которых стали называть раскольниками или старообрядцами, они и доселе живут в нашей стране. А вот спросим их о православии как об исконно русской вере, и они назовут то же

самое православие «никонианским зловерием», а исконным — старообрядчество.

Русскими, белорусами, украинцами и при этом честными патриотами своего Отечества являются и многие неправославные христиане. Кровью и подвигами засвидетельствовали свою верность Родине в минувшую войну миллионы тех же русских, белорусов, украинцев — атеистов...

И сегодня верующие и неверующие, люди религиозных и нерелигиозных взглядов и убеждений одинаково трудятся на благо своей Родины, во славу населяющих ее народов.

Но, может быть, именно православию народ обязан сохранением и развитием русской национальной культуры?

Об этом любят говорить сегодняшние руководители церкви. Они ссылаются на красоту храмов, на величественные ансамбли монастырей, на их роспись. С удовольствием упоминают о народности иконописных росписей Рублева, фресок Ильинской церкви в Ярославле и т. д. Как будто, не будь церкви — народ не сумел бы создать ничего прекрасного...

А между тем, поступая на службу церкви и воплощая в ее заказах свои идеалы красоты, русские, белорусы, украинцы уже приходили в церковь вооруженные талантом, а не получали эти таланты от религии. Сейчас организуется целый ряд музеев на открытом воздухе, музеев народного деревянного зодчества. И какие же дивные памятники собирают туда ученые! Какие образцы умельчества, искусства, понимания красоты! Не церковные, не религией продиктованные, а глубоко народные, светские.

Если это относится к зодчеству, резьбе, скульптуре, живописи, прикладному искусству, то еще более разителен контраст, когда мы обратимся к таким формам искусства, как музыка, пение, театральное мастерство. Церковь принесла с собою на Русь готовые формы греческого многогласия, театрализованные церемонии религиозного ритуала. И развивала их в ходе истории, разумеется. Она создала ряд своеобразных музыкальных шедевров. Но смотрела на них узко утилитарно и использовала в своих строго пропагандистских целях. И она же веками преследовала народное пение и народную песню, обрушила целый каскад проклятий и репрессий на исконные наши музыкальные инструменты — балалайки, бубны, сопилки. Жгла и гноила в тюрьмах первых народных актеров — скоморохов. Она ставила препоны развитию отечественных наук, травила изобретателей, присваивала себе труд умельцев.

Став, наконец, господствующей религией российского дворянско-помещичьего самодержавия, она всем авторитетом своим гасила и душила любые формы народного свободолюбия, протеста против гнета и классового насилия. В ней, в церкви, делавшей ставку на тех, кто силен, кто у власти, родился затем и тот великорусский национал-шовинизм, который поднимал пяту на братьев по крови и духу — украинцев, белорусов, не говоря уже о неславянских народностях нашей Родины, которые получили презрительную кличку «инородцев» и на родной земле своей были объявлены людьми третьего сорта, как белорусы и украинцы — славянами второго сорта. Вот тогда-то как плод этого альянса угнетения и освящавшей его веры и родилась легенда о православии как исконно русской вере, легенда, до сего дня водящая за собою на поводу доверчивых и легковерных.

Но не принадлежность к той или другой религии делает человека верным сыном своего народа, своей Родины, а преданное сердце, верная душа, любовь к Отчизне и горячая жажда послужить ей. А у нас, в советской нашей Родине — еще и социалистическое сознание, интернациональное единство трудящихся...

Вот почему случилось так, что русский генерал Карбышев, татарин Муса Джалиль, белорус Константин Заслонов, испанец Рубен Ибаррури отдали кровь и самые жизни во имя победы нашей Отчизны и поражения фашизма, хотя ни один из них не был ни исконно православным, ни верующим вообще.

А среди исконно православных священнослужителей и архиереев были и такие, кто оказался предателем своей Родины, торговал ею вразнос ради чинов и теплых мест, безопасности и благополучия, но во вред своей Родине и своему народу...

Когда-то народ сказал, что не место красит человека, а человек место. И вера, которую исповедует человек, тоже не красит его, а вот человеческие дела и подвиги себе охотно присваивает, красясь при случае под героизм, патриотизм и исконную народность.

Некоторые слушатели недоумевают: чем может быть вредна людям религия? Да хотя бы тем, что подтачивает веру человека в свои силы, веру в общество человеческое, в знания, в право человека быть хозяином мира. Тем, что присвоила себе отдельные красивые элементы искусства. Причем, присвоив себе некоторые элементы искусства, церковь и особенно секты сами же восстают против остальных форм того же искусства — осуждали и осуждают светские пение, музыку, увлечение театром, кино, светской литературой, еще более осуждают танцы, балет, совсем враждебны праздничному отдыху людей, требуют отдавать досуги богу и молитвам, крестам и иконам, а не светлой радости человеческого стремления к красоте жизни.

Религия вредна тем, что переносит центр тяжести, цель жизни из неповторимости земного нашего бытия в несуществующую жизнь по смерти, на «тот свет», учит разменивать жизнь — ценность подлинную на царствие божие — ценность выдуманную, несуществующую, ложную. Тем, что превозносит такие, с позволения сказать, «добродетели», как молитва (по церковным понятиям — «царица добродетелей»), пост, смирение, непротивление, терпение, несение страданий и т. д. Скинули бы мы иго гитлеризма, если бы были божьими смиренниками, безропотными терпеливцами, радовались причиняемым нам страданиям? Тяжек и велик счет, который люди могут предъявить религии. И оправдания ей нет и быть не может...

Среди многих писем, поступивших на радио после моих передач, очень порадовало меня одно — из села Принуцка Брестской области. Вот и учиться много человеку не пришлось, но оказался у него ясный ум, светлое сознание, наблюдательный взгляд, умение подмечать в жизни главное. И эти превосходные способности помогли ему разобраться, что к чему в том, в чем путаются многие и более образованные, может быть, да безоговорочно подчинившие свои мыслительные способности власти суеверий, религиозным предрассудкам люди. Послушайте только, как рассуждает автор этого письма:

«Здравствуйте, дорогая редакция! Хочу я вам кое-что написать в рассуждении о религии. Часто слышу я по радио, как вы рассказываете верующим и неверующим о боге и святых. Я со своей стороны что-то не верю, чтобы бог был и какие-то его земные помощники, как описывает их Библия. Посмотреть на нее внимательнее — и чувствуешь, что многое выдумано священниками, чтоб к ним люди шли, полководцами, внушавшими людям, что бог им помогает. Потому у них бог и наступает и уничтожает другие племена и казнит, как недавно Гитлер казнил. И во всем этом им помогает бог, их тем оправдывает. А ведь баптисты и наши попы тоже утверждали во всех бедах, что бог наказывает за грехи. Да если бы был он — бог, разве ему не все люди были бы равны — что черные, что белые. Ведь если он сотворил человека на свет, неужели же сам потом разделил людей на племена и народы, чтобы они уничтожали друг друга. Разве хороший отец позволит детям своим убивать своих братьев и сестер? Я думаю, что нет. А ведь служители божьи — вот, скажем, католическое духовенство — от имени бога благословляли Гитлера, когда он шел на Россию. Впрочем, их же бог молитв и не услышал. Побили Гитлера.

Вот я и думаю: не будет солнце обогревать нашу планету — не будет на ней жизни, ни растений, ни животных, и в том числе человека. Не будет человека — не будет ни добра, ни зла, ни черта. А живет человек на свете — и все они в мыслях его существуют. Хочет он правды, любви — называет их богом, не любит зла — честит его чертом. Нет на самом деле ни бога, ни черта, а есть слова, выражающие то, что нам нравится, что не нравится. Все в самих людях, а помимо людских мыслей — бога нет. А что касается мыслей о царстве небесном, о котором нам говорят, то в него и вообще-то верить не следует.

Наша человеческая совесть, добрая любовь одного к другому — вот подлинный «бог» между нами, и другого нет и не было. Тот-то, выдуманный, помимо людских мыслей будто бы живущий, о котором проповедуют, — когда он помог хоть одному человеку на свете? Разным калекам, которые обращаются к богу с просьбой услышать их и помиловать? Но бог что-то не слышит и не хочет слышать. И когда сильный убивал слабого, ни одного сильного насильника бог не остановил, а если что и останавливало насильника, так рука другого сильного, но честного человека».

Что прибавить к этим словам доброго, не отягощенного суевериями человеческого разума, кроме пожелания, чтобы и другие люди научились вот так же зряче смотреть на мир вокруг, на жизнь, на других людей и самих себя, научились бы в сознании большой нашей человеческой правды отбрасывать злые, запугивающие нас неправды о боге и черте, «том свете» и других «таинственных силах», вся «тайна» которых заключается в том, что их нет, не было никогда и не будет, а люди поклоняются им как чему-то реальному. Вот так!..

Молитвенные барабаны. Каждый поворот равноценен прочитанной молитве.

На богослужении в дацане.

К. ГЕРАСИМОВА, кандидат исторических наук

ДЕВАЛЬВАЦИЯ ДОГМЫ

Дацанский оркестр.

Традиции и действительность в современном ламаизме

ЧАСТЬ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ Бурятской АССР и Агинского национального округа Читинской области издавна исповедуют ламаизм[1]. Под влиянием исторических процессов, сформировавших новый, социалистический образ жизни советского народа, в сознании верующих бурят произошли определенные изменения. Это особенно четко видно из результатов этнографических и конкретно-социологических исследований, проведенных в 1962—1966 и 1972—1976 годах.

Исследования подтвердили общие закономерности глубокого кризиса ламаизма, необратимые явления распада традиционного комплекса религиозного сознания и поведения верующих, а нередко даже, по существу, исчезновение религиозных элементов в психологии и поведении людей. Но это еще не означает, что они стали атеистами. Атеизм предполагает осознанное неприятие религии, а также активную деятельность по преодолению пережитков прошлого. В данном же случае речь идет о безрелигиозности — о незнании вероучения, языка религиозных текстов, религиозного содержания обрядов, отказе от их совершения, о безразличном отношении к предметам культа, к будущему религии.

Октябрьская революция застала нынешних 70-летних бурят в юношеском возрасте. Это поколение не менее 20 лет испытывало влияние ламаизма в полном объеме. У нынешних 60-

Предыдущие статьи цикла, посвященного буддизму, см. в № 1 и 3 за этот год.

[1] Ламаизм — одна из форм буддизма, возникшая и развивавшаяся в VII—XIV вв. в Тибете и получившая некоторое распространение на территории нашей страны среди монголов, бурят, тувинцев и калмыков.

летних наиболее активный период формирования личности пришелся на конец 20-х — начало 30-х годов, то есть на время острой классовой борьбы. И те и другие были очевидцами массового отхода населения от религии. Вся или большая часть их сознательной жизни прошла в условиях строительства и победы социализма в СССР.

Проанализировав ответы именно этих двух возрастных групп, мы можем сделать некоторые выводы. Наибольшему разрушению в сознании этих поколений подверглись нормы религиозной морали. Даже глубоко верующие негативно относятся к классическим буддистским понятиям добра и зла, смысла жизни, счастья, путей его достижения. Правила религиозной морали многими забыты если не полностью, то в значительной мере. Большинство верующих дают положительную оценку своей жизни, несмотря на неизбежные личные переживания. Редко кто согласен с буддистской догмой, по которой страдания — извечная, неотъемлемая и единственно реальная сущность земного бытия. Немногие признают только верующих носителями высокой нравственности. Многие не считают поклонение Будде, ламе или жертвоприношения храмам показателем нравственности человека. Все это подтверждает определяющее значение социального бытия в формировании моральных установок и ценностных ориентаций. И в этом, вероятно, главный итог воздействия советской действительности на сознание верующих.

По отношению к нормам религиозной морали всех опрошенных можно разделить на три группы. Верующие, для которых такие понятия ламаистской морали, как десять черных грехов и десять белых добродетелей, авторитетны и приемлемы, правда, если не противоречат их общим современным представлениям о счастье и хорошей жизни. Неверующие, для которых эти понятия греха и добродетели в качестве норм религиозной морали неавторитетны и неприемлемы. И, наконец, безрелигиозные или колеблющиеся. Эта группа часто не видит разницы между религиозной и нерелигиозной моралью, в понятия греха и добродетели нередко вкладывает нерелигиозное, светское содержание.

Но и такое разделение на группы не окончательно, так как для большинства верующих (в основном пожилых) нормы классической буддистской морали стали чуждыми, абстрактными понятиями, и они все активнее переосмысливают их. Ведь жизненный опыт этих людей связан с социалистическими преобразованиями в Бурятии. Они многое испытали, и не из книг знают, что такое царизм, классовый гнет, социальное и духовное бесправие, господство дацанов[2] и ламства.

Далее, несмотря на незнание и даже отрицание конкретных норм классической буддистской и ламаистской морали, все же большинство верующих во всех группах населения, а также некоторое количество колеблющихся и неверующих граждан, в том числе с высшим и специальным средним образованием, считают, что религия может быть полезной в нравственном воспитании людей. Такие стертые, половинчатые представления характерны для тех, у кого материалистическое мировоззрение не сформировалось как целостная система научных понятий, а социалистический уклад жизни не дает им личного четкого ощущения реакционной роли религиозной идеологии.

Обычно верующие и неверующие из десяти ламаистских заповедей о грехах и добродетелях помнят только те, которые относятся к простым нормам человеческого общения: безнравственно убивать, красть, пьянствовать, причинять вред людям хулой, клеветой, ложью и т. д. Но эти моральные нормы созданы не религией, они отражают необходимость регулирования человеческих общественных отношений. Религия использовала эти нормы для создания и защиты своего авторитета, пропагандировала их с помощью притч, пословиц, поучительных историй, средствами изобразительного искусства. Поэтому и создалось мнение, что религия озабочена воспитанием людей. Каковы цели этого воспитания, какой тип человека считается с точки зрения религии идеальным, кому удобен такой «хороший человек» — об этом, как правило, люди не задумываются. А пропагандисты атеизма не уделяют достаточного внимания критике религиозной морали, что могло бы помочь понять несовместимость нравственных идеалов социализма и религии.

Ламаистская церковь ассимилировала общественно-родовые культы духов гор, скал, тайги, рек, озер, родников, которые почитались в качестве «хозяев» данной местности. Род, ведущий свое происхождение от одного предка, ежегодно совершал общественное жертвоприношение своему родовому покровителю. С течением времени ритуальная сходка на «обо»[3] стала обрядом, символизирующим закрепление не только родо-племенной, но и территориальной общности смешанных этнических групп. Впитывая древние местные культы, ламаистская церковь включала в свою сферу наиболее важные обряды, не меняя или почти не меняя их религиозного содержания.

Однако, ассимилируя культ покровителей семьи, которыми могли быть не только духи и вообще представители шаманистского пантеона, но и «хозяева» местности, огня, домашнего очага, ламаистская церковь полностью заменила прежний объект религиозного поклонения, поставив на место шаманских духов ламаистских богов: «срунма» или «сахьюсанов» — защитников веры, счастья и благополучия людей.

Этот культ получил широкое развитие в ламаистской обрядности и на бытовом и на церковном уровнях. Была создана многофункциональная система одного и того же обряда жертвоприношения богам — защитникам веры. В семейной обрядности эти «срунма» стали богами-хранителями прежде всего главы семьи. Но в силу этого они считались покровителями и остальных членов семьи, переходя по наследству от отца к сыну. На молебны в честь богов — защитников веры — главы семей собирались ежемесячно.

Основное содержание новогоднего молебна в дацане сводилось к торжественному жертвоприношению всем главным и вто-

[2] Дацан — ламаистский храм, монастырь.

[3] «Обо» — груда камней, возводимая на вершинах гор, на перевалах, в определенных местах степных дорог, у рек и источников.

ростепенным богам — защитникам веры. В летнее время проводился торжественный ритуал мистерии цам — пляски лам в масках богов — защитников веры. Они должны были обеспечить процветание религии и благополучие верующих.

Обязательной частью обрядов на «обо», во время трехдневного «маани»[4], похоронного, свадебного, большинства хозяйственных обрядов, а также обрядов призывания богатства и счастья, обеспечения личного благополучия были жертвоприношения богам — защитникам веры. В число богов — защитников веры — входил и персональный хранитель данного храма. Таким образом, ламаизм настойчиво формировал у верующих убеждение, что их личное и семейное благополучие связано с процветанием церкви, что следует ревностно исполнять религиозные обряды, участвовать в дацанских богослужениях, читать молитвы и священные книги, верить во все религиозные догматы, благоговеть перед духовенством и, главное, подкреплять все это щедрыми подношениями духовенству.

Ассимиляция прежних культов позволила ламаистской церкви распространить свое влияние на все сферы жизни народных масс, воспользоваться силой многовековых традиций.

Ламаистская обрядность сохранялась в Бурятии почти в полном объеме до начала 30-х годов. Затем начался «естественный отбор».

Этнографические и социологические исследования показали, что многие ламаистские обряды хоть и не забылись полностью, но перестали применяться. Наиболее живучей оказалась традиционная бытовая обрядность, которая продолжала действовать и в ламаизированной и — в какой-то степени — в доламаистской форме. Причем теперь семейные и общеулусные обряды чаще всего исполняются в дацане в виде заказных молебнов.

Индивидуальные и семейные обряды вытесняются из современного быта бурятского улуса по ряду причин. Их исполнение требует наличия в улусе штатных, «законных», лам или «знающих стариков», согласных на проведение домашнего богослужения. Необходимо также получить разрешение неверующих членов семьи и считаться с мнением безрелигиозной среды.

Фактически во главе семьи сейчас стоят активные производственники со средним и высшим образованием, коммунисты, комсомольцы. Они обеспечивают материальное благополучие семьи. Престарелые родители глав семей не хотят подрывать их общественную репутацию проведением религиозных обрядов на дому. Поэтому престарелые члены семьи предпочитают заказывать молебны в дацане.

В результате кое у кого создается неправильное представление о росте религиозности среди населения, поскольку растет посещаемость дацана, растут доходы монастырской кассы. В действительности же происходит сокращение бытовой религиозной обрядности. К тому же дацан посещают порой и неверующие.

Таким образом, факты посещения дацана сами по себе не свидетельствуют о религиозности. Но вместе с тем следует отметить, что в настоящее время дацанские богослужения играют главную роль в удовлетворении религиозных потребностей.

Среди ламаистских обрядов на первое место сейчас выдвинулись посещения дацана во время больших праздничных богослужений и коллективный обряд трехдневного «маани», проводимый по инициативе семьи или группы родственных семей.

Распространенными остались обряды жертвоприношения местным божествам и духам — «хозяевам» местности, ламаистским божествам — покровителям семьи и каждого члена семьи в отдельности.

Происходит совмещение обрядов, замена сложных более простыми, исполнение которых не требует участия профессиональных священнослужителей.

По причинам, о которых уже говорилось, семейные и общеулусные обряды чаще всего совершаются в дацане. Так, например, обязательное ежегодное домашнее жертвоприношение божествам — покровителям семьи — сейчас исполняется не дома, а в дацане в форме индивидуального или общественного молебна.

Бывает, что совершение этого обряда приурочивается к трехдневному «маани», проводимому в каком-либо доме по заказу семьи или группы родственников. Причем в этом обряде, как правило, стали принимать участие почти все верующие данного населенного пункта.

Вместо молебна дома практикуется и вывешивание флажков «хи-морин» (изображение волшебного коня счастья) на местных «обо» или в других культовых местах.

Заменяют домашнее жертвоприношение и «сэржэмом» — угощением чаем, молоком, водкой своих «сахьюсанов», местных духов — хозяев «обо», богов ламаистского пантеона. Ритуал сопровождается специальной молитвой и может совершаться просто верующим или «знающим стариком».

Незнание религиозных идей, символически выраженных в тех или иных ритуальных действиях, верующие восполняют у тех знатоков религии в своей среде, которые могут читать ламаистские обрядники, написанные на тибетском языке. Но таких знатоков становится все меньше. Книжная богословская традиция среди современных бурят в значительной степени утрачена.

По ответам на вопросы о мотивах личного участия в обрядах или содержании тех обрядов, которые исполняются в данном селении, можно судить, что религиозное содержание большинства бытующих ныне обрядов переосмысливается, вытесняется светским.

Участники жертвоприношений на «обо» «хозяевам» местности объясняют свои культовые действия заботой о процветании общественного и личного хозяйства, благополучии семьи. Кое-где (например, в Тункинском районе) этот обряд вовсе не относят к числу религиозных, считают его просто народным обычаем. Основное внимание уделяется угощению, играм, состязаниям.

В настоящее время подавляющее большинство участников религиозных обрядов плохо знают даже самых популярных богов ламаистского пантеона, не могут определить, кто из них будда, бодхисатва, докшит (гневная ипостась будды или бодхисат-

[4] «Маани» — коллективное богослужение, цель которого обеспечить благополучие данного населенного пункта.

вы), или объяснить, что означают эти понятия. Верующие далеко не всегда убеждены в том, что боги, демоны и духи оказывают решающее влияние на житейские дела людей. У многих колеблющихся между верой и неверием осталось смутное представление о чем-то таком, что как-то влияет на судьбу человека, поэтому нужно, мол, на всякий случай соблюдать старые обычаи и обряды, чтобы обеспечить благополучие семьи и свое личное.

Вера в нечистую силу сохранилась в определенной мере в горных районах, где еще не забылись шаманистские и дошаманистские верования. В районах давнего распространения ламаизма считают, что чертей раньше было много, а теперь их нет. Знатоки же буддистского вероучения на вопрос о существовании чертей отвечают, что темные силы заключены в самом человеке, в его сознании, дурных помыслах и делах.

Утрата знания вероучения ведет к утрате религиозной мотивации культовых отправлений, а это в свою очередь сокращает участие в религиозных обрядах.

Но надо иметь в виду, что этот процесс может пойти и в обратном направлении и закончиться возвращением человека к религии. Ведь религиозный обряд обладает силой эмоционального воздействия, в определенной степени дает выход потребностям в психологической разрядке, утешении, общении. Поэтому когда по каким-либо причинам человек начинает более или менее регулярно совершать религиозные обряды, это в свою очередь содействует созданию необходимого настроя для воспроизводства религиозности.

При опросах и анкетировании исследователи нередко получали уклончивые, неопределенные ответы, в которых можно было усмотреть, с одной стороны, стремление скрыть интерес к религии, с другой — разочарование в ней как средства разрешения жизненных проблем, с третьей — колебания между религией и атеизмом.

Если сопоставить мотивы совершения бытовых обрядов с представлениями верующих об условиях достижения человеческого счастья, то окажется, что и тут верующие отходят от догм ламаистского вероучения. Большинство опрошенных считают, что счастье человека зависит от мира во всем мире, от собственных усилий и устремлений человека, от хорошей работы, правильного поведения.

В ламаизме есть много различных обрядов для «призывания» счастья. В прошлом достаточно популярными были такие индивидуальные обряды для обеспечения личного благополучия, как «жэл-оруулга», «мэнгэ»[5]. Сейчас они уходят из культовой практики даже наиболее религиозных групп населения. Половина тех верующих, которые помнят и знают эти обряды, считают их необязательными или приурочивают к обрядам на «обо», «маани», в дацане.

Таким образом, предпочтение все больше отдается коллективным обрядам, особенно тем, которые связаны с давними бытовыми традициями, причем их культовое содержание переосмысливается, усиливается житейская мотивация, и в этом обмирщенном виде они трактуются как безрелигиозные, национальные обычаи. Устойчивость этих обрядов поддерживается потребностями в привычных формах общения.

Примером тому может служить отношение населения к ламаистскому похоронному обряду. Несмотря на его интенсивную насыщенность религиозными идеями, и не только ламаистскими, но и доламаистскими, большинство людей считают его национальным обычаем. Это обстоятельство нельзя объяснить одним незнанием догм. Так же к похоронному обряду относятся и убежденные верующие.

Есть тенденция считать национальными обычаями даже такие традиционные коллективные обряды, как жертвоприношение на «обо», религиозная свадьба, новогодний праздник, посещение праздничных богослужений в дацане, ежемесячные сводные богослужения в честь «сахьюсанов».

Даже посещение дацана, особенно присутствие на новогодней службе, нередко воспринимается как соблюдение национального обычая. Характерно, что пожилые верующие приезжают в дацан в национальной одежде, которую они уже не носят в повседневном быту. Многих пожилых людей поездка в дацан привлекает возможностью встретиться со знакомыми, поговорить, узнать новости.

Из сельского населения наиболее часто приезжают в дацан пенсионеры. Посетители дацана из других социально-производственных групп населения в подавляющем большинстве безрелигиозны. Интерес к дацанской обрядности они объясняют желанием следовать национальным обычаям, знать свое традиционное национальное искусство. Для многих поездка в дацан развлечение, вроде посещения музея или театра.

Определенная часть населения Бурятии вообще воспринимает религиозные обряды как национальные, связывает национальную культуру и религию в единое целое. Не следует забывать историю Бурятии, которая свидетельствует, что и национализм в прошлом был тесно связан с религией.

Имея в виду кое-где еще бытующие пережитки национализма, необходимо атеистическое воспитание сочетать с интернациональным. При этом следует помнить, что в религиозном русле удовлетворяется определенная часть национальных и культурных потребностей, поэтому атеистическая работа не может ограничиваться только критикой религиозной идеологии.

В системе атеистического воспитания должны найти свое место усилия, направленные на развитие национальной культуры, национальных видов спорта, игр, развлечений, художественной самодеятельности, формирование безрелигиозной обрядности. Необходимо помочь людям правильно понять значение и содержание исторических форм национальной культуры: что в них обслуживало и обслуживает религию, а что является продуктом народного творчества.

Организованное таким образом атеистическое воспитание будет идти в единстве со всей системой коммунистического воспитания, с осуществлением программы формирования нового человека.

г. Улан-Удэ

---

[5] «Жел-оруулга» и «мэнгэ» — личные обряды. Совершаются с целью обеспечения благополучия данного человека. Первый — раз в 12 лет, второй — раз в девять лет.

КОГДА БУШЕВАЛА СТИХИЯ...

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФАЛЬШИВКИ

В. ПЕЛЕХ, лауреат премии имени Ярослава Галана

В конце прошлого года «Немецкая волна» и некоторые другие западные радиостанции, специализирующиеся на антисоветской пропаганде, передали в эфир «сенсационное» сообщение о том, что советскими властями за религиозные убеждения замучен военнослужащий, бывший житель города Хотина Черновицкой области Виктор Седлецкий.

О том, как родилась эта фальшивка, кто и как ее сфабриковал, и пойдет рассказ.

Море штормило. Высокие волны с шумом разбивались о скалистый берег. На флагштоках пляжа были подняты черные шары — знак, что в такую погоду купаться строго запрещено. Об опасности напоминали и радиорепродукторы.

Трое военнослужащих — Виктор Седлецкий, Владимир Логинов и Григорий Лубянский пришли на берег посмотреть, как бушует стихия. Они забрались на бетонный волнорез, выходящий далеко в море. Вдруг Виктор начал быстро раздеваться. Друзья не советовали ему купаться в такую погоду. Но он не послушал. Когда к бетонной стенке приблизилась особенно высокая волна, Виктор нырнул в нее и поплыл к буйкам. Но парень явно переоценил свои силы. Когда же начал возвращаться назад, ослабел вконец. С каждой волной погружался в воду. Владимир и Григорий бросали ему надувные матрацы, куски пенопласта, бросились в воду, пробовали подплыть к Седлецкому. Но и спасательные средства, и самих ребят волны разносили в разные стороны.

Беду заметил инженер-технолог конструкторского бюро Кустанайского суконно-камвольного комбината коммунист Владимир Василенко, отдыхавший у моря с семьей. Оставив на берегу жену и детей, он, не раздумывая, бросился в воду. С трудом борясь с волнами, метр за метром приближался к утопающему. И когда уже поравнялся с Виктором, протянул ему руку, громадная волна подхватила обоих, ударила о бетонный волнорез и понесла в открытое море. Лишь на следующий день в море нашли два покалеченных трупа.

Как и следует в таких случаях, было проведено детальное следствие, которое и установило описанные здесь события.

Об этом трагическом случае тогда же сообщила своим читателям местная газета. В заметке «С морем шутить нельзя» майор милиции А. Михайлов писал, что неосторожность, нарушение элементарных правил поведения на воде стоили жизни Виктору Седлецкому, привели к гибели Владимира Василенко.

Убитая горем вдова повезла тело мужа, чтобы похоронить его в Казахстане, а тело Седлецкого командование военной части отправило в цинковом гробу в Хотин, откуда он был родом.

Нетрудно понять горе семьи Виктора. И чтобы хоть немного поддержать родных в этот горестный час, выразить им искреннее соболезнование, отдать последние воинские почести боевому побратиму, в Хотин приехала группа однополчан, с которыми Виктор делил и радости и трудности солдатской жизни.

Виктора уважали в армейском коллективе за старание в службе, за четкое выполнение приказов, за жизнерадостный характер и готовность в любой момент прийти на помощь товарищам. Парень принимал активное участие в общественной жизни, выступал на собраниях, много времени отдавал занятиям физкультурой. Недаром именно ему не раз поручали защищать спортивную честь подразделения на ответственных соревнованиях.

— Ефрейтор Седлецкий, — рассказывает заместитель командира воинской части, — добросовестно выполнял свои обязанности.

Об этом свидетельствует и послужная карточка Седлецкого, в которой записано более десяти поощрений от командиров и начальников и звания ефрейтора и ударника коммунистического труда, присвоенные Виктору за успехи в боевой и политической подготовке.

Правда, друзья замечали, что порой поведение Виктора менялось. Временами он впадал в какую-то меланхолию, искал одиночества. Причину этого они поняли, когда узнали, что Виктор — из семьи евангельских христиан-баптистов.

Мать настояла, чтобы сына похоронили по их обрядам, и никто ей не возражал. На панихиду прибыли «братья» и «сестры» из Хотина и Черновиц, из Стрыя и соседней Молдавии. Молились, пели заупокойные песни.

И вдруг, как гром средь бела дня, прозвучали слова:

— Виктор не утонул. Его убили. Замучили за слово божье!

В иной обстановке, наверное, никто и не поверил бы этой кощунственной выдумке. Но под влиянием длительных молитв и проповедей, в обстановке горя, которое постигло семью, кое-кто утратил способность трезво мыслить. Возбужденные провокационным выкриком фанатики решили вскрыть гроб. Товарищи Виктора по службе попытались остановить их, защитить от надругательства прах боевого побратима, но не смогли. Словно из-под земли появились непрошенные фотографы, защелкали затворы фотоаппаратов. Откуда-то взялись и самозванные «эксперты». Каждый синяк, каждую царапину на мертвом теле они стремились выдать за следы насилия.

Активный член Черновицкой общины евангельских христиан-баптистов Николай Гаврилов схватил за руку солдата, стоявшего в траурном карауле, и подвел его к гробу.

— Смотри,— сказал он злобно, — как расправляются с верными слугами Христа. Об этом преступлении узнают за границей.

В таком же духе Гаврилов продолжал нагнетать истерику. Он выкрикивал, что над юношей учинили расправу, что он замучен за религиозные убеждения.

Этот нелепый вымысел подхватил Иван Банар. Оперируя цитатами из Евангелия, он сравнивал гибель Виктора со смертью Иисуса Христа и пытался убедить верующих, что парень стал жертвой атеистов.

С гневом и отвращением вспоминают это неприглядное зрелище Леонид Дарчук, Валентина Мищук, Василий Марченко и другие жители Хотина, провожавшие в последний путь своего земляка.

— Неприятно было смотреть,— вспоминает учитель Ярослав Сельский, — как экстремисты от религии совершали позорное надругательство над прахом Виктора Седлецкого, глумились над светлой памятью мужественного коммуниста Владимира Василенко, который пожертвовал жизнью, спасая Виктора.

Мать Виктора тоже поняла, в какую грязную игру хотели ее втянуть, как подло спекулировали на самых дорогих и светлых чувствах. Она написала в Казахстан письмо жене, детям и родным Владимира Василенко, выразила им свое искреннее сочувствие, восхищение благородным поступком человека, который погиб, спасая ее сына.

Провокационная акция Гаврилова и Банара вызвала осуждение и среди членов общины евангельских христиан-баптистов. Даже те верующие, которые на какое-то время поддались их влиянию, осуждают их действия, стремятся отмежеваться от них. Они поняли, что позорный фарс, разыгранный перед ними, имел провокационную цель, проводился по заранее составленному сценарию, «режиссуру» которого разработали и осуществляли сторонники отколовшегося от евангельских христиан-баптистов так называемого Совета церквей Иван Банар и Николай Гаврилов.

Руководящие «братья» из Совета церквей подпольно печатают на гектографах «братские листки», различные бюллетени, в которых помещаются грубая ложь, вымыслы, искажается политика Советского государства в отношении к религии и культам, фальсифицируются факты. Очередным звеном в цепи фальсификаций религиозных экстремистов стала и провокация в Хотине, разыгранная на похоронах Виктора Седлецкого. Она показывает всю глубину падения Ивана Банара и Николая Гаврилова, которые, попирая элементарные нормы человеческой морали, затеяли недостойную спекуляцию на человеческих чувствах, на горе матери Виктора.

Так возникла никчемная фальшивка, порожденная экстремистами от религии в Хотине и не без их участия переданная на Запад.

г. Черновцы

Сокращенный перевод из журнала «Людина і світ» (г. Киев), 1979, № 1.

ПОТЕРЯННАЯ

СИМЕОНОВ КАМЕНЬ

После долгого путешествия наконец-то я дома. Семья сидела за обеденным столом. Встретили радостно, подходили, целовали. После обеда встали на молитву. Молились долго, проникновенно, истово клали поклоны. Затем подошли ко мне под благословение — это было признание моего старшинства.

Вечером ко мне на койку подсела мать. Она тихо гладила волосы, шептала нежные слова. Отец, встретив поутру, первым сказал: «С добрым утром, сын мой!» — и весь день не отходил, советовался со мной, как с равным, строил планы на будущее. Брат и сестры старались во всем мне угодить.

Особенно близка мне стала сестра Анна. По характеру скрытная и малоразговорчивая — лишнего ничего не скажет, но расторопная и деятельная, она помогала советами, сообщала все новости, с большой охотой организовала певческий хор «юношей» и успешно руководила им.

Я горел желанием как можно скорее обратиться к верующим с проповедью. Такой случай скоро представился. В дальнем селе Лужки ожидался престольный праздник. Обычно в этот день верующие из окрестных деревень собирались на моление к святому источнику. Неподалеку, в лесу находился Симеонов камень, где также служили молебен.

Камень-валун больших размеров, единственный в округе, невесть откуда и когда попавший сюда, естественно, вызывал у многих суеверный страх. Среди местных жителей ходила легенда, что в оные времена в лесу жил монах-отшельник по имени Симеон. У камня этого он молился, из родника пил воду. Места были глухие, здесь частенько находили себе пристанище всякого рода бездомные люди.

Со мной в Лужки поехали брат, сестры и несколько девушек из нашего села. Эта была слаженная группа певчих, возглавляемая моей сестрой Анной. Следовало бы идти к святому месту пешком, не пользоваться дьявольскими машинами. Но... полторы сотни километров пешью отняли бы у нас много сил и времени, и мы решили согрешить — поехали поездом. Добрались благополучно, помолились, чтобы господь простил нас, и только от Лужков пошли пешком.

В полдень подошли к святому источнику — родничку с холодной водой. Разморенные жарой, запыленные, уставшие, с жадностью набросились на воду. Напились, умылись, немножко отдохнули. Потом набрали в посудины родниковой воды, пошли в лес к Симеонову камню. Здесь толпились верующие. На камне лежали белые полотенца, стояли иконы, горели свечи. Шла служба.

Встали мы позади всех и скромно молились. Я волновался, не знал, как мне объявиться, как набраться смелости и выступить с проповедью. Боялся — вдруг не будут меня слушать? Но помог случай.

Молясь в этой лесной тиши, никто не заметил, как набежала туча. Стало неожиданно сумеречно, зашумели тревожно деревья. На потемневшем небе вдруг заблистали молнии, низко над головами загрохотал гром. Ветер сердито срывал с деревьев листья, бросался сучьями, где-то рядом, грохнув на весь лес, упало дерево, как из ведра хлынул дождь... Началась суматоха. Все побежали прятаться в мелколесье.

Поддавшись общей панике, я тоже побежал, но быстро опомнился, вернулся к камню и, скорчившись, спрятался за ним. Не прошло и получаса, как буря неожиданно стихла, раскаты грома ушли куда-то в сторону, деревья перестали шуметь, и только теплый летний дождь лил и лил. Я промок до нитки. Сидеть за камнем стало скучно. Я огляделся. Вокруг никого не было. Рядом лежала икона, сброшенная с камня ветром, недалеко — другая. Поднял их, поставил на камень...

При мысли, что я один не побоялся грозы, почувствовал душевный подъем. Захотелось сделать что-нибудь необычное, и я запел псалмы. Нет, я не пел, а кричал на весь лес, стараясь перекрыть шум дождя... Но вот дождь перестал, вверху, между вершинами сосен заблестело чистое, голубое небо, в лесу сразу посветлело, наступила тишина, и только я сколько хватало сил пел и пел...

Первыми подбежали ко мне сестры (во время бури они искали меня в лесу). Девчата звонкими, переливчатыми голосами бойко подхватили мои псалмы, получилось удивительно красиво. В окружении могучих, притихших после бури сосен наши песнопения торжественным гимном рвались высоко в небеса.

Какое-то время мы пели одни. Правда, угнетала мысль, неужели остальные, испугавшись бури, ушли? Но нет, заслышав пение, верующие стали возвращаться. Мы своей группой стояли у камня и уверенно, с подъемом служили обедню. Люди окружили нас, присоединились к хору.

Я понял, что пришло мое время выступить с проповедью, и громко воскликнул:

— Возлюбленные во Христе братья и сестры! — многоголосье стало стихать. — Всемогущий господь извергнул на нас тучи, громы и молоньи, чтобы напомнить нам о себе, возвестить о скором конце света!

Чтобы заставить слушать себя, надо было найти какие-то устрашающие слова, и я произнес их:

— Послушайте, христиане, сказано в предречении господнем, что будут в последние дни перед концом света пророчествовать сыны ваши и дочери ваши — это будут «юноши», которые непорочны. «Юноши», — нажимал я на это слово, — спасут грешный мир! Имеющий уши да слышит! Братья и сестры! Все вы ожидаете пришествия на землю господа нашего Иисуса Христа, но все ли вы готовы встретить его?! Есть ли на вас белые одежды благочестия и любви к богу?! — Я испытующе обвел всех долгим взглядом. — Надо спасать не грешное тело, а душу. Вступайте же все в истинное православие! Поспешайте это сделать сегодня, ибо завтра уже будет поздно! Спасут вас, истинно говорю, только «юноши», которые непорочны!

Толпа замерла. А я продолжал:

— Уже наступил век антихриста! Чтобы не попасть в сатанинские сети, надо отречься от всего мирского: грех работать в колхозе и на производстве, грех читать газеты, слушать радио.

Люди стояли безмолвные, как оглушенные. Было ясно — испытание я выдержал. Меня слушали, со мной были согласны. Теперь все узнают о «юношах»!

Я не ошибся: о нас заговорили, даже сочиняли всякие небылицы. Например, рассказывали, что на города и села шел ураган, который должен был уничтожить весь грешный мир. Но посланный богом по имени Алексей отвел бурю молитвой и спас народ.

И хотя небылицы плели о нас старые бабки, слушать было приятно. Думалось: «Вот как о нас говорит народ, как нас прославляют!»

Я все время говорю «народ», но был ли это народ? По молодости я в это и не вдумывался. Подлинного народа, который в поте лица выращивал хлеб, строил жилье, заводы, ни я, ни те, кто шел за мной, не знали. Да и не могли знать при нашем образе жизни — мы ведь таились по темным углам. Но в ту пору такие мысли меня не тревожили. Окрыленный, я решил, не откладывая надолго, обойти все святые источники округи, выступая с проповедями. Но благоразумие подсказывало — надо доложить о наших успехах старцу Василию и испросить у него благословение. С коротенькой запиской направил к нему сестру Анну. Повела ее к старцу все та же Дубова.

С тех пор как старец возвел меня в проповедники, Дубова в нашей общине как-то стушевалась. Была просто связницей да поставляла старцу в подземелье поборы с верующих. Но это — только внешне. Я хорошо понимал: Дубову приставил старец Василий следить за мной и «юношами», сообщать ему обо всем, чем мы занимаемся.

Продолжение. Начало см. в № 4.

МОЛОДОСТЬ

И. ВИТКОВСКИЙ,
М. ВИТКОВСКАЯ

Ответ пришел неожиданно суровый. Прежде всего старец строго-настрого запретил проповедовать открыто, при большом скоплении людей. «Юноши» должны выступать у святых источников только как хор, как певчая группа. «А такие речи, — писал он, — как ты начал, да при всем народе — равны самоубийству. Вас тут же переловят, как курей, и отправят сам знаешь куда, и нас, старших, туда же за собой потащите». Душеспасительные беседы, укрепление в нашей истинной вере разрешалось проводить только скрытно, в узком кругу проверенных людей.

Прочитал я письмо и растерялся. Понадеялся на себя и чуть было не наделал ошибок! «Опытен и хитер старик», — подумал я.

Выдавались иногда тяжелые дни. Чаще всего это случалось в непогожее время, осенью или в длинные зимние вечера, когда я оставался один. Тогда вспоминались школьные годы, друзья детства, моя первая учительница Анна Васильевна. Странно, думал я, сколько в ней было душевной красоты, доброты к людям, а вот в бога не веровала. Как же так? Я терялся в размышлениях. Иногда какой-нибудь маленький случай напоминал мне о другой жизни и больно ранил сердце.

Как-то после моления мы с сестрой Варей остались вдвоем. Я давно уже замечал: она стала у нас совсем взрослая.

— Знаешь, Леша, ты не обидишься, если я скажу тебе новость? Была я в нашем селе, видела там — угадай кого? — Сему Волкова, твоего товарища. Ты ведь помнишь его?.. — и осеклась, не зная, можно ли продолжать.

— Ну так что же? Говори, не бойся.

— Он ведь стал моряком. Приехал в отпуск, на побывку. Костюм на нем черный, новенький, брюки клеш, фуражечка без козырька, с ленточками, — так и вьются. Да и сам он — не узнать. У кузни собрались, он свою силу показывал: двухпудовой гирей играл. Учил ребят спорту. А девки-то, девки что выделывали! А он только с Ленкой гулял. Помнишь ее?

— Ну вот что, — перебил я Варвару, — ты еще мала судачить об этом. У всякого свой путь, предначертанный свыше. Они временно обольстились мирской суетой. Я же стою на истинном православном пути, меня никому никогда не прельстить... Поняла? Но не будем об этом больше, — сурово закончил я.

Напрасно внушал я себе, что сердце мое закрыто для всякого мирского соблазна броней непогрешимости. После разговора с сестрой «бронированное» сердце больно дрогнуло — не то от зависти, не то еще от чего. Весь день ходил затуманенный. Вот Семка, думалось мне, ушел в армию, увидел свет, приобрел крепкое здоровье... Теперь и Лена с ним... А вдруг я заблуждаюсь? Тогда как же? Кто даст ответ?

КОНЕЦ СВЕТА

Прилепилась к нам, «юношам», бездомная молодушка лет двадцати пяти по прозвищу Мишаткина.

Откуда она взялась, толком никто не знал. Сестра Анна рассказала, что Мишаткина пытается верховодить девчатами, рассказывает им о каком-то Антонии, у которого она вроде была послушницей. Будто у этого старца своя община, куда он принимает только женщин. Наши девчонки слушают ее, разинув рты.

Мне это не понравилось, и я решил поговорить с Мишаткиной. Как-то после тайного моления Анна привела ее ко мне.

Мишаткина была неказиста: росту маленького, глаза навыкате, нос пуговкой, лицо серовато-смуглое — то ли загар, то ли грязь — не разберешь. В движениях быстрая, с хитроватыми ужимками.

Сидела передо мной, лукаво опустив глаза.

— Говорят, что ты среди наших сестер смуту сеешь? Про какого-то святого Антония рассказываешь? — в упор спросил я.

Мишаткина пожала плечами:

— Бывает и так: скажешь курице, а она всей улице.

Антоний, Антоний... Откуда, да кто такой?.. А разве я знаю. — И голову набок, словно чему-то удивлялась. — Наверно, такой же, как и ты, проповедник: тоже в божий рай зовет. — Говорила, а глаза смеялись. Ее игривого тона я не принял и попросил серьезно рассказать обо всем, что знает.

Оказалось, на базаре Мишаткина встретила свою подружку Фросю, которая и рассказала по секрету, что в их деревне живет святой старец, который хорошо предсказывает «про всю жизнь». Решили подружки повидать святого, узнать про свою судьбу. Купили яиц, маслица, булок (без подарков старец не принимал) и отправились в деревню. Сначала зашли к Фросиной тетке Марье. Та встретила их радушно, но разговора о старце поначалу не поддержала, видимо, из осторожности. Только на другой день сказала, что Антоний разрешил им присутствовать на тайном молении. Предупредила: о старце — никому ни слова, «старец шибко образованный и, если какое лукавство, — сразу заметит».

Затемно пошли огородами, проулками, чтобы никто не заметил. Остановились у большого пятистенного дома. В сенцах встретила расторопная молодуха, отобрала узелки с приношениями, повела в горницу. Здесь уже было десятка два теток: молодых и постарше. Все в белых платочках, прибранные, чинно сидели вдоль стен на лавках. В переднем углу, под образами, за столом седой бородатый старик в полотняной рубахе-косоворотке читал Евангелие.

Слушали его внимательно, не смея шелохнуться. Затем старец говорил от себя. Говорил, что, по всем приметам, скоро наступит конец света. Надо, чтобы прихожане не жадничали, делились с ближними, не забывали пастыря, который печется об их душах. Разъяснял не торопясь, обстоятельно и все попивал из большой белой эмалированной кружки. «От трудного чтения першит — кваском горлышко прочищаю», — объяснил он.

Душеспасительная беседа закончилась. Все дружно поднялись, по очереди подходили к старцу, кланялись в пояс, говорили: «Дай тебе бог премногого здоровья, кормилец духа нашего» — и целовали в губы. Вблизи старец оказался совсем не старым, лет пятидесяти. Голову держит гордо, глаза вострые — готов съесть.

— Стою перед ним — растерялась: от него, как из бочки, самогоном несет. Вон, оказывается, квасок-то каков! Видно, правда: всяк молодец на свой образец! — Мишаткина весело расхохоталась.

Подружки задержались у тетки Марьи еще на неделю. Через три дня собрались было вновь на моление, но тетка Марья им отказала. «Нету, говорит, вам, девоньки, разрешенья, придется погодить, потому как новенькие вы, нельзя». Пошла одна.

Вернулась озабоченная, напуганная. На расспросы девчат только и ответила: «Выпало нам великое испытание, но... достойны ли?» А дальше и вовсе несусветное понесла. «Ухожу, говорит, от вас, девоньки, навсегда. Живите тут в моей избушке или продайте, мне уж ничего не надо». Говорит, а сама плачет. Принесла откуда-то белого полотна и в один присест сшила себе длинную нательную рубаху. А в субботу вечером слезно простилась, забрала рубаху и ушла...

Среди ночи решили пойти девчата к молитвенному дому. А там поют, кричат, причитают. Потом кто-то показался на крыльце, постоял, посмотрел в разные стороны, снова в избу ушел. Минут через пять из дому стали друг за дружкой выходить люди, все в белом, как привидения. Одна фигура повыше — в ней сразу узнали Антония. Собрались в кучу, о чем-то поговорили и гуськом огородами потянулись в сторону кладбища. На кладбище не зашли — мимо него и прямо в поле. Уже стало светать. Сбились, как куропатки, на бугорке. Встали на колени, размашисто крестятся, кладут поклоны, поют что-то протяжное. Мишаткина с Фросей подошли сзади, совсем близко, легли в межу.

Краешком выглянуло солнце. И тут вдруг все вскочили на ноги, замахали руками, будто крыльями. Прыгают, кричат: «Ангелы! Ангелы! Мы тут... Достойны... Достойны! Возьмите нас! Архангел Гавриил, где ты?!»

Солнце взошло. Они все еще скачут, но теперь уже не все разом. То одна, то другая выскочит вперед, закричит: «Пошла... пошла! Подхватили!» Но что-то никто не подхватывал.

В это время шли полем на рыбалку ребятишки, увидели это представление, подбежали, смотрят с опаской, понять ничего не могут. Постояли, пошептались, потом кто-то озорно свистнул, и все побежали к речке.

Антоний собрал женщин в кучу и стал на них кричать. Потом махнул рукой по направлению к деревне, и все, как гусыни, побежали вниз с бугра.

Домой тетка Марья прибежала раньше девчат. Успела

растопить печь. Ходит по избе в темном платье — растерянная, виноватая, в глаза не смотрит.

— Меня взяло любопытство, я и спросила Марью, здорова ли она. Промолчала. Я опять свое — может, тебя, тетушка, в поле продуло, когда на небо прыгали? Марья вспыхнула, заговорила быстро, словно плотину прорвало: «А ну его к богу, этого Антония! Кормили чуть не два года на убой, а он с нами вон какую шутку выкинул — объявил конец света, а на деле один обман получился! Мы-то, как овцы, уши развесили, поверили, всем в рай захотелось...»

Выслушал я этот рассказ и говорю Мишаткиной:

— Об Антонии больше ни слова. В Евангелии сказано, что перед концом света лжепророки будут обманывать православный народ. Но только наша вера, вера истинных христиан, угодна богу.

Показалось мне, что Мишаткина чему-то улыбнулась, но ничего ей не сказал. Странное дело, Мишаткина мне понравилась. Чувствовалось, что это ловкая, смышленая женщина.

ОЛЯ-СОЛОВЕЙ

Как-то служил я обедню у святого источника. Сестры помогали, хор пел слаженно, дружно. Вдруг слышу: из общего хора голосов все смелее и смелее выделяется удивительной чистоты девичий голос. «Кто бы это мог быть? — подумалось мне, — наверное, какая-нибудь новенькая».

После службы «юноши» собрались на общую трапезу: сели на траву в один круг, развязали сумки, узелки, каждый положил перед собой, что имел. Девчата все в белых платочках, в белых кофточках, молодые, веселые, уважительные. Правда, закуска не ахти какая: хлеб, отварная картошка, зеленый лук, да на вольном воздухе все казалось вкусным.

Льстило мне и общее внимание. Каждый старался со мной заговорить, сказать что-то приятное. «Все мы здесь братья и сестры, — думалось мне, — без лукавства и хитрости — истинные христиане».

Рядом сидела Анна, моя помощница и советчица. Я, вспомнив о новой певчей, спросил, что за чудо в хоре объявилось?

— Чудо, говоришь? Значит, заметил ее? Правда, девчоночка еще серенькая, богом не пригрета, пока работает в колхозе. Живет вдвоем с матерью. Прими ее, Леша, с добрым сердцем, может, даст бог, наставим ее на путь истинный. А с таким голосом она наш хор прославит... Да вот и она. Примешь?

Я дал согласие. И вот передо мной русоволосая стройная девушка лет восемнадцати. Волнуется, глаз поднять не смеет. Спрашиваю:

— Как зовут тебя, сестрица?
— Оля...
— Говорят, ты хорошо поешь?
— Да, хорошо, — и она вся вспыхнула.
— А где ты поешь?
— В колхозном клубе и дома.
— Нам что-нибудь споешь?
— Я божественных слов не знаю.
— Ну, тогда спой, что умеешь. Свою любимую.

Какое-то время она раздумывала, казалось, не решалась начать, нерешительно осматривалась по сторонам, словно искала поддержку, встретилась взглядом с матерью. Мать, широко улыбаясь, поощрительно кивнула ей головой. Оленька — копия матери — встрепенулась и запела: «Во поле береза стояла...»

Она пела, запрокинув русую голову. Голос свободно лился и лился. Мы все, обступив ее, слушали молча, будто зачарованные.

Когда закончила петь, у меня невольно вырвалось:

— Олюшка, да ты ведь — соловей! Уж, видно, сам господь послал тебя к нам для божественного пения. — Погладил по голове и не удержался, поцеловал ее раскрасневшуюся, смущенную. — Будь же с нами, будь нашей сестрой, Оля... Оля-соловей!

Вот так появилась в нашей общине эта милая девушка, к которой так и пристало прозвище Соловей.

Позднее я пытался с глазу на глаз разговаривать с матерью Ольги, убеждал ее, чтобы они с Олей ушли из колхоза и отдали себя служению богу. Но мать оставить колхоз наотрез отказалась. «Бога мы любим, от души молимся, блюдем посты и праздники... Но колхоз — родной наш дом, и некуда нам более податься», — твердила она.

У источника шло большое моление. Родник, откуда верующие брали воду, бил на склоне холма. У его истока стоял большой деревянный крест. Холодная родниковая вода бежала по короткому деревянному лоточку, потом падала на землю, образуя по склону болотце.

Обедня шла к концу. У креста стояла разноликая толпа молящихся. Было много женщин и детей. Обедню служила женщина, одетая во все черное, как монашка. Ее голос то совсем терялся в приглушенном гуле толпы, то высоко взлетал, и его подхватывал хор молодых, красивых, звонких голосов. Пели наши девушки. Мне часто приходилось наблюдать, как хор сплачивал верующих. Заслышав пение, они теснее жались к кресту, истовее молились.

Я лежал, как обычно, вдали от источника и наблюдал за молящимися. Метрах в двадцати от меня, около куста ивняка, расположились на траве трое парней. Они громко разговаривали, видимо, распитая бутылка спиртного была тому причиной. Но вот от толпы отделилась женская фигура в белом платочке. Я узнал Анну. Шла медленно, оглядываясь по сторонам. Сначала подошла к ребятам, поговорила с ними, потом — ко мне. Постояла, странно помолчала, потом присела рядом на траву.

— Алексей, — начала сурово, — Ольгу-соловья сегодня от бесов лечить будут. Муж у нее скончался, погиб в автомобильной аварии, и она помешалась.

Такое неожиданное известие меня встревожило. К этой милой девушке я всегда испытывал симпатию. Пела она удивительно красиво. И в разговоре голосок звенел как колокольчик. Голубые, широко открытые глаза так и лучились, щеки не то от смущения, не то от затаенной радости вспыхивали ярким румянцем. Однажды у источника она подбежала ко мне и простодушно спросила: «Алексей Егорович, а если утром не помолиться богу, то грех на мне большой будет? Ведь я же не нарочно. Просто потороплюсь и забуду, а вечером вспомню и попрошу у спасителя прощения... Простится мне это?»

Мне бы сурово сказать ей, что забывать бога — превеликий грех, но, глядя на мило склоненную головку и доверчивые глаза, отвечал совсем не то, что следовало: «Тебе, Соловушка, за твой ангельский голосок и божественные песни все простится. Все — поняла?» Довольная ответом, она засмеялась и, круто повернувшись, убежала. Два года пела она в нашей группе «юношей». Потом стала бывать реже и реже. Я посылал за ней, но она не приходила. Говорили, вышла замуж за тракториста. И вот у нее горе...

— Анна, давай обсудим. Может быть, никаких бесов в ней нет. А вдруг все это придумали ее завистники, чтобы расправиться с ней.

— Нет, это бог ее за грехи покарал! За непослушание, за то, что замуж вышла... Да и мать ее тоже так хочет. А тебе мой совет — в это дело не вмешивайся.

Упорство Анны начало меня раздражать, но я сдержался и только спросил:

— Скажи, Анна, правду. Ольга вовсе с ума сошла, кричит несуразное?

— Как тебе сказать? Несуразное не кричит. Но в тоску ударилась. Ни с кем не говорит, видеть никого не хочет. Я подошла к ней с добрым сердцем, хотела пожалеть ее, а она — «Не лезьте ко мне, видеть никого не хочу!»

— Ну, — ухватился я, — раз только тоска, так это все пройдет, и никаких бесов в ней нету. Придет время, вернется к нам. Оля и мать ее — люди добрые, хорошие...

— Хорошие, хорошие, — подхватила зло Анна, — что будет с нашей общиной, ежели все будут поступать вот так — побегут к мужикам и юношеские заветы потопчут? Что тогда? — И тут же сама ответила: — Тогда пропадет труд наш великий во славу господа! — Опустила голову, тяжело завздыхала, потом уже просительно: — Пойми, Алексей, надо, чтобы все видели, все знали: вот что будет с теми, кто уйдет от нас, кто нарушит обет и твои апостольские поучения. Но ты, вижу, против, ты за нее... — И Анна стала зло выговаривать все, что накипело у нее против Ольги. — Сколько раз мы ходили к ней, упрашивали, чтобы ушла из колхоза, вернулась на путь истинный, она мило улыбалась, а к нам не шла. Приветики все тебе посылала: «Алексею Егоровичу почтенье передайте и низкий поклон». Мы их тебе не передавали, хватит тебе того, что ты ее выше нас ставил: «Ангельский голосок», «Соловушка»... Теперь пусть попоет Соловушка! И ты хорош... Уж очень добр к ней. С чего бы это? А? — Анна испытующе посмотрела на меня. — Вижу, тебе неприятно слушать, но ты пойми: не одна я так говорю.

Я понимал, что сестра не любит Ольгу за ее талант, за то, что она потеснила Анну в нашем хоре. Смутило другое — меня подозревают в симпатии к Ольге!

— Если быть откровенным, скажу прямо: я любил Ольгу, но любил как сестру по духу. Только так! Бог наградил ее и красивым лицом, и добротой, и талантом. К нам шли люди издалека, чтобы только послушать Ольгу-соловья. Так почему же ее не любить? Она же прославляла нас, «юношей» в народе! Как вы все этого не поймете?..

Анна поднялась с земли, но не уходила, видно, не все высказала. Не выдержав долгого молчания, я примирительно спросил:

— Лечить-то кто будет?

— Вон сидит у куста Венька-сухорукий. Ну, все, я пошла, — потопталась и добавила решительно: — А все же я сестрам скажу, что ты благословил Ольгу на это испытание. За этим и пришла.

Анна ушла, а я решил поговорить с Венькой. Называли его по-разному: одни — Венька-сухорукий, другие почтительно — Веня-блаженный. Зимой он промышлял по городам, летом кочевал по святым источникам, приторговывая церковной мелочью: пластмассовыми крестиками, картинками с «божьими ликами», напечатанными кустарем-фотографом, самодельными свечками.

На святых источниках он был известен еще и тем, что умел «изгонять» из больных бесов.

Когда я с ним заговорил, он, по своему обыкновению, дурашливо закудахтал.

— Веня, — перебил я его кудахтанье, — если ты уж будешь лечить женщину, у которой вроде бесы завелись, то действуй полегче. Она совсем еще молоденькая. Эта та самая, что пела в нашем хоре. Слышал, наверное? — Он тупо смотрел на меня. — А лучше, если бы совсем отказался от лечения. Люди говорят, что нет у нее бесов, тоска одна.

— Чаво, чаво?

— Лечи понарошку, понял?

— Как это понарошку? — вдруг спохватился он. — Это же, паря, чаво тогда выходит? Вроде бы обман всего народу?!

— Ну, а если я как старший брат, — я строго повысил голос, — приказываю тебе не бить ее?..

— Нет, нет, — он отчаянно закрутил головой, — здесь ты мне никто, я сам себе старшой. — А ну как ежели беси-то, палки зелены, сидят в ней крепко-накрепко, не пойдут наружу, тогда кто виноват? Веня? А беси-то у меня вона где — в кулаке сидять! — он потряс кулаком и, оскалив зубы, глупо засмеялся.

Говорить с ним не было смысла.

Обедня у креста закончилась. Раскаленное солнце, стоявшее высоко в зените, наконец-то стало припадать все ниже и ниже к краю земли, словно притомилось за день и теперь искало покоя. Жара заметно стала спадать.

В воздухе стоял приглушенный гул: уставшие от моления люди спешили поделиться житейскими новостями. Богомольцы подходили по очереди к деревянному лоточку и не спеша наполняли свои посудины ключевой водой.

И вдруг где-то там, поодаль от источника, раздался женский крик. Повторился еще. Гомон на какое-то время затих, одни прислушивались, стараясь понять, что случилось, другие побежали на крик.

К кресту вели, ухватив за руки, Олю-соловушку. Она извивалась, вырывала руки, кричала:

— Маманька, не надо! Ой, маманька, не хочу... Нету во мне бесов, нету! Тоска во мне, тоска. Ой, люди добрые, спасите, пожалейте!

— Потерпи, доченька, потерпи, Олюшка. Все к лучшему обернется. Все пройдет, излечишься вот...— семеня рядом, в сбившемся набок платке, уговаривала ее мать, миловидная, еще не старая женщина.

А «люди добрые» упрямо тащили Олю за руки, подталкивали в спину, не обращая внимания на ее мольбу и крики.

— Взглянь-ка, взглянь, — бойко крикнул кто-то из зевак, — ух как упирается, не идет! Это бесы в ней упираются. Креста испужались!

Наконец Оля перестала кричать и покорно подошла к кресту. Легкое в голубой горошек платьице облито водой, русые волосы распущены. Потухший взгляд, скорбная, безвольная, с поникшей головой. Ее поставили сбоку у желоба.

Размахивая правой здоровой рукой, грубо толкая всех, подбежал Венька.

— Котора тут бесновата?! Котора, признавайсь! — крутил головой в разные стороны. — Враз бесов изгоним. Нам такое дело, палки зелены, раз плюнуть!

Увидев плачущую Олю, самодовольно ухмыльнулся.

— Ага, вот она, которая с бесами спозналась! А ну, готовьсь! — Быстро снял с шеи медный крест, поднес к ее лицу. — А ну, цалуй святой крест! — И тут же резко и больно ударил по губам, потом еще... Оля застонала, прикрыла ладонями рот. Он стал бить крестом по пальцам. — Опусти руки, опусти, говорят! Открой рот! Беси-то внутре сидят. Али скрыть их от людей хочешь?!

С размаху ударил крестом несколько раз по спине, потом, зажав его под мышкой левой рукой, стал бить кулаком.

— А ну, выходи, беси! Выходи, выходи! — кричал он дико. — Дыхом выходи, дыхом!

Оля упала на колени. Венька ошалело обвел вокруг глазами, тяжело вздохнул.

— Не выходять! — вытер рукавом пот с лица. — Может, божий крест близко стоит, не пущает?

Он потряс перед Олиным лицом кулачищем, резко замотал лохматой головой:

— Сказывай, где беси?! Куды упрятала?

— Не знаю, не знаю, ничего не знаю...

Оля обвела большими печальными, полными слез глазами окруживших ее людей.

— Ну, насмотрелись? Все довольны? — Она стала безвольно клониться к земле, словно укладывалась спать.

Венька рассвирепел, закричал:

— Чаво разлеглась? Тут, поди, не дома! — и стал пинать ее ногой.

Я не выдержал:

— Что ты делаешь, дурень?!

Мать Ольги вдруг опомнилась, закричала. Венька поднял Олю с земли. Она вся тряслась, еле держалась на ногах.

— Чичас, чичас. Малость потерпи, — виновато заглядывал ей в лицо, успокаивал подобревший вдруг Венька. — Ладану беси не выдержат, от ладану, палки зелены, враз побегут... — взвыл устрашающим голосом. — А ну, беси, выходи! Дыхом, правой, левой ноздрей! Пошли, пошли! Вон они бегуть... Бегуть бесенята! Осторонись, пропусти бесов!! — заорал он и махнул рукой вниз по направлению ручья.

Толпа расступилась. Тонким голосом какая-то женщина завизжала: «Вижу: бегут, бегут!» Верующие в ужасе крестились, зажимали рты и носы, боясь, как бы ненароком бесы не вскочили к ним «в нутро».

Венька-сухорукий вытирал рукавом со лба пот, поправлял кудрявые волосы, дурашливо скалил белые зубы. Многие верующие поспешно уходили прочь, как от чумного места.

Оля тряслась, будто в лихорадке, задыхалась в нервном плаче. Ее успокаивала мать:

— Успокойся, милая, успокойся, родненькая моя доченька, не дрожи. Сейчас вот скоренько ополоснем тебя святой водичкой... Так надо, чтобы о н и не возвернулись...

Тут же подскочили к Оле две расторопные богомолки и с размаху плеснули на нее из бидонов холодную воду.

Перед моими глазами поплыли темные круги, сдавило в груди, казалось, сейчас упаду. С трудом выбрался из толпы и побежал к косогору вниз, подальше от людей. Бежал, пока не свалился от усталости. И тут уж, не сдерживаясь, завыл от нестерпимой обиды. Оля, Оля... Мог же я не допустить этого. Мог и не сделал! Грех падет на меня! Почему я не взял тебя за руки и не вывел из толпы? Испугался? Да, испугался! За себя, за свое положение в общине... Ведь я мнил себя выше толпы, а когда надо было проявить характер — струсил. Мне было стыдно за самого себя, мысли путались.

Проснулся я перед утром. На темном высоком небе алмазной россыпью приветливо мигали звезды. Где-то там, высоко, райские кущи, рай, куда я рвусь в своем тщеславии... И там Он — всевышний, всеведущий, всемогущий! Но тут же кольнула мысль: а вдруг его нет вовсе? Я испугался греховной мысли, попытался думать о чем-то другом. А небо светлело, незаметно гасли звезды, потянуло утренней сыростью. Я понял, что больше уже не засну, и нехотя поднялся с примятой травы.

«СВЯТОЙ» ПРОХОДИМЕЦ

...Я лежал на пригорке и наблюдал за скопищем разного люда у святого колодца. «Юноши» к кресту еще не подошли, ожидали сумерек и моего появления. Я же из предосторожности избегал в дневное время подходить к колодцу — уж очень много тут было любопытствующих.

Неподалеку от меня на траве сидели кружком незнакомые женщины. Они с аппетитом ели хлеб с зеленым луком и тоже не торопились на моление.

Ежегодно, в один и тот же летний день, из многих сел и деревень сюда, к святому колодцу, собирались, как пчелы на мед, богомольцы. Плелись пешком, ехали на попутных машинах. Были среди них болящие — приходили сюда испить святой водицы, обмыть грешное тело, исцелиться от недугов. Здесь можно было купить церковную утварь и иконы. Тут же, на ниве божьей, кормились — и небезуспешно — прорицатели и предсказатели судьбы.

Солнце близится к горизонту, жара спадает. Служба у часовенки тянется бесконечно. Я слежу за снующими богомольцами. Вот наконец-то ближе к кресту продвинулись наши девушки, все в белых платочках. Звонкими молодыми голосами запели псалмы. И сразу же многие, что стояли поодаль, тоже подошли.

Мои соседки-богомолки, заслышав пение, оживились:

— Сестрицы, послушайте-ка диво дивное. Никак «юноши» запели, да какими сладкими голосами. Так сердце и щиплет, плакать от радости хочется.

И другая вторит:

— Прямо ангелы с неба. Выводят-то, выводят каждое словечко!

Вдруг заметил: к нам на пригорок со стороны дороги подходят двое. Высокий, седой, усатый старик с непокрытой головой и палкой в руке и рядом с ним похожая на подростка девушка. Они остановились от меня в нескольких шагах. Девушка что-то спросила. Старик сухо, не глядя на нее, ответил:

— Нечего тебе там делать. У нас свои дела, свой путь.

Девушка скороговоркой:

— Там ведь старший брат Алексей будет читать проповедь. Вон как интересно! Отпустите меня, дяденька, хоть ненадолго.

Разговор шел обо мне. Я прислушался.

— Тоже мне, заладила: дяденька, дяденька. Что, получше назвать не можешь? Я ведь, поди, не чужой тебе человек, — с укоризной оборвал ее старик.

Он был в длинном брезентовом плаще и разбитых сапогах. Худощавое красной меди лицо, с быстрыми колючими глазками. Седые волосы подстрижены под польку. Щеки и подбородок гладко выбриты. Пышные белые усы.

Девушка совсем молодая, лет семнадцати, в черной длинной юбке, белой кофте. Светлая прядка волос выбилась из-под белого платка. Пухленькое личико, складная фигура. Но что-то жалкое, приниженное во всем облике. Я узнал ее — Люба, она бывала на наших молениях.

Старик повернулся к ней, примирительно сказал:

— Любушка, ты никак слезы льешь? Ровно дите малое! Плачь не плачь, а домой к отцу-матери все одно не скоро попадешь. Идти-то нам еще далече. Ну да ладно, не реви уж. Возьми-ка посудину да святой водицы зачерпни.

Не сказав ни слова в ответ, она взяла бидончик и хотела было идти.

— Разыщи там Анну Угрихину, скажи ей: мол, Антон Иваныч ждет твоего братца, да чтоб один шел, без помощников. Хватит одного. Только не задерживайся, здесь буду ждать!

Девушка внимательно выслушала и, прихватив бидончик, легко побежала в сторону колодца.

Старик только теперь обратил внимание на сидящих женщин, настороженно покосился на меня. Потом ушел с пригорка шагов за пятьдесят, снял котомку, улегся на траву и стал наблюдать за суетой у колодца.

Наконец-то я понял, кто он. Я видел его несколько раз у святых источников, даже разговаривал с ним. Это был тот самый Ермошин Антон Иванович, святой Антоний, о котором рассказывала Мишаткина. Зачем я ему понадобился?

...На свидание к старику меня провожала Анна. Мы часто останавливались, всматривались в темноту, прислушивались, не идет ли кто за нами. Я старался вспомнить все, что когда-нибудь слышал о Ермошине. На святых источниках старик держался обособленно. Раньше бродил один, а сейчас с ним Люба. Анна однажды меня предупредила: «Будь осторожен, еще одна дурочка, кажись, в тебя влюбилась. Любка глаз с тебя не сводит, а со мною только о тебе и говорит».

Я тогда сестре ничего не ответил, но обида кольнула сердце: «Ну, что же такого, если смотрела? Я не старик, мне всего двадцать. Все грех да грех».

А в прошлом году у святого источника Трех дубов Ер-

мошин подошел ко мне после моления и предложил побеседовать об истинной вере. Старик оказался не очень-то сведущим в Библии, но характер свой показал. «Я, говорит, видел всю Россию и на собственной шкуре испытал многое. Не всегда вожу пальцем по писаному и так, понятием, данным от жизни, знаю, что к чему. Я иду божьим путем сам по себе, и другие мне не указ».

Расстались мы тогда хотя и мирно, но несколько дней после встречи я был встревожен. Старик чем-то напугал меня, он сидел неестественно прямо, смотрел в упор и весь разговор вел свысока, без всякого почтения ко мне.

Кем ему приходится Люба? Послушница? Может быть, родственница? Такая красивая... Надо бы с ней поговорить. А старика она, видать, здорово боится...

Я подошел к дому Анисьи, где была назначена встреча с Ермошиным. Хозяйку называли монашкой. Когда в селе закрылась церковь, она забрала себе церковную утварь. Часть икон распродала, некоторые выставляет в дни праздников возле святого колодца, за что верующие платят немалую мзду.

Я был уже у цели, как от дома Анисьи отделилась фигура.

— Здравствуйте, Леша! Это я, Люба, жду вас, — произнес тихий взволнованный голос. — Узнали?

— Узнал,— так же тихо ответил я.

По обычаю «юношей» нужно было трижды поцеловать ее, но я почему-то смутился и не сразу решился на это. Она горячо зашептала:

— Лешенька, милый... Сил нет, как соскучилась по тебе. На молениях только любуюсь тобой...

Меня всего обдало жаром. Я стал как каменный и не мог ничего вымолвить. Но тут, как искра, вспыхнула мысль: «А вдруг это искушение, насланное Ермошиным? А может, сам дьявол-искуситель соблазняет меня?»

Отпустил Любу, крещу ее, приговаривая: «Помилуй мя, господи, избави от соблазна и искушения... Избави, избави, господи!»

А она вся сникла, говорит упавшим голосом:

— Прости меня за откровенность... Не вольна я над собой... Старый замучил меня... — потянула к двери. — Иди, иди. Он ждет тебя, — решительно втолкнула меня в избу.

Некоторое время я стоял посреди тускло освещенной избы, увешанной множеством икон и лампадок. За столом в белой рубахе сидел Ермошин и грозно смотрел на меня, теребя свои белые усы.

Пересилив себя, я сказал: «Мир дому сему». И не услышал в ответ: «С миром принимаю». Сняв кепку, я стал размашисто креститься на иконы. Ермошин недовольно махнул рукой.

— Оставь это. Не надо. Мы тут одни.

Я подошел к столу. Ермошин привстал и, немного сутулясь (был выше меня почти на голову), протянул руку.

— Прошлый-то раз, когда беседовали, я тебя не упомнил, каков ты есть, а сейчас вижу — тот самый. Садись к столу, гостем будешь. Ты что так задержался? Я уж думал — не придешь.

Я осторожно сел на край скамьи.

— Виноват, немножко задержался, Антон Иванович. Не сразу выбрался, — почему-то я стал оправдываться.

— Ну и как у тебя идут дела? Все проповедуешь, выступаешь. Не боишься? — напористо начал Ермошин.

— Да ведь как иначе?.. Путь избрали узкий. тернистый...

— Врешь ты все! Ты тут на воле как птаха порхаешь, тебя чуть не на руках носят. А там другой будет коленкор, поверь мне, старому волку, на слово.

Ермошин начал навязчиво расспрашивать о делах «юношей», я отвечал сдержанно и неохотно — боялся подвоха.

— Подожди-ка немного, — сказал Ермошин и ушел за перегородку, на кухню. — Тут вот Анисья малость расстаралась, — добродушно басил он, — знает мой характер. — Было слышно, как звякнула посуда. — Ежели по стаканчику первача, как говорят, по единому, для бодрости духа, по-братски? Ты как?

— Нет, нет, Антон Иванович, — испуганно запротестовал я, — душа не принимает. Мы, «юноши», обет держим, по Евангелию нам превеликий грех вкушать спиртное.

— Ну, тогда как хочешь. Неволить не буду, — недовольно буркнул Ермошин из-за перегородки. Вернувшись в комнату, он начал решительно:

— Вот что, Алексей, хочу по-хорошему предупредить тебя. Парень ты неплохой, но нет у тебя жизненного опыту. — Ермошин прищурил колючие глазки, пожевал в раздумье губами. — Ты идешь напролом. А это — ох, как плохо! Попомни меня: сколько веревочке ни виться, а конец будет. Тебе надо менять путь свой. Понял?

— Путь у меня один — богов, — отвечал я. — Мне назначено свыше перед концом света спасать заблудших. Ибо сказано в Евангелии, перед концом света восстанет народ и царство на царство, и многие лжепророки пойдут в народ, и многие лжепророки прельстят многих.

— Ах вон оно что! Значит, ты меня валишь в лжепророки? Так, что ли? — грозно спросил Ермошин.

— Это я к примеру... Перед концом света антихристы будут творить знамения и огонь низводить с неба на землю перед людьми...

— Постой, постой! Попер, не остановишь!

А я не унимался:

— И чудесами, которые будут им даны, они обольстят живущих на земле...

— Остановись, тебе говорю, не болтай! Ты что, решил меня агитировать? Нет, вьюноша, ты еще зелен учить меня! Этих евангелиев я читал не менее тебя и хорошо знаю, что к чему. — Он вышел из-за стола и, приблизившись вплотную ко мне, стал зло выговаривать:

—Я знаю, чем твои вьюноши занимаются. В армии не служите — почитаете за грех. Законным властям не подчиняетесь. Пачпортов не держите — грех. Агитируете против колхозов, а хлеб колхозный жрете, дай только его поболее... Все знаю!

— Документы нам не нужны, мы служим не властям, а богу. Хлеб едим не колхозный, а богов. Не дал бы боженька дождя, хлеб бы не уродился, — глухо оправдывался я.

— Да ты что, — все больше распаляясь, рокотал Ермошин, — опять меня учишь? Проживи сначала с мое да побывай там, — он неопределенно махнул рукой куда-то в сторону, — тогда и рассуждай... Вот что, скажу тебе без всяких агитаций еще раз: с вами я водиться не хочу. У вас путь один и дорожка одна. А я хочу жить в свое удовольствие... Документы имею правильные. Я жить хочу, сладко есть-пить хочу, да чтоб по горбу лишнего не вдаряло. Все же года. Понял, вьюноша? Я тебе толкую: жить хочу, а ты мне мешаешь! М е ш а е ш ь! — он погрозил пальцем.

— Но как же так, Антон Иваныч, ведь ты тоже тайно своих сестер собираешь и Евангелие им толкуешь, значит, то же, что и мы, творишь.

— То же, то же... Да не тот коленкор! У меня на молениях порядок, хотя и вожусь с одними бабами. Занимаюсь религией и н и к а к и х, — последнее слово он сказал твердо, с расстановкой. — У нас свобода совести: хочешь — молись, не хочешь — не молись. Ежели концом света попугаю, так это тоже не я выдумал. Конец света нам нужен для острастки, чтобы бога боялись да меня, его пророка, слаще кормили. Видишь, какой я откровенный, ничего от тебя не скрываю, хоть мы и соперники!

Ермошин тихо подмигнул, спокойно сел на свое место за стол и стал молодцевато поправлять свои прямые и белые, как заячьи лапы, усы. Я сидел молча, не знал, что и говорить.

Он продолжал в примирительном тоне:

— Так и порешим, вьюноша Алексей, что мешать друг дружке не будем. И своих сестер и братьев ко мне не засылай. Я своих укреплять в вере сам буду. Ну, а ежели не все понял и станешь девок моих переманывать к себе... Вон мою послушницу Любку смущаешь, смотри...— показал костлявый, твердо сжатый кулак.

Это было уж слишком. Я решительно поднялся со скамьи и с обидой заговорил:

— Я утвержден в едином истинном пути, данном мне от бога нашими старшими братьями-пастырями. Так шел и буду идти. Верую во единого отца и сына и святого духа. О чем толкуешь, все понял. — Взял с лавки свою кепку и направился к двери. А он мне вдогонку:

— Может, остатки все же допьем? Для скрепления духовных уз? — и засмеялся.

— Не приемлю, — с сердцем буркнул я в ответ и вышел из избы.

В сенцах меня встретила Люба.

— Ну, что там у вас было? Помирились?

— Христопродавец он лукавый,— зло ответил я.

Люба взяла меня за руки:

— Прощай, Алешенька. Теперь уж долго не увидимся. Я ухожу далеко...

Неожиданно раздался громкий голос Ермошина, звал Любу. Она в испуге отпрянула, убежала в избу.

Я зашагал в темноту, не понимая, куда иду. В голове все перемешалось. Ермошин, его откровенные речи... А тут еще Люба... Куда она собралась уходить? Может, старик ее заставляет? Надо бы разузнать о нем подробнее. Я шел и прикидывал, как бы насолить Ермошину...

У нас, «юношей», существовал строгий обряд покаяния. Два-три раза в году устраивались большие моления, на которых все вновь вступившие в общину должны были на миру покаяться: чистосердечно рассказать, в чем они согрешили. Наша община в основном была молодежной, но были богомольцы и постарше — отцы, матери, старшие сестры и братья «юношей».

Покаяния проводились в определенном порядке. Каждый, кому назначалось покаяние, был предупрежден заранее. Кающийся выходил вперед, крестился на иконы, кланялся проповеднику, потом поворачивался к верующим и начинал каяться в своих грехах. Иногда звучали подробности, от которых уши вяли. Зрители не оставались безучастными — начинали подвывать, голосить, как по покойнику.

Закончивший покаяние крестился на иконы, низко кланялся на все стороны, громко произнося: «Братья и сестры, простите мои прегрешения». Ему хором отвечали: «Господь простит! Прости ты нас!»

Когда все, кто был намечен (обычно семь — десять человек), покаются, старший брат или проповедник говорил заключительную проповедь.

Были такие, кто пытался избежать общего покаяния: может, стыдно было на миру признаваться в своих неприглядных поступках или нервы не выдерживали. Ссылаясь на болезнь, они добивались разрешения сделать письменное покаяние. Его зачитывали в их отсутствие.

Меня всегда тревожили и смущали эти покаяния. Мне казалось, что они развращают нашу молодежь. Попадется тетка лет тридцати, весело пожившая, и начнет выкладывать напрямую свои грехи — хоть убегай. Девчонки слушают, опустив глаза, у парней в усмешке кривятся губы. Хотя смеяться над покаявшимися считалось великим грехом. С покаяниями всегда были связаны какие-то неприятности: то тетка окажется слишком уж откровенной, то поступит жалоба, что покаявшийся скрыл свои грехи.

Так получилось и с Мишаткиной. Она покаялась в грехах, правда, без крика и плача и так умело, что походила больше на праведницу, чем на кающуюся грешницу. А на другой день подходит ко мне одна любительница нашептывать и по секрету говорит:

— Мишаткина-то вчерась на исповеди грех утаила. Она ведь из одной со мной деревни. Там согрешила с нашим соседским Мишаткой. Правда, это было давненько, а все же утаивать на исповеди, значит, еще один грех брать на душу.

В этот же день я вызвал Мишаткину на допрос. Однако она не испугалась. Смотрела на меня, ничуть не смутившись:

— Не ярись, Алексей. Давай разберем по порядку. Ну, если что и было. Зачем же самой об этом кричать? Чтобы потом языки чесали? Вот и умолчала. Ведь не всяк женится, кто посватается... Только когда это было? Откуда я знала в те годы, какой он есть, грех-то. Уж видно так: ошибся, что ушибся, — вперед наука. С тех дней ушла из деревни. Брожу по свету. Ни дома, ни семьи. Плакать не умею, тужить не велено. Так и живу, как неприкаянная. Беда это моя и грех это мой... Нашлась добрая соседушка, надула тебя в уши и думает — святое дело сделала.

Потом помолчала, покрутила головой:

— Гляжу я на всех вас, «юношей», все-то вы толкетесь да путаетесь, ровно кутята слепые. Хочешь, скажу правду: пока все это внове — к тебе будут липнуть, особливо девки, потому как ты обещаешь им жениха небесного. Но придет время, надоест им твоя наука, захотят замуж — рассыплется все, как горох, и тебя забудут... А парень ты не глупый, на хорошее бы сгодился.

От таких ее слов меня чуть удар не хватил — так со мной еще никто не разговаривал.

— Ты это что же, — я хотел назвать ее «Мишаткина», да сдержался, сообразив, откуда пошло это прозвище, — меня вроде учить хочешь?!

— Не перебивай, дай доскажу, раз уж разговор начистоту. На позор себя выдавать больше не буду — покаяний не хочу. И так уж ошибочку сделала — покаялась. Да вот беда моя — податься некуда. Но ты на меня не серчай. Ведь я бы могла тебе кое на что сгодиться. Вот, к примеру, дал бы ты мне работенку по душе, задание что ли такое: узнать что про кого. Тут бы я большую пользу тебе принесла. В душу, если надо, залезу к любому... Была бы тебе верная помощница. Только с уговором — никому об этом не сказывать.

Так неожиданно тогда повернулся наш разговор, и стала она верной моей помощницей. Выручала много раз. Веселая, неунывающая. Все с ней делились секретами, всюду приглашали. Часто бывала в разъездах. Что-то покупала, продавала. Знала все про всех.

Окончание следует

ОБЫЧАЙ, ДАЛЕКО НЕ БЕЗОБИДНЫЙ

Уважаемая редакция! Ваш журнал выписываю четыре года. В № 9 за 1978 год прочитала статью Р. Мавлютова «Никах» — о заключении брака по шариату. Статья взволновала меня, и я совершенно согласна с автором: не так безобиден этот мусульманский обряд, как может показаться на первый взгляд.

Я родилась и выросла в Татарии, в деревне Малая Цепьня Дрожжановского района. Прошло шесть лет, как я покинула отчий дом. Поехала учиться в город, там вышла замуж. Однако в деревню приезжаю часто. Деревня наша большая, молодежи много, но и стариков немало. Среди них есть правоверные мусульмане, они-то и стараются, чтобы молодежь хранила «религию отцов», и оказывают свое влияние через старших в семье. Видимо, и мой отец разделял их взгляды, во всяком случае, наверное, не хотел, чтобы его осуждали старики. Поэтому, как только я приехала с мужем, чтобы познакомить его с родными, отец стал настаивать, чтобы наш союз освятил мулла. Посоветовавшись с мужем, мы решили не расстраивать старика, согласились на обряд никах и в сопровождении родственников и знакомых отправились к мулле. Он прочитал напутствие из Корана и стал задавать нам вопросы, такие нелепые для нас, что я с трудом удерживалась от улыбки. Например, он спросил нас: «Согласны ли вы вступить в брак?» Но мы уже не первый день были мужем и женой, и мулла прекрасно знал об этом. Отец тогда видел мое несерьезное отношение к никаху, очень на меня рассердился, даже назвал «бесстыдницей», родные тоже смотрели на меня с осуждением. С тяжелым чувством возвратились в город. Вспомнилась наша комсомольская свадьба: веселая, красочная, радостная. Конечно, жаль было обижать старика-отца, потому и согласилась совершить обряд, но как плохо мы себя чувствовали, когда пошли против своих убеждений. Зря мы это сделали.

Мне не раз приходилось бывать на свадьбах в деревне. Женщины сидят отдельно от мужчин, невеста в стороне от жениха, нет общего праздничного застолья. Мусульманский брачный обряд построен так, что унижает женщину, с первых шагов семейной жизни ограничивает ее права. Напутствуя молодых, мулла внушает им, что жена ни в чем не должна возражать мужчине, обязана беспрекословно во всем ему подчиняться. И не всегда хватает у нас, женщин, сил и убежденности, чтобы постоять за свое человеческое достоинство, помешать мусульманской общине вмешиваться в семейные дела. Некоторые мои подруги вышли замуж по воле родителей, расставшись с любимым. Нередки случаи, когда родители жениха и невесты заключают сделку, как того требует шариат. И не желая нарушить «обычай предков», молодые тоже идут на сделку, а потом страдают оттого, что семейная жизнь не удалась. Думается, молодежь должна активнее противостоять старым обрядам и обычаям, противоречащим нашему советскому образу жизни. Не идти против своих убеждений, против своих чувств. Все мы имеем право на счастье.

Р. ХАЙРУТДИНОВА,
воспитатель детского сада
Татарская АССР

Разлад

И. БАЛЛОД,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Вопросы, связанные с религией и атеизмом, меня интересуют уже семь лет, это с тех пор, как я женился и жена моя оказалась верующей. Я прошу вас разобраться в моей жизни... Ее родители, поняв, что я не стану верующим, решили сделать мое семейное положение невыносимым и во что бы то ни стало втянуть в религию моих подрастающих детей, чему я очень препятствую...

Из письма Виктора Рыбакова

1 Поезд «Москва — Сумы» почти весь заполнен командированными на химкомбинат. «Вы тоже на химкомбинат?» — спрашивают и меня. В гостинице я оказываюсь в одном номере с журналисткой из киевской «Рабочей газеты». «Вы на химкомбинат? — интересуется она и, выслушав мой ответ, искренне удивляется: — К баптистам? Члены баптистской общины работают на машиностроительном заводе? Надо же, сколько лет езжу в Сумы и в первый раз слышу об этом. Я думала, религия — это старушки со свечками...»

Молитвенный дом евангельских христиан-баптистов стоит на тихой улочке, незаметен для постороннего глаза, далеко не все сумчане, наверное, знают о его существовании. Вот и Виктор Рыбаков, дожив до двадцати трех лет, ничего о нем не знал и тоже думал, что религия — это «старушки со свечками», которые доживают свой век по тихим уголкам.

В армии Виктор был комсоргом взвода, серьезно увлекался спортом. После демобилизации поступил на машиностроительный завод имени Фрунзе, стал токарем. Семь лет стоит у станка, по одну сторону — отливки, по другую — готовая продукция. Виктор ищет в жизни устойчивости, основательности. Он любит размышлять о том, что происходит вокруг, докапывается до сути.

«Пустых людей, которым после работы лишь бы только до гастронома добраться, не терплю. Человек должен иметь что-то за душой, чем-то интересоваться...»

Виктор читает серьезных писателей, ему и Катя понравилась, потому что она была серьезная девушка.

«Она техникум кончила. Думал, книжки вместе будем читать, поговорить будет с кем. И лозунг, висевший в доме Катиных родителей, — «Бог есть любовь», я объяснил так, что надо, значит, жить в согласии и уважении друг с другом».

Между тем Катины родные с самого начала готовили Виктора к вступлению в общину.

«У них считается, что вера будет полной, если верующий приведет за собой хотя бы одного человека. Катины сестры привели в общину своих мужей и детей. И на меня смотрели, как на Катин «взнос». После свадьбы я узнал, что родные Кати еще до свадьбы ко мне присматривались, и оказалось, что я им подхожу: не пью, не курю, не уважаю рвачей, карьеристов, точность во всем люблю».

На первый взгляд могло показаться, что моральные принципы Виктора и членов баптистской общины сходны и отчего бы ему не вступить в общину? Но этого не произошло. Обнаружились существенные различия.

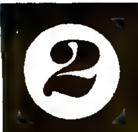
«Вначале меня удивила моя собственная нетвердость. Книжек-то я читал немало, а про религию — ничего. Даже не знаю, откуда у меня сложилось представление о сектантах как о темных, нелюдимых людях. А увидел я людей самых обыкновенных и очень разных — умных, добрых, чистосердечных, и — поглупее, похитрее, почерствее. И всех их объединяет вера».

Виктор оказался один перед лицом общины, почувствовал пафос сплоченности, перед которыми отступали на задний план индивидуальные человеческие слабости и страсти каждого. Он смотрел на оживленные совместные приготовления к праздникам, на сами праздники: бракосочетание, день единства, осенний праздник жатвы, молодежные воскресные встречи — они были красочные, музыкальные, вызывали у участников душевный подъем.

Виктор увидел, как внимательны члены общины друг к другу, как помогают друг другу во время болезни, выручают в хозяйственных делах: Катя и Виктор были «своими», и им тоже помогали, и Виктор считал себя обязанным отработать на огороде Катиного отца, помочь убрать картошку другим Катиным родственникам.

Виктор, сам склонный к раздумьям, нашел в общине близких ему по духу «правдоискательства» людей — и простых деревенских «умников», и образованных людей, знакомых со многими религиозными книгами. Поначалу Виктору показалось, что верующие знают рецепт от всех бед человеческих: от страха смерти, одиночества, низких страстей и разобщенности. «Все люди в мире разобщены, все связи между ними расторгнуты, и единственное, что может объединить,— свет веры. Вера помогает переносить личные невзгоды. Человек, живущий под напряжением высших божественных чувств, не обращает внимания на свои страдания»,— утверждали общинные проповедники.

Виктор обратился за поддержкой к атеистической литературе. В этой области он «здорово подготовился». И твердо решил отстаивать свои атеистические взгляды.

Первый период растерянности, некоторая нетвердость в оценке веры у Виктора прошли.

«Все наши диспуты кончались ничем, ни я их, ни они меня переубедить не могли, сколько бы мы ни спорили, возвращались к исходному: я им: бога нет, они мне: бог есть. Они все больше на Библию опираются, приспосабливают ее главы, как к случаю удобно. Есть там один спорщик, совсем молодой парень. Говорит: бог вынужден время от времени устраивать войны для очищения людского племени от грязи. Я спросил: зачем же дети в войну гибнут? А он мне отвечает: бог считает, если младенец может отличить левое от правого, он уже грешен... Обыкновенный мракобес и человеконенавистник. Таких, кто имеет хоть какое-нибудь собственное мнение, в общине единицы, а большинство просто поражают какой-то бездумностью, наивностью. Взять хотя бы мою Катю. «Ну, объясни,—говорю,—во что ты веришь?» — «В рай». — «Ну, а какой он?» — «Там текут молочные реки между кисельных берегов...» Как я должен эти слова ее расценивать? Неужели она всерьез верит в эти сказки? Она и Библию не читала, я спрашиваю ее: кто такой был Ной? Не знает».

Не нравился Виктору весь строй чувств верующих, никак не подходящий к его здоровой, жизнелюбивой натуре.

«Одна очень умная женщина в общине мне говорит: чтобы человек начал духовную жизнь, он должен отречься от самого себя, осознать свое природное ничтожество. Возражаю ей: я тоже за духовную жизнь, но она вовсе не отрицает земной жизни, человек не отрекается от себя, исправляет себя, а это ох как трудно! Она мне: человека может сделать лучше одна только благодать, посланная ему богом. Ну нет, отвечаю, очень все было бы просто!»

Виктор высоко ценит живую, реальную жизнь, дорожит и часами работы, и обеденным отдыхом, и беседой с товарищами по цеху, и чтением, и рыбалкой. У него есть дар жизни, понимание жизни как времени, отпущенного человеку, чтобы полно проявить себя. Он здраво судит о человеческой жизни, без страха думает о неизбежности смерти. В общине мысли о смерти занимают особое место. «Братья и сестры, проходите через мирскую жизнь, смотря и не видя, слушая и не слыша,— убеждает проповедник.— Только там, за гробом, начинается настоящая жизнь». Подобные мысли о смерти извращают нормальные чувства.

«Катю мою так настроили, что она на все смотрит как сквозь туман. Хоронили ее мать, — мне даже жутко стало: и плачет и радуется — в рай, в рай пошла!»

И еще одну деталь в отношениях между членами общины обнаружил Виктор: отдельная личность общину интересует мало. Все добры, все трудолюбивы, все честны. Зачем разбираться в сложностях каждого конкретного характера? Характеры расплавлены в общей массе, отреклись от себя. А вместе с тем в «братстве» существует иерархия, негласная, но стойкая, достаточно посмотреть, как заполняется молитвенный дом: скромные, в одинаковых платочках прихожанки, придя первыми, не занимают, однако, передних рядов, оставляя их «элите», которая прибывает в последнюю минуту и рассаживается впереди. Но формально считается, что личности в общине не должно быть. А без личности нет и подлинных человеческих отношений, ни дружбы, ни любви, ни помощи. Есть ритуал поведения, вышивка одинаковых узоров по заранее заготовленной канве.

Виктора активно интересуют общегосударственные задачи и планы, его серьезно заботит будущее, он ощущает свою принадлежность к обществу, государству. Община же замкнута в себе, живет вне круга этих вопросов, смотрит на них как на суетные, мирские. Верующие участвуют в земной жизни как пассивные исполнители, «трудолюбивые пчелки», занятые лишь своими отношениями с богом. Если бы Виктор вошел в общину, он должен был бы отгородиться вместе с другими «избранными» от всего «падшего» и погрязшего в грехах мира. Спорт, театр, книги, заводские и городские новости, все, что происходило вокруг него, он должен был бы воспринимать в отфильтрованном, пережеванном пастырями виде. Он так не мог.

Итак, в рабочем микрорайоне города Сумы столкнулись два образа жизни, две модели духовного бытия.

Не приведя Виктора в общину «путем волхвов», не сумев воздействовать на него лестью, не переспорив его в вопросах теории, родные Кати стали действовать по-другому. Они знали, что Виктор привязан к жене, не бросит троих детей, внутренняя порядочность не даст ему перевести духовный конфликт на уровень семейной склоки, бытового скандала.

«Они увидели, что ничего у них не получается, и сразу я из хорошего стал целиком и полностью плохим. Мне объявили, что в меня вселился бес, и с тех пор уже не говорили со мной уважительно, а всегда со злобой, стараясь кольнуть в самое больное место. Всякие трудности наши с Катей ее родственников радовали. Не было у нас вначале никакой квартиры — злорадствовали: чего ж тебе твой завод не дает? Не сразу удалось устроить сына в садик — тоже не сочувствовали, Потом Кате выделили комнату в семейном общежитии, так ее родственники мне говорят: ты здесь не хозяин, ордер выписан на Катю. Уйду на работу, а Катины сестры приходят в наш дом, хозяйничают, с моими детьми занимаются. Я решил более решительно повлиять на Катю, но она у меня очень молчаливая. За все годы так и не смог поговорить с ней толком. Ухожу на завод, оставляю на столе интересную книгу: может быть, выберешь время, прочтешь? Прихожу — книжка не раскрыта. Некогда! Ей, конечно, трудно: дети, хозяйство. Будь мы с ней одни, я знаю, она бы уступила — может быть, и верила бы в свой рай, но детей бы я воспитывал. Но она шагу не может ступить, не посоветовавшись с родственниками, а те мне так прямо и заявляют с насмешкой: «Не надейся убедить Катю, она всегда тебе скажет только то, что мы велим».

Но как можно молчать рядом с человеком, который тебя любит, который жаждет узнать, что у тебя на душе, которого ты сама любишь... Сама кротость Кати оборачивается насилием — ведь она семь лет мирится со своей ролью веревки, привязывающей Виктора к общине. А старшему сыну шесть лет. Через год ему идти в школу...

«Первый человек, к которому я обратился за помощью, был лектор, который читал у нас в микрорайоне лекцию. Я, наверное, был не прав, что не раскрылся ему до конца, только намекнул: такая вот беда стряслась с моим другом. Поэтому, наверное, и не стал вникать лектор в существо дела, дал мне список литературы, которую мне будет полезно прочитать, а толком ничего не посоветовал.

Второму человеку я уже чистосердечно признался, что сам терплю такое бедствие. Этот человек часто выступал у нас на заводе, он в теории очень силен, на любой вопрос ответит исчерпывающе, и вообще с ним можно поговорить по душам. Я ему благодарен за сочувствие. Но и он практической помощи оказать не смог. Уж очень сложное это дело, говорит. Как я могу в ваши семейные отношения вмешиваться?

Стал я более замкнутым. И на работе моей, и на всей моей жизни сказывается, что я все время выхода ищу. Один ищу. Обратился я и в общественные организации. Пытались было повлиять на мою жену, да не принесло это пользы... Нашлись даже люди, которые посчитали, будто я нарочно «разыгрываю драму», чтобы получить вне очереди квартиру. Действительно, я просил дать мне квартиру: мы живем тесно, и, если

нам квартиру в конце концов дадут, родственники Кати уже не смогут попрекать меня, говорить, что я не глава в доме. Но думать, что я кого-то обманываю, — очень глупо...

Живет в нашем городе Александра Леонидовна Котенко. Ее считают в области лучшим работником по атеизму, даже верующие охотно ходят на ее лекции. Она преподает в машиностроительном техникуме. Я разыскал ее и просил прийти ко мне домой, просто в гости вместе со своим мужем. Вот если бы она подружилась с Катей...»

Виктор ищет авторитетных, знающих людей, которые способны оказать ему серьезную моральную поддержку. Он уверен, что таких людей непременно найдет.

Родственники жены бьют по больному месту, они говорят Виктору: твое государство, твой завод тебе не помогают. Ты все-таки — **один**. И каждое доказательство того, что его ценят, Виктор с торжеством несет в семью: «Дали премию за квартал!», «Устроили сына в садик!» Сейчас Виктор с семьей в пять человек живет в маленькой комнате. И конечно же, люди, от которых зависит улучшение его жилья, очень плохо знают те специфические условия, в которых он находится.

Работники, к которым обращался Виктор за помощью и с которыми мне удалось встретиться во время командировки в Сумы, видимо, сразу не уловили всей серьезности этого семейного конфликта, не уделили должного внимания молодой семье.

Даже такая опытная, умная, душевная женщина, как Александра Леонидовна Котенко, не решается пойти в дом Виктора. Надо хорошенько подумать, прежде чем браться за такое деликатное дело. Чуть пережмешь палку — и, пожалуй, не поможешь, а напортишь. Опытный воспитатель, она рассказала мне немало случаев из своей практики, когда «осторожным, ненавязчивым влиянием выводили подростков из веры». Но были и неудачи, когда «проявляли излишнюю торопливость и в результате теряли человека, принимавшего нашу настойчивость как искушение дьявола, испытание, лишь закаляющее его в вере». Так что понять ее колебания можно.

А между тем такие «домашние» коллизии еще встречаются здесь, в Сумах. Об одной из них рассказал мне Виктор:

«У одного рабочего заболела жена. Члены общины приступились к нему: если ты не искупишь ее и свои грехи, не придешь к нам, она умрет. Ребята с завода сдавали свою кровь для переливания, я ходил к парторгу, просил не оставлять того парня в пустоте, поддержать. Я-то знаю, как нужен тут сочувствующий, твердый человек».

Пора сделать некоторые выводы. Разумеется, тот факт, что пропагандисты атеизма с большой осторожностью отнеслись к вмешательству в семейный конфликт Виктора,— хороший признак. Люди понимают, что нельзя «рубить узлы сплеча», действовать в таких трудных и тонких ситуациях грубой силой. Атеистическая работа немыслима без чуткости, человечности, терпения. Но она же подразумевает активность, динамичность, умение разбираться в самых сложных ситуациях. Такие люди в Сумах есть. И они должны помочь Виктору. Я бы отнесла к их числу и самого Виктора. К нему идут те, кто нуждается в поддержке и помощи.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

Очерк был набран, когда я получила от Виктора Рыбакова (фамилию я по его просьбе изменила) приглашение на новоселье. На заводе учли особенное, можно сказать, чрезвычайное положение в его семье и нашли возможность выделить ему квартиру.

Виктору и Кате предстоит нелегкое дело — сохранить семью, совместно воспитывать детей, оберегая их от «психических перегрузок». Им, быть может, предстоит стать примером для других подобных молодых семей, часто разрушающихся оттого, что взаимная нетерпимость к взглядам другого оказывается выше личной привязанности и даже любви к детям.

Катя и Виктор оба полны решимости свою задачу выполнить. «Теперь нам будет намного легче!» — в один голос говорят они.

Осенью их старший сын пойдет в школу. Меня заинтересовали и обрадовали его рисунки, обычные мальчишеские рисунки — пожарные машины, башенные краны, самолеты. Рада была услышать, как весело и выразительно он читает стихи — он будет выступать с ними на празднике в детском саду. Еще больше меня порадовало, что не только отец, но и мать находит время, чтобы почитать сыну книжку — и вовсе не религиозного содержания, а то, что сын просит, что ему интересно, а интересно ему слушать про отважных путешественников и благородных рыцарей.

Вообще старшему сыну повезло: первые годы его жизни совпали с «мирным» периодом отношений Виктора с Катиной семьей. Мальчик спокойный, дотошно-любознательный, вдумчивый, с явной склонностью к естественным наукам, как и его отец. «У папы есть знакомый дядя, у него есть настоящий телескоп, когда будет ясная погода, папа покажет мне кратеры на Луне», — мечтает он.

А вот средний сын «трудный» — нервный, взбудораженный. Ломает, бьет, топчет все подряд. Ночами вскрикивает, плачет. Может быть, в этом сказались последствия семейного разлада последних лет! «Теперь вся надежда наясельки, — говорит Катя, — там, может, и дисциплине научится, и спокойней станет».

Ну, а младшему всего шесть месяцев от роду. Это улыбчивое, доброжелательное ко всем существо. Он еще далек от всех споров и столкновений взрослых, он просто ощущает, привыкает, удивляется и радуется самому факту жизни.

Всякий ребенок чувствует себя бессмертным, понятие смерти ему чуждо, для него жизнь — прекрасная, светлая бесконечность. Этот дар детства и защищает Виктор.

Вокруг трактата „О трех обманщиках"

А. САГАДЕЕВ, кандидат философских наук

ЕСЛИ СУДИТЬ о духовной жизни средневековья по сохранившимся от него письменным источникам, то века эти предстают именно тем, что имели в виду гуманисты Возрождения, называя их «средними», — кромешной ночью мракобесия — между вечерней зарей — античностью и утренней — Ренессансом. Ибо дух большинства этих сочинений выражает господствовавшую тогда идеологию «теологизированного общества». Однако, называя эпоху средневековья мрачной, мы допускаем неточность, так же как, например, применяя этот эпитет к туче: она мрачна стороной, обращенной к нам, а на самом деле, как гласит английская пословица, у всякой тучи есть своя светло-серебристая изнанка. У духовной жизни средневековья тоже была светлая сторона, скрытая от поверхностного взора, о коей мы можем получить представление и из намеков на еретические взгляды, проглядывающих сквозь заверения некоторых авторов в своей преданности официально одобренным догмам; и по тем казенно-ортодоксальным документам, авторы которых излагали подобные взгляды «открытым текстом», — чтобы их опровергнуть или предать анафеме. Разум вырывался из оков религиозных догм, составлявших основу господствующей идеологии. Конечно, изучать эту сторону несравненно трудней, чем официальную идеологию, — здесь на каждом шагу сталкиваешься с философско-теологическими головоломками и загадочными историями.

Об одной из таких историй мы и поведем речь. Мы пойдем по следам трактата о трех пророках, ввергших в великое заблуждение тех, кто вошел в лоно созданных ими вероучений, — о Моисее, Иисусе Христе и Мухаммеде. Трактат так и назывался — «О трех обманщиках». Три эти слова, вызывающе святотатственные, передавались в Европе из уст в уста на протяжении ряда столетий — от раннего средневековья до Нового времени — с благочестивым ужасом, с нескрываемой яростью или с тайным ликованием. Об этой книге, вероятно, говорили больше, но знали меньше, чем о любом другом антирелигиозном сочинении. Больше говорили, ибо в самом его названии атеистическая мысль прошлого находила максимально сконцентрированное и «скандальное» выражение; знали же меньше, ибо в течение всех этих столетий не было человека, способного толком ответить на вопрос, когда же именно, где и как возникло это произведение, какой еретик дерзнул приняться за его составление...

ИЗВЕСТНЫЕ КНИГИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ АВТОРОВ

В 1706 году во Франкфурте-на-Майне большой любитель и собиратель редких книг и рукописей П. Ф. Арпе встретил в книжной лавке шведского офицера, который предлагал хозяину книгу и две старинные латинские рукописи. Все это, по словам офицера, досталось ему в Баварии в качестве военной добычи. Книга была «Изгнание торжествующего зверя» Джордано Бруно, а одна из «трофейных» рукописей, изрядно поистершаяся, заставила Арпе забыть обо всем на свете. Заглавия у нее не имелось, но она предварялась посланием жившего в XIII веке императора Фридриха II баварскому герцогу Оттону, где сообщалось, что данный трактат написан неким ученым мужем по приказу императора и посвящен трем великим обманщикам народов. Арпе сразу понял, что это — знаменитая богохульная книга «О трех обманщиках», за которую многие библиофилы Германии заплатили бы любую запрошенную сумму. Упустить из рук такое сокровище он не мог. Пообещав шведу найти выгодного покупателя, книголюб увлек его к себе домой и устроил там небольшую пирушку, после которой без особого труда уговорил охмелевшего гостя оставить ему рукопись на несколько дней. При этом Арпе поклялся не снимать с манускрипта никаких копий. Клятву свою Арпе сдержал так: он сделал французский перевод этого ценнейшего текста, после чего возвратил рукопись владельцу.

Вскоре в Голландии появилась статья, в которой этот случай излагался от первого лица. Она была без подписи, но современники могли предположить, что автор ее — Арпе. В статье приводился перечень глав обнаруженного произведения с подробным изложением их содержания. Арпе отвечал тем, кто сомневался в существовании в те годы рукописных и тем более печатных текстов легендарного трактата. Вскоре, в 1719 году, также без указания автора, была опубликована французская книга «Мысли Спинозы» — ее главы как названиями своими, так и содержанием совпали с теми, которые приводились в упомянутой статье.

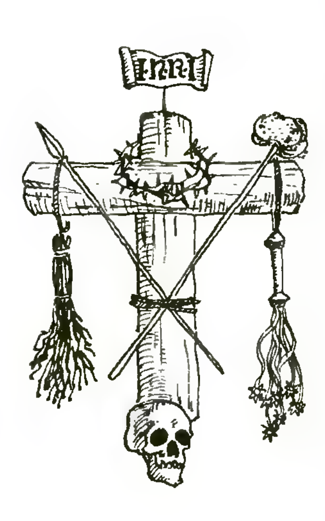
По распоряжению властей она была предана сожжению, но затем последовали другие ее издания, в них эта книга уже называлась «Трактат о трех обманщиках».

Этот печатный текст сохранился до наших дней. Религия, утверждает аноним, — это суеверие, порожденное страхом людей перед грозными и непонятными явлениями природы и распространенное по земле «невежественными обманщиками» — пророками. Ни по рождению, ни по образу жизни пророки не отличаются от прочих смертных, но, чтобы как-то объяснить их мнимую способность входить в общение с богом, им приписывают необычайную силу ума. Но о каком их уме может вообще идти речь, негодует автор, если божьи избранники постоянно противоречили друг другу, а большинство их рассуждений столь невразумительны, что вряд ли они и самих себя-то понимали. Религии зиждутся на невежестве. Вот почему те, кто измыслил понятие бога, не позволяют народу обсуждать это понятие с точки зрения здравого смысла и стараются внушить отвращение к философам и ученым.

Знакомство с текстом, однако, не дает оснований считать это сочинение памятником средневековой литературы. Стиль, способы аргументации, а главное — дословное воспроизведение в нем целых фрагментов из книг вольнодумцев XVII века — все говорит о том, что текст этот родился не ранее последней четверти того же XVII столетия. Большие подозрения теперь начинает вызывать и статья Арпе. Уж очень сильно отличается от средневековой латыни слог послания Фридриха II баварскому герцогу Оттону, которое обнаружил Арпе в рукописи. Кроме того, замечаешь: в статье говорится, что император имел возможность «опубликовать» трактат, хотя в его время — в XIII веке европейцы не дошли еще до печатного размножения не только трактатов, но и обыкновенных игральных карт. Поведанная Арпе история о шведском офицере с его «трофеем», надо полагать, тоже не более, чем плод его фантазии.

Тогда, видимо, трактат и принадлежит перу Спино-

Для иллюстрации статьи художник С. Чернышов использовал сюжеты рисунков XI—XIII вв., а также гравюры в богословских книгах XV—XVIII в.

зы? Разве голландский философ не разоблачал религиозный обман, основанный на страхе и темноте народа? Разве не обличал невежество пророков, то и дело противоречивших друг другу и пускавшихся на всякие чудодейства как раз потому, что им были неведомы законы природы? И все же — нет, не Спиноза автор трактата: друзья и почитатели философа тщательно собрали после его смерти все оставленное им научное наследие — такого произведения в нем не было.

Среди возможных авторов трактата называли биографа Спинозы Я. М. Лукаса, его друга Л. Мейера, французского историка графа А. де Буленвилье. Допускалось и авторство Арпе, коль скоро содержание трактата было изложено им ранее, чем книга увидела свет. Но подтверждений этому тоже нет, даже то, что именно он написал статью с изложением трактата, — только предположение его современников.

Книга эта, изданная вначале, как мы помним, под названием «Мысли Спинозы», несомненно, выдающийся образец антирелигиозной публицистики Нового времени. И все же это был не тот таинственный трактат, за которым любители старины вроде Арпе в XVIII веке охотились едва ли не с таким же рвением, с каким инквизиторы — в прежние времена.

Но охотники за старой крамольной литературой могли тогда приобрести за большие деньги другую анонимную книгу, на обложке которой было напечатано: «О трех обманщиках. Год 1598». Ходили по рукам и рукописные экземпляры того же сочинения; один из них хранится в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина и имеет название «О религиозном обмане, или попросту «О трех обманщиках»[1].

Как и автор того трактата, о котором у нас шла речь, создатель этого произведения считает, что всякая религия основана на преднамеренном обмане, а обман — на корыстном использовании заблуждений, к коим ведет людское легковерие. Обманывая народ различными баснями, вели свою «реформаторскую» деятельность пророки—Моисей, Иисус Христос и Мухаммед. Первый, преобразовав язычество, создал иудаизм, второй, видоизменив иудаизм, основал христианскую религию, третий, «поправив» по своему усмотрению две религии, дал миру мусульманское вероучение. Не исключено, что когда-нибудь явится новый вероучитель, и можно поручиться, что его религия будет зиждиться все на том же обмане.

Последователи каждой из существующих религий, говорится в книге, твердят, что только их вера истинна; но отсюда следует: надо либо принимать за истину все религии, что было бы смехотворно, либо — и это самое верное дело — не принимать за истину ни одну из них. Между тем беды, приносимые религией, не ограничиваются областью истины. Она используется правителями и богачами, нуждающимися в ней для обуздания и ограбления народа, как средство запугивания людей возмездием невидимых сил.

Так, может быть, эта книга и есть давно разыскиваемый крамольный трактат? Сомнения на этот счет высказывались еще в конце XVII века. Современные исследователи — авторы «Истории свободомыслия и атеизма в Европе» пишут: «Судя по упоминанию в ней империи Великого Могола, возникшей в Индии в середине XVI века, книга не могла быть написана ранее второй половины этого века и дата ее печатного экземпляра, 1598 год, должна быть признана правильной»[2].

Но ведь и эта дата — достаточно древняя, а в определенном смысле и знаменательная.

ИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ КНИГ

1598 год. Рубеж двух столетий и двух исторических эпох. На той же грани времен — 17 февраля 1600 года — принял мученическую свою смерть Джордано Бруно. Великий итальянец был одним из тех воспетых им подвижников, которые «в страданиях своей мыслительной способности зажигают свет разума» и передают его грядущим поколениям. Свет разума его озарил наступающий XVII век, который положил начало Новому времени — в социальном развитии Европы и Новой философии — в эволюции ее интеллектуальной жизни. Полыхание же костра, разведенного палачами в сумерках февральского утра на римском поле Цветов, было как бы кровавым отблеском только что закончившегося XVI века — века, отмеченного множеством других таких же костров, разгулом инквизиции, массовыми убийствами кальвинистов во Франции и Голландии, вальденсов в Альпах и Калабрии, евреев и морисков в Испании. Но XVI век был вместе с тем веком стремительного взлета поздневозрожденческого вольнодумства, подготовившего философский рационализм XVII столетия.

При раздумьях над неизбежно встающим вопросом об авторстве книги мысль прежде всего обращается к Бруно. Его действительно считали автором трактата «О трех обманщиках». Правда, в Италии свирепствовала такая цензура, что появление в стране подобного сочинения не кажется вероятным. Об этом говорят недавно опубликованные новые документы по истории Индекса запрещенных книг: «Обыски и проверки книжных лавок, система доносов о книжных новинках, постоянное пополнение и без того обширного перечня запрещений, надзор над ввозом книг в Италию из других, в особенности «еретических», стран... — таковы действия местных и римских инквизиторов»[3]. Римские кардиналы установили специальный надзор над книжной продукцией, привозимой из самого «еретического» в этом отношении города Европы — Франкфурта-на-Майне (не потому ли именно этот город сделал Арпе местом действия своего рассказа?). Но итальянские вольнодумцы, «авторы и печатники шли на ухищрения, стремясь обойти или обмануть церковную цензуру. Рукописи вывозились за границу и печатались там... Все сочинения Джордано Бруно были обнародованы вне Италии»[4].

А как сам Бруно относился к пророкам и пророчеству? Ответ на этот воп-

[1] См. кн.: «Анонимные атеистические трактаты». М., 1969, стр. 195—219.

[2] «История свободомыслия и атеизма в Европе». М., 1966, стр. 51.

[3] А. Х. Горфункель. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977, стр. 35—36.

[4] Там же.

рос поможет понять, мог ли он быть автором трактата.

Та часть обвинительного заключения «священной службы», в которой содержалось восемь тезисов с характеристикой еретических воззрений Бруно, до нас не дошла (вполне вероятно, что этот фрагмент был изъят из документа чьей-то рукой умышленно). Однако иезуит Гаспар Шоппе, присутствовавший при оглашении обвинительного заключения в широкой конгрегации кардиналов, в письме, датированном днем казни Бруно, перечисляет вменявшиеся ему в вину атеистические положения. Среди них и то, что «Моисей совершал свои чудеса посредством магии» и «выдумывал свои законы»; что Иисус Христос «был знаменитым магом и за это по заслугам повешен», а не распят; что такая же участь постигла многих пророков и апостолов, которые были «негодными людьми, магами».

Автор трактата, напечатанного в 1719 году, упоминая о «магах», специально подчеркивает, что применительно к пророкам-чудотворцам это слово обозначает хитрых, ловких шарлатанов и фокусников. В книге, датированной 1598 годом, при описании чудотворческой деятельности пророков слово «маг» также употребляется как синоним «мошенника». Стало быть, объявляя пророков обманщиками и мастерами магии, Джордано Бруно в точности повторял аттестацию, даваемую им в обоих сочинениях: пророки — это мистификаторы, морочившие людям головы и словом и делом.

Такое отношение Бруно к пророкам подтверждается и его произведениями. В одном он, например, высказывается так: «наиболее помраченные» из религиозных общин благодарят бога «за то, что к ним одним он обратился, от всех же прочих... отвратился как грозный, неумолимый и жестокий мститель и судия»; в результате между народами разжигается пламя войны при деятельном участии «адских эринний»[5], которые, не взирая на это, «выдают себя с помощью подлога и обмана за вестников мира, спустившихся с неба»[6]. Легко догадаться, что под «адскими эринниями» здесь подразумеваются пророки. И как близка высказываемая в приведенном отрывке мысль одной из главных идей трактата «О трех обманщиках», датированного 1598 годом: притязая в одинаковой мере на единоличное обладание богооткровенной истиной, пророки сеют между людьми раздор, так что Моисей и Иисус истребляли целые народы, а Мухаммед пообещал в награду своим последователям весь мир.

Но те же сообщения, в которых указывается, что Бруно прямо называли сочинителем трактата «О трех обманщиках», делают предположение о его авторстве сомнительным: произведение под таким названием, оказывается, начали приписывать ему гораздо позже, к тому же его путали с «Изгнанием торжествующего зверя». Сомнение в авторстве Бруно возрастает, когда мы узнаем, что в 1594 году в застенке «священной службы» вместе с ним находился другой мыслитель, которому тогда же инквизиторы предъявили три обвинения: в сочинении нечестивого сонета о Христе; в следовании материалистической философии Демокрита; и... в написании книги «О трех обманщиках». Этим мыслителем был автор прославленного «Города Солнца» Томмазо Кампанелла.

Так, быть может, создателем трактата был скорее Кампанелла?

Ренегат протестантизма иезуит Шоппе, о котором мы уже говорили в связи с делом Бруно, известен и тем, что он безбожно обманывал заточенного в тюрьму Кампанеллу, выманивая у него создаваемые им в неволе произведения лживыми посулами их публикации. Хотя бы поэтому судить о том, что именно написал Кампанелла, сейчас трудно. Но утраченные его сочинения вряд ли сильно отличались по духу от сохранившихся, а в последних было бы тщетно искать такие язвительные выпады против пророков, на какие не скупился Бруно. Более того, несмотря на фактическое признание им религиозного обмана, Кампанелла называл Христа «хорошим человеком» (но не богом), а в его утопической республике изображение этого «хорошего человека» красуется на почетном месте рядом с изображениями Моисея и Мухаммеда.

И уже полную путаницу в вопрос вносит сам Кампанелла: в одном из своих писем он сообщает, что сочинение «О трех обманщиках» было напечатано еще за 30 лет до его рождения. При этом он называет его авторами разных лиц, в том числе и французского гуманиста Мюре, которому в год, когда, согласно Кампанелле, вышла эта книга, исполнилось всего 12 лет.

Дальнейшие разыскания, однако, убедили бы нас в том, что мы с самого начала шли по ложному следу. В 1926 году в Амстердаме было издано исследование Я. Прессера, в котором приведены веские доказательства того, что рассматриваемый трактат «О трех обманщиках. Год 1598» был создан не ранее второй половины XVII века и напечатан в 1753 году. Для конспирации, а вполне вероятно, что и для придания книге более древнего вида дата «1598» была вымышлена издателями. Изучая относящуюся к 1728 году переписку между двумя книголюбами, одним из которых был знакомый нам Арпе, Я. Прессер выяснил, что еще живший тогда автор трактата писал под псевдонимом Р. Марескоттус; издатель же переписки указывает, что под названным именем скрывался гамбургский чиновник, доктор права И.-И. Мюллер. Учитывая имеющиеся данные об истории этого издания, А. В. Гулыга и К. А. Майкова в предисловии к «Анонимным атеистическим трактатам» относительно создания книги приходят к осторожному выводу: «Возможно, что она возникла не сразу и принадлежит перу не одного человека»[7].

Упоминавшиеся до сих пор имена людей, живших в XVI—XVIII веках, — это только те, что оказались поставленными в предположительную связь с двумя дошедшими до нас печатными книгами. Это только верхушка айсберга, причем

---

[5] Эринния — то же, что и фурия, богиня мести, олицетворение бедствий и безумия.

[6] Дж. Бруно. Сто шестьдесят тезисов против математиков и философов нашего времени. В приложении к ки.: А. Х. Горфункель. Джордаио Бруно. М., 1973, стр. 163—164.

[7] А. В. Гулыга, К. А. Майкова. Забытые страницы истории свободомыслия. В кн.: «Анонимные атеистические трактаты». М., 1969, стр. 16.

такого, нижняя часть которого, как мы убедимся, уходит в пучину истории значительно глубже, чем принято считать. К идее «трех обманщиков» на протяжении столетий было причастно множество лиц малоизвестных либо известных лишь самой своей причастностью к этой идее. Авторами ее, а с XIV века — и вдохновленного ею трактата, помимо Спинозы (1632—1677 г.), Бруно (1548—1600 гг.) и Кампанеллы (1568—1639 гг.), объявляли и многих других деятелей европейской культуры с прославленными именами. Назовем (в обратном хронологическом порядке) лишь некоторых из них.

Томас Гоббс (1588—1679 гг.). Английский философ, доказывавший подчиненное положение религии по отношению к государству и видевший ее «естественный зародыш» в четырех вещах: в боязни духов; в незнании природных причин явлений; в почтении к тому, чего боятся; и в толковании случайностей как знамений.

Джулио Чезаре Ванини (1585—1619 гг.). Итальянский мыслитель, утверждавший, что религия — преднамеренный обман, используемый государями и священниками для подчинения народа и обретения почестей и богатств. Осужден в Тулузе к сожжению на костре.

Пьер де ла Раме, или Петрус Рамус (1515—1572 гг.). Французский философ, чьи выпады против схоластической логики были расценены как подрыв основ религии. В Варфоломеевскую ночь был зверски избит наемными убийцами и выброшен из окна верхнего этажа.

Мигель Сервет (1511—1553 гг.). Испанский врач, автор вольнодумного трактата «Восстановление христианства». Приговорен к сожжению вместе со своим сочинением протестантами, которые «перещеголяли католиков в преследовании свободного изучения природы. Кальвин сжег Сервета, когда тот вплотную подошел к открытию кровообращения...» [8].

Джероламо Кардано (1501—1576 гг.). Итальянский ученый, с помощью астрологии объяснявший жизнь и деятельность Иисуса Христа. Признавался в том, что презирает религию, как обман, и делит людей на три категории: просто обманутых, обманутых обманщиков и необманутых необманщиков. Два года провел в тюрьме, где подвергался жестоким пыткам.

Никколо Макиавелли (1469—1527 гг.). Итальянский политический деятель, историк и писатель, рекомендовавший правителям для пользы государства поддерживать основы религии, даже если они считают ее ложной: мудрые люди прибегают к авторитету бога потому, что одобряют многие вещи, в приемлемости которых они не могли бы убедить других.

Пьетро Помпонацци (1462—1525 гг.). Итальянский философ, считавший истину достоянием философии, а религиозные учения о бессмертии души, об ангелах и демонах и т. п. — притчами, которые выдумали для наставления народа те, кто в эти небылицы сам не верил. Едва избежал костра.

Джованни Боккаччо (1313—1375 гг.). Итальянский поэт, автор знаменитого «Декамерона», попавшего позднее в список запрещенных церковью сочинений. Как намек на одинаково подозрительную ценность иудаизма, христианства и ислама была истолкована включенная в эту книгу новелла о трех перстнях, с виду настолько одинаковых, что не отличишь, который же из них единственно драгоценный.

Приводимые в литературе перечни выдающихся личностей, которых в разное время подозревали в авторстве так и не установленного и нередко сравниваемого поэтому с призраком трактата и его «сатанинской идеи», обычно замыкаются именами двух самых ранних в этой истории личностей — Фридриха II (1194 — 1250 гг.) и Аверроэса (1126 — 1198 гг.). Эти имена первыми стали ассоциироваться с крамольной формулой о трех обманщиках и к тому же напоминали о ней на протяжении всей этой истории. Познакомимся с ними поближе.

Итак — Фридрих II и Аверроэс.

СЛЕДЫ ВЕДУТ НА ВОСТОК

Глава «Священной Римской империи» [9] Фридрих II Гогенштауфен при прочих равных обстоятельствах, вероятно, не дал бы повода для обвинения его в изобретении формулы о трех обманщиках, если бы он не был одновременно королем обеих Сицилий. Дело в том, что за два столетия до него Сицилия оказалась в руках арабов и превратилась в место слияния самых разнообразных культурных традиций, прежде всего арабской, латинской и греческой, носителями которых выступали представители всех монотеистических религий и язычества — сицилийцы, арабы, евреи, греки, ломбардцы, берберы, персы и негры. Арабское влияние в сформировавшейся на острове своеобразной культуре сохранялось и после того, как остров был отобран у сарацинов норманнами (их короля Роджера II, имевшего гарем, евнухов и обставленные с чисто восточной роскошью дворцы, называли «крещеным султаном») и когда на смену «варяжским» королям пришли германские императоры. «Арабское влияние при дворе Фридриха II было сильнее, чем греческое, и стало еще интенсивнее после посещения им Востока и развития политических и культурных связей с правителями Северной Африки и Ближнего Востока. Из Сицилии это влияние в известной мере распространилось на Северную Италию, Германию и Прованс» [10].

Смешение на острове многоразличных культурных и вероисповедных групп и особенно влияние высокоразвитой в то время арабской науки предопределили то, что Фридрих II стал на редкость просвещенным и свободомыслящим монархом. Императору нравилось, например, обращаться к представителям ученого мира в разных странах с предложениями обсудить те или иные вопросы из области философии, физики или математики. И эти вопросы подчас были настолько деликатными (относительно вечности мира, бессмертия души и т. п.), что один арабский философ в своем ответном письме говорил о предпочтительности личной беседы с императором и просил формулировать вопросы

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 347.

[9] «Священная Римская империя германской нации» — средневековое государство, включавшее Германию и другие королевства, герцогства и земли.

[10] A. Ahmad, A History of Islamic Sicily Edinbourgh, 1975, p. 89

так, чтобы они были непонятны для богословов, готовых смотреть на него «теми же глазами, что и на сами вопросы».

Свое вольнодумство Фридрих распространял даже на собственную власть, отрицая ее божественное происхождение. Свойственный же ему религиозный индифферентизм в полной мере проявился во время совершенного им паломничества в Иерусалим: святые места христиан, по рассказу сопровождавшего его муллы, вдохновили императора лишь на шутливые реплики, между тем как подлинную радость он получил от ученых бесед с тамошними «неверными», среди которых был и султан (следует отметить, что все это происходило в разгар крестовых походов).

Такими умонастроениями императора не мог не воспользоваться его давний враг — папа римский Григорий IX. Чтобы очернить своего политического противника в глазах других светских владык Европы, папа сравнивал Фридриха II с апокалиптическим чудищем, изрыгающим хулу на имя божье. Этот зверь, утверждал папа, не ограничившись тайными кознями против церкви, обрушивается открыто на самого искупителя, ибо есть доказательства того, что император всенародно говорил о трех обманщиках — Моисее, Иисусе и Мухаммеде.

Что-нибудь подобное Фридрих, видимо, и мог сказать в узком кругу ученых собеседников. Но это вовсе не значит, что император был примитивным и грубым богохульником — его свободомыслие имело серьезную теоретическую базу — философское учение, известное в Европе под названием «аверроизм».

Оно зародилось в мусульманской Испании. Завоеванная арабами еще в раннюю пору ислама, эта страна являла в средние века ту же картину культурных и языковых взаимодействий, смешения трех монотеистических религий и преобладающего влияния арабской учености, что и Сицилия времен Фридриха II. В этой благодатной для религиозного свободомыслия атмосфере и родилось учение выдающегося арабского мыслителя Ибн Рушда, которого в христианской Европе знали под латинизированным именем Аверроэс, а его последователей называли «аверроистами».

Философии Ибн Рушда симпатизировали многие вольнодумцы и не его школы, в частности и большинство тех, кого мы здесь упоминали. Именно к нему, например, восходит часто повторявшаяся ими мысль о том, что истина раскрывается только избранным ученым, религия же в лучшем случае может служить практическим средством нравственного воздействия на необразованную чернь. Не удивительно поэтому, что имя Ибн Рушда стало символом неверия и вскоре, как и имя его монаршего почитателя Фридриха II, было поставлено в связь с формулой, а затем и книгой о трех лжеучителях.

В Кордовском халифате Ибн Рушд занимал высокие официальные посты — был визирем и судьей — и поэтому не мог позволить себе ни устно, ни тем более письменно давать кощунственные характеристики трем признанным в исламе пророкам (мы не говорим уже о том, что даже допускавшееся им философское свободомыслие, которому он старался придать не противоречащую исламу форму, вынудило халифа, несмотря на дружеское к нему расположение, подвергнуть его опале и ссылке). Другое дело, если его сочинения содержали повод для такого истолкования. Это вполне допустимо, так как в латинском переводе некоторые его рассуждения приобретали несколько иной смысл, чем в оригинале.

Для уточнения этого вопроса лучше всего будет обратиться к истокам, а именно к сочинениям христианского теолога Жиля Римского — он первый обвинил Ибн Рушда в авторстве крамольной идеи. Этот богослов возмущался тем, что философ не проводит различия между тремя вероучениями, считая их одинаково ложными, а законоучителей всех трех общин называет болтунами, лишенными разума. При сличении высказываний, на которые ссылался Жиль, в арабских текстах произведений Ибн Рушда и в их переводах на латынь справедливость нашей догадки оправдывается. Дело в том, что на арабском языке теологов называли «мутакаллимами» — говорящими, а Жиль Римский понял это слово как «говоруны», «болтуны». Поскольку же Ибн Рушд действительно отрицал способность религии устанавливать истину, все три вероучения легко могли превратиться в глазах людей в искусства, основанные на лжи, а их проповедники — в «говорунов», «трепачей» и обманщиков. При этом, когда Жиль Римский указывал на непочтение Аверроэса к христианским «мутакаллимам» — «говорунам», он, вполне возможно, отождествлял их с отцами церкви, предполагая одновременно, что положение «мутакаллимов» в исламе аналогично статусу отцов церкви в христианстве.

Так или иначе, Ибн Рушд рассматривал религию как политическое искусство, необходимое даже в идеальном государстве, граждане которого должны руководствоваться своим вероучением постольку, поскольку они не все могут быть приобщены к философской истине. Вероучения же, согласно Ибн Рушду, основаны на «поэтических» высказываниях, которые отличаются даже еще большей ложностью, чем софистические, поскольку воздействуют не на разум, а на чувства. Но при незначительном смещении акцентов то, что понималось Ибн Рушдом под ложностью поэтического вымысла, легко можно было истолковать как лживость и обман. Так оно и случилось у Жиля Римского, принявшего учение Ибн Рушда о соотношении философии и религии, которое в христианской Европе было преобразовано в теорию «двух истин», за камуфлированное изложение концепции «трех обманщиков».

Возникает вопрос: а не могло ли это учение быть действительно научно-респектабельной формой выражения той мысли, которую при иных обстоятельствах люди могли бы облечь в более радикальную, социально заостренную форму учения о религиозном обмане? Где искать ответ, мы уже знаем — там, откуда черпали свою ученость и свободомыслие «арабофил» Фридрих II и испанский араб Ибн Рушд, — на мусульманском Востоке.

Окончание следует

Как похожа на медузу эта находка археологов — древнее головное украшение культуры Наска, предназначенное для религиозных церемоний.

НА КРЫЛЬЯХ — В ПРОШЛОЕ

Лео ДОЙЕЛЬ

КНИГА Лео Дойеля «Полет в прошлое», переведенная с английского языка и только что выпущенная Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука», посвящена воздушной археологии.

Археология нашего века усложняет свои задачи и все больше зависит от других областей науки. Геология дала ей стратиграфию — порядок расположения культурных слоев, древних погребений, возможность определения хронологии древнейших веков. У ботаники археология взяла анализ цветочной пыльцы, у физиологов — установление групп крови. Радиоуглеродный анализ древних останков и другие методы исследования пришли из физики.

Революционный переворот в науке изучения древностей совершила воздушная археология — разведка с воздуха. Специалисты сравнивают ее с изобретением телескопа в астрономии. Никакое иное техническое новшество до сих пор не позволяло зафиксировать сразу целые культурные комплексы, охватить единым взглядом весь доисторический ландшафт, различить на нем стертые временем следы отдаленного человеческого бытия. С высоты открылись такие следы прошлого, о каких не могли даже предположить пионеры воздушной разведки. Глядя с близкого расстояния на точечные черно-белые иллюстрации, человек увидит лишь скопление точек разной густоты. И только взгляд с расстояния позволит увидеть рисунок. Воздушный наблюдатель видит то, что наземный археолог не может различить. «А в моменты наивысших удач, — пишет Дойель, — воздушная археология возрождала картину последовательности и столкновения различных культур, восстанавливая их связь с окружающей средой».

Данные этой новой отрасли знания неопровержимо показывают и то, что многие непонятные, казавшиеся таинственными находки имеют свое вполне реальное и земное происхождение и объяснение. Например, в свете их результатов попытки истолковать некоторые археологические памятники как следы пришельцев из Космоса выглядят несостоятельными. Более того, воздушная разведка древностей еще раз убедительно доказывает, что подобные попытки истолковать достижения наших предков влиянием извне (известный фильм «Воспоминания о будущем»), по сути, не имеют реальной почвы и сродни религиозным представлениям, — утверждающим неверие в силы человеческого разума.

Сегодня воздушная археология — самостоятельная научная дисциплина со своими законами и правилами, с системой факторов, поддающихся контролю и помогающих опознавать, отыскивать древние памятники культур, исчезнувших с земли.

В основе этой отрасли знания лежит тот факт, что почти любое нарушение естественного почвенного покрова вследствие деятельности человека практически неизгладимо. Специалистам скажет об этом на своем языке надежный комплекс почвенных и растительных примет. Например, над бывшими канавами и другими углублениями растения выглядят иначе, чем те, что растут над каменными полами, фундаментами, стенами зданий. Не зная этого, крестьяне Северной Франции распаханные кольцевые погребения, над которыми злаки, по их наблюдениям, растут хуже, называют «кругами фей». Согласно местному поверью, такие следы оставляют в посевах духи, резвящиеся здесь по ночам. В Файюмском оазисе (Египет) по приметам местных растений была составлена карта оросительных сооружений времен Птолемеев.

Один из самых известных доисторических памятников Европы Стонхендж (Англия) с его гигантскими каменными глыбами, строго ориентированными по солнцу, породил немало различных предположений. В XVII веке его объявили святилищем таинственных жрецов-друидов. Друг Ньютона Уильям Стаклей, начавший первым в 1723 году изучать Стонхендж, высказал мысль, что Большая дорога памятника в древности была гораздо длиннее. Он считал, что она ведет к броду через Эйвон. Согласно другой версии, она связывает с памятником поселение его строителей. Поверхность же земли не сохраняла никаких следов предполагаемой дороги.

Аэрофотосъемка выявила истину. Большая дорога действительно отчетливо просматривается на значительном расстоянии, однако она была не прямолинейна и вела к храму не кратчайшим путем, а по удобным и пологим склонам. Археологи произвели раскопки в местах, указанных съемкой, которые подтвердили ее реальность. Новые факты позволили уточнить путь, каким доставляли на сооружение памятника громоздкие строительные материалы.

В 1925 году английские наблюдатели заметили с воздуха необычайно крупное кольцевое погребение, расположенное неподалеку от Стонхенджа и описанное в прошлом веке как

«изуродованные остатки огромного друидического кургана». На следующий год в июле, когда на поле поднялась пшеница, она выявила для воздушных археологов четкие контуры круга. Здесь не было каменных глыб Стонхенджа, но снимок свидетельствовал о сходных с ним очертаниях, тоже окруженных низким валом с внутренним рвом, о концентрических овалах внутри круга.

Раскопки выявили деревянного близнеца Стонхенджа. Некоторые ученые даже предположили, что это его модель. Вудхендж, как назвали новый памятник, своей главной осью был спроектирован на точку восхода летнего солнцестояния, пропорции его определялись тем же геометрическим планом, но в центре его вместо «алтарного камня» Стонхенджа нашли скелет ребенка с поврежденным черепом — свидетельство древнего обряда жертвоприношения.

Впоследствии английские воздушные археологи обнаружили в стране и другие аналогичные памятники, одиночеству Стонхенджа пришел конец. Это один из примеров, взятых из книги «Полет в прошлое», рассказывающей о том, как самолет стал эффективным орудием археологов. Поселения, оборонительные сооружения, оросительные системы, целые города, некогда процветавшие, а потом исчезнувшие с лица земли, воскресила из небытия аэрофотосъемка. Одно за другим следовали воздушные открытия на территории европейских стран и стран Востока. Археологи устремили взгляд с небес и на древние царства перуанского побережья. Одна из глав книги посвящена изучению серии гигантских иллюстраций на скалах вдоль Рио-Гранде и ее притоков, в засушливой зоне между долинами Ика и Наска. Мы публикуем отрывки из этой главы.

Из газетных сообщений

АРХЕОЛОГИЯ С ВОЗДУХА

Соавторами 30 археологических открытий стали авиаторы Узбекистана. Им посчастливилось с воздуха обнаружить остатки древних поселений, размещавшихся вдоль караванной дороги в предгорьях Тянь-Шаня.

Маршрут передвижения караванов установлен по данным аэросъемки. В местах, указанных с самолета, под слоем земли найдены поселения, существовавшие две тысячи лет назад.

СО ВРЕМЕНИ второй мировой войны перуанские и иностранные ученые перед составлением карт или даже планов будущих раскопок начали предварительно изучать имеющиеся аэрофотоснимки, это стало чуть ли не традицией. Однако никому не удалось извлечь из этих фотоархивов столь богатую информацию, какую получил американский ученый Поль Косок из Лонг-Айлендского университета.

В посмертной книге Косока «Жизнь, земля и вода в древнем Перу» (1965 г.) содержится более ста ранее не опубликованных аэрофотоснимков. На них мы видим множество доселе неизвестных древних развалин, которые сфотографировал сам Косок или нашел во время изучения снимков Аэрофотографической службы. Он писал: «Это была настоящая охота за сокровищами. Когда мы рассматривали фотоснимки один за другим, мы как бы отыскивали мертвые, но не погребенные навсегда сокровища прошлого. Невозможно передать, какое удовлетворение вызывали у нас вновь найденные на фотографиях пирамиды, селения, оборонительные укрепления, стены, площади и каналы. Честно говоря, когда мы видели их на фотоснимках, это волновало нас больше, чем когда мы находили их во время полевых экспедиций. Ибо с воздуха они казались совсем другими! Мы часто удивлялись, как мы не заметили эти руины, когда вели полевые изыскания совсем рядом? Почему мы не увидели, что эта стена поднимается до гребня холма? Почему мы не дошли до конца этого канала всего полмили и не обнаружили, что он продолжается дальше?..»

Фундаментальная работа Косока по изучению древних оросительных систем на северном побережье Перу, которая без помощи аэрофотосъемки никогда бы не достигла такой полноты, к сожалению, еще не вышла отдельной книгой. В богато иллюстрированной статье о своей работе в Южном Перу Косок подробно рассказал, как он пытался разгадать одну из величайших тайн древней Америки: смысл фантастических гигантских рисунков на пустынных плоскогорьях неподалеку от долины Наска.

Особенно много этих загадочных рисунков на скалах вдоль Рио-Гранде и ее притоков, в исключительно засушливой зоне между долинами Ика и Наска. Сложной, призрачной сетью возникают они примерно в 250 милях южнее Лимы и тянутся миль на 60 в глубину извилистой лентой шириной от пяти до десяти миль. В этой зоне почти все плато покрыто своего рода «татуировкой», которая иногда спускается даже по склонам.

С одной стороны, трудно понять, почему эта гигантская «книга с иллюстрациями» так долго оставалась незамеченной, а с другой — это объясняется именно поистине гигантскими размерами большинства изображений. Случайные путники, пересекая голые, безлюдные нагорья, видели иногда лишь незначительные фрагменты, которые не производили на них никакого впечатления. Нужно было взглянуть на них с высоты птичьего полета, чтобы различить огромные геометрические фигуры во всей полноте и яркости их цветовых контрастов, поразиться необычайной прямоте линий, которые, подобно лучам прожекторов, не отклоняются ни на один дюйм от намеченного направления, и охватить единым взглядом весь этот фантастически сложный конгломерат многочисленных изображений. Если какой-нибудь доисторический памятник и был специально «предназначен» для аэронаблюдений, то это могли быть пиктограммы на пустынных плоскогорьях Южного Перу.

Долгие годы на «песчаные рисунки» Наска, давно уже ставшие привычным ориентиром, смотрели как на странную местную достопримечательность. Их насмешливо называли «доисторическими взлетными полосами» и сравнивали с чем угодно, в том числе и с марсианскими каналами. Особенно долго держалась эта последняя теория. И в то же время мало кто по-серьезному пытался дать рациональное объяснение этим загадочным знакам, несомненно оставленным на плоскогорьях каким-то исчезнувшим индейским народом. К сожалению, в хрониках раннего испанского периода о них нет никаких упоминаний. Коренные обитатели соседних долин, вероятно, хранили древние предания, которые могли бы дать ключ к этой разгадке. Но местные жители поголовно истреблены конкистадорами. А современные жители этого района, если и замечали отдельные фрагменты гигантских фигур, то принимали их за «дороги инков», хотя отрезок настоящей дорожной дамбы инков, действительно пересекающей эти фигуры, явно был гораздо более позднего происхождения.

Но как разгадать смысл всех этих переплетенных, а порой наложенных друг на друга линий, прямоугольников, треугольников, трапеций? Линии,

раст этого удивительного творения рук человеческих.

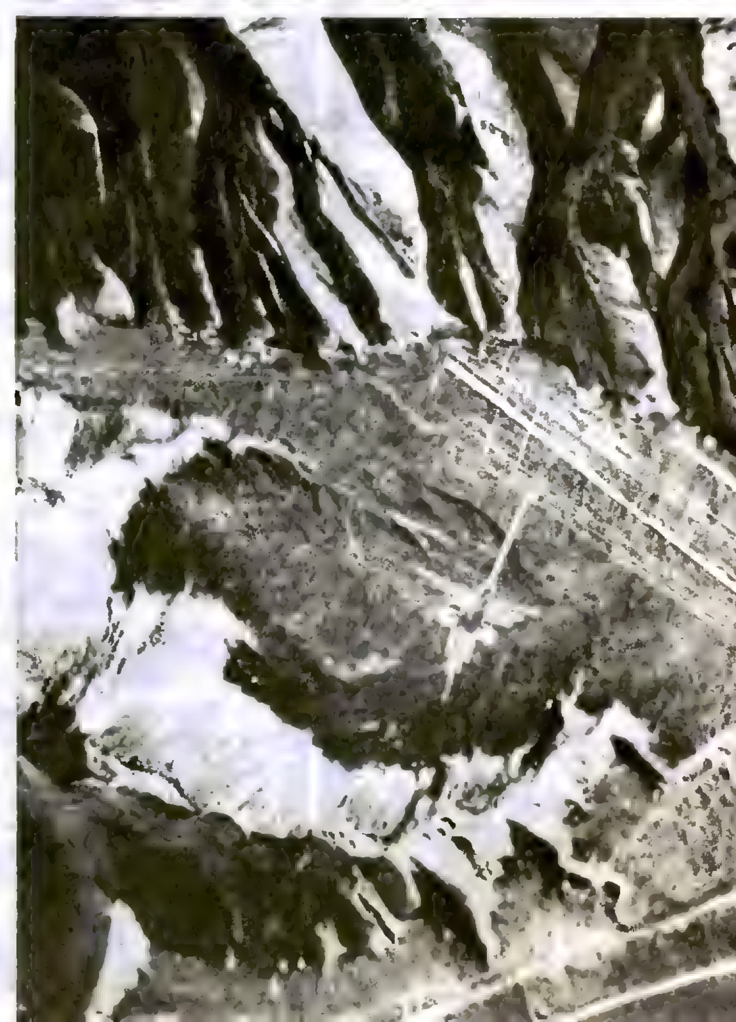
Косоку с самого начала стало ясно, что ни одна из так называемых «дорог» не могла служить обыкновенным путем сообщения, потому что они не ведут ни к каким древним городам, поселениям, храмам или кладбищам и очень редко примыкают одним концом к настоящим дорогам. Это не могли быть борозды, ибо земледелие на выжженных солнцем каменистых плоскогорьях, где не встретишь и травинки, вообще невозможно, разве что с помощью оросительной системы. Таким образом, это позволяло покончить и с третьей теорией, будто линии на плоскогорьях сами являлись остатками оросительных каналов. Гораздо более вероятным казалось предположение одного перуанского ученого, который считал, что эти «дороги» играли какую-то роль в древних культовых обрядах.

Во время короткого визита в Перу в 1941 году Косоку внезапно пришла мысль, что все эти линии могут иметь астрономическое назначение. Вместе со своей женой он проследовал по одной широкой «дороге», пересекаемой панамериканским шоссе, до маленькой столовой горы, где они обнаружили еще ряд фигур, и среди них серию коротких параллельных линий, похожих, как им показалось, на какую-то таблицу. Размышляя над загадкой, лежавшей у их ног, они случайно взглянули на центр широкой «дороги», которая привела их на вершину. Отсюда расходилось множество

Такими увидели воздушные наблюдатели причудливые изображения, одно из которых напоминает собой восьминогого паука, другое — птицеобразное существо.

или «дороги», разбегались во все стороны, тянулись на расстояние от нескольких футов до пяти миль и обрывались совершенно неожиданно. Чаще всего встречались отдельные линии и ряды параллельных линий, одинаково отчетливо выделенные благодаря более светлой желтоватой полосе в середине и высоким темным полосам по краям. Многие вытянутые прямоугольные фигуры имели поистине гигантские размеры. На одном из аэрофотоснимков Косока в углу трапеции можно заметить сравнительно небольшое светлое овальное пятно. Так вот это светлое «пятнышко» имеет размеры современного футбольного поля!

Внимательное изучение на месте полностью раскрыло секрет «начертания» этих фигур. Способ был проще простого! Достаточно было снять верхний слой потемневшего от времени щебня с более светлого нижнего слоя, и появлялась контрастная полоса. Снятый верхний слой затем укладывали валиками вдоль светлых полос, и сверху, особенно со значительной высоты, он выглядел как черные обрамляющие линии. В чрезвычайно засушливой местности при отсутствии дождей и при минимальной эрозии такие изображения могли сохранять свою четкость веками, если не тысячелетиями, даже несмотря на постепенное потемнение очищенных поверхностей («пустынный загар»), вызываемое окислением железа, содержащегося в щебне. Этот процесс может лишь уменьшить контрастность изображения, но не больше. Скорость потемнения поверхностей неизвестна, иначе нам удалось бы установить примерный воз-

радиальных одиночных линий. Солнце как раз садилось, и, к их великому удивлению, оно коснулось горизонта точно на одной из линий, у основания которых они стояли. Сразу же оба вспомнили, что было 22 июня, день зимнего солнцестояния в Южном полушарии. Эта линия, несомненно, была линией солнцестояния!

Так Косок сделал первый шаг к разгадке «дорог»: фигуры на пустынных плато Перу были не чем иным, как «величайшим астрономическим атласом в мире». Первоначально они могли служить своего рода календарем для определения смены года, и прежде всего начала сезонов дождей. Подобно многим другим примитивным земледельческим цивилизациям, полностью зависевшим от сил природы, это доколумбово общество Южного Перу наверняка разработало свою достаточно совершенную систему астрономических расчетов, которая давала понимание производственных циклов в связи с законами небесной механики. Как и в других частях Старого и Нового Света, привилегированная каста жрецов, по всей видимости, скрывала эти знания под покровом таинственных ритуальных обрядов, пытаясь таким образом сохранить свою власть над неграмотным народом. Далее, эти астрономические и календарные знаки на необитаемых, пустынных плато не могли возникнуть сами по себе, а наверняка теснейшим образом связаны с жизнью доисторических земледельцев в соседних речных долинах.

Когда Косок определил одну из линий на плато как линию солнцестояния, он сделал, как мы уже сказали, только первый шаг. Великую книгу еще предстояло прочесть. Чтобы проверить свою версию, ему необходимо было установить направление многих других линий и тщательно изучить все фигуры, запечатленные на пустынных плоскогорьях. Однако на земле он видел только фрагменты фигур и линий, по которым невозможно было воссоздать контуры гигантских изображений, следовательно, для дальнейшего изучения нужна была помощь авиации. Позднее он писал: «Вскоре мне удалось получить общее представление обо всем комплексе фигур и выявить в различных частях пампасов по крайней мере дюжину центров, от которых отходили радиальные линии. Затем я уточнил направление этих радиальных линий с помощью хороших компасов, чьи показания были выверены в магнетической обсерватории. Многие из этих линий и «дорог» имели сольститиальное направление (на точку восхода или захода солнца в дни солнцестояний). А некоторые из них — отчетливое экиноксальное направление (то же самое, но в дни равноденствий)».

Теперь эти гигантские рисунки уже не были хаотической головоломкой. Косок полагал, что ему удалось установить даже пространственную взаимозависимость между линиями и прямоугольными фигурами. Кроме того, он выделил другую группу негеометрических изображений — контуры странных существ величиной от 150 футов и больше, обведенных, как на некоторых детских рисунках, одной непрерывной линией. Это был настоящий дьявольский зверинец: пауки, обезьяны, птицы, рыбы, змеи, весьма похожие по характеру изображений на раннюю керамику и ковровые изделия Наска. Археологи связывают культуру Наска с одной из высокоразвитых прибрежных цивилизаций Южного Перу. В отличие от своих северных соседей этот народ не строил монументальных сооружений. Видимо, Косок был прав, когда утверждал, что южане не достигли уровня светского военного государства. Оставаясь под властью жрецов-астрономов, они большую часть своей энергии затрачивали, по-видимому, на создание огромных рисунков на пустынных плоскогорьях.

Косок не смог завершить исследований в районе Наска, так как у него были запланированы экспедиции на север Перу. Однако ему повезло: в Лиме он познакомился с доктором Марией Райхе, которая хорошо разбиралась и в математике и в астрономии. С этого момента Мария Райхе стала своего рода апостолом пустыни Наска, где она жила в скромной глинобитной хижине, измеряя и нанося на карту гигантские изображения. Ей удалось добавить к списку уже известных фигур ряд совершенно новых — со всеми подробностями. А главное, она подтвердила гипотезы Косока очень важными фактами, которые не только увеличили число линий солнцестояний и равноденствий, но и доказали связь «календаря» Наска с положением Солнца в другие дни года, а также с положением Луны, планет и крупных созвездий, таких, например, как Плеяды, которые играли значительную роль в пантеоне древних перуанцев.

Однако значение многих других фигур так и не выяснено до конца. Прямоугольные поля, возможно, играли роль своего рода храмов под открытым небом, где собирались жрецы и знать, а рисунки животных, видимо, изображали созвездия, или тотемы, или, как это часто бывало у многих древних народов, и то и другое одновременно.

После безвременной смерти Косока в 1959 году Мария Райхе продолжила его работу. Подобно другим археологам последних лет, она убедилась, что медленно летящий вертолет — идеальная машина для аэрофотосъемки. В этом деле она превзошла своих коллег-мужчин. Для того чтобы сделать снимок под наиболее выгодным углом, Мария Райхе вылезала из кабины и снимала нужный ей объект с лесенки под вертолетом. Однажды во время такого акробатического упражнения ей удалось заснять изображение гигантского кита, которого раньше никто не замечал.

Астрономические расчеты, основанные на годичной девиации времени восхода и захода некоторых «постоянных» звезд, позволили определить приблизительное время создания «рисунков» — V век нашей эры. Позднее эту датировку подтвердил радиоуглеродный анализ деревянного столба, найденного на пересечении двух линий. Однако наслоения на многих рисунках говорят о том, что изображения создавались не сразу, а на протяжении значительного периода времени. Возможно, когда-нибудь по ним удастся восстановить весь ход эволюции культуры Наска.

Одна из величайших загадок и чудес рисунков Наска заключалась в том, что их создатели никогда не видели и не могли увидеть их целиком. Даже если они пользовались уменьшенными моделями и градуированными веревками (Мария Райхе определила некоторые основные единицы их измерений), трудно себе представить, каким образом им удалось воспроизвести рисунки столь ги-

гантских размеров с такой поразительной точностью. Многие ученые высказывали предположение, что эти фигуры были своего рода посланиями богам.

Вряд ли где-нибудь еще в мире можно найти такое фантастическое собрание доисторических рисунков. И тем не менее фигуры пустыни Наска имеют своих аналогов в других местах. Косок предполагал, что «иллюстрированная книга» Наска является пережитком календарно-религиозного культа земледельческих обществ, некогда распространенного по всему побережью Перу, на севере и на юге. Более быстрое развитие севера, видимо, привело к уничтожению многих изобразительных записей, когда астрономические предсказания перестали быть монополией утративших власть жрецов. Но есть надежда, что новые аэрофотосъемки и тщательный анализ имеющихся пленок позволит обнаружить фрагменты рисунков, выложенных из щебня на холмах и в долинах северной части Перу.

И Косока и Марию Райхе одинаково поражало близкое сходство демонов, птиц, змей и прочих фигур в Южном Перу с рельефными изображениями на знаменитых курганах Среднего Запада США. Различия между ними заключаются не в форме фигур, а в методе воспроизведения, который скорее зависит от подручного материала и климатических условий, чем от «духа» этих творений.

Однако если уж говорить о материале и технике, то у рисунков Наска есть еще более поразительные «близнецы» в другой части США — в Калифорнии. Там, на выжженных солнцем местах в низовьях Колорадо, обнаружены пиктографы, выполненные точно таким же способом. Странные силуэты и здесь были таких невероятных размеров, что наземный наблюдатель просто не мог их целиком воспринять.

В жаркий летний день 1932 года местный пилот Джордж Пальмер летел из Лас-Вегаса в Блайт (Калифорния). Милях в 18 от Блайта с высоты 5000 футов он вдруг заметил на пустынной равнине гигантскую фигуру человека, который лежал раскинувшись и словно загорал на солнце. Пальмер сделал над ним круг, присмотрелся и увидел рядом с великаном еще какое-то четвероногое существо. Но он не был уверен, были они «нарисованы» на поверхности пустыни или выложены из холмиков земли. Вскоре он вернулся на это место со своим примитивным фотоаппаратом и сделал несколько снимков.

Помимо первой находки, обнаруженной Пальмером, аэронаблюдатели нашли неподалеку второе и третье пиктографические изображения. На втором была только одна человеческая фигура, а третье, как и первое, найденное Пальмером, по сути дела, представляло собой «троицу». Помимо человека и четырехногого животного с длинным хвостом на нем удалось разглядеть еще одну маленькую спиралевидную фигуру. По-видимому, это был повсеместно распространенный доисторический символ змеи. В одном из трех случаев процарапанное на поверхности изображение человека частично замыкал широкий круг, вероятно оставленный ногами множества людей. Вполне возможно, что это был круг для ритуальных танцев, а если это так, значит, рисунки в пустыне каким-то образом связаны со священными церемониями индейцев.

Куратор лос-анджелесского музея Артур Вудворд не сумел точно определить происхождение пиктографов. В легендах местных индейцев не осталось никаких упоминаний о народе, который их создал. Однако изучение литературных источников привело Вудворда к долине Хилы в Аризоне. Там, на территории индейского резервата Пима, в начале нашего столетия были найдены контуры еще одного уродливого гуманоида. Но это существо, как оказалось, издавна фигурировало в легендах индейцев пима, повествовавших о том, как их индейский Тезей убил чудовище-людоедку по имени Ха-ак.

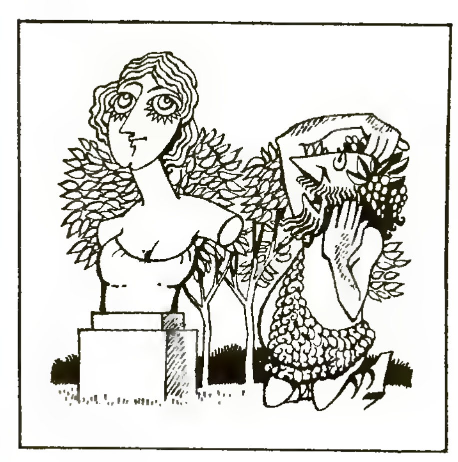
Неожиданные и яркие открытия часто по-новому освещают малоизвестные, полузабытые и разрозненные факты, устанавливают между ними взаимосвязь и сразу придают им глубокий смысл. Новые сведения, полученные Вудвордом, позволили ему установить, что фигуры, процарапанные на столовых горах в окрестностях Блайта, никоим образом не были изолированным и уникальным явлением, как это казалось поначалу. Их давно уже обнаружили вдали от Блайта, примерно в ста милях вниз по течению реки Колорадо.

В 1951 году экспедиция географического и Смитсонианского общества снова занялась расследованием тайны пиктографов в бассейне нижнего Колорадо. Возглавил ее Фрэнк М. Зецлер, главный куратор антропологического отдела Национального музея в Вашингтоне, специалист по культурам каменного века в Северной Австралии.

Экспедиция имела четко разработанный план и совершенное снаряжение. Не удивительно, что она увенчалась полным успехом. К списку Блайта прибавилось несколько новых гигантских изображений, в частности целая группа фигур в 15 милях к юго-востоку от Блайта, вблизи Рипли, и еще одна, рядом с городом Топок.

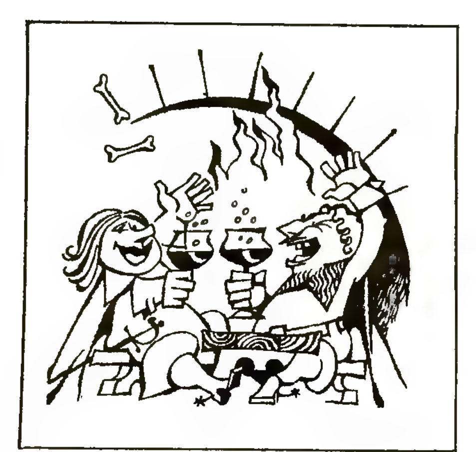
Однако главной целью Зецлера было выяснить, когда и зачем созданы эти изображения. Он попытался установить связь между чудовищем реки Хилы и легендами племен, говорящих на языке юман, которые некогда обитали в этом районе и могли передать свои мифы индейцам пима. Юманы до сих пор живут в Колорадо и сохраняют родственные связи со своими соплеменниками в долине Хилы. Сходство фигур в Колорадо и Хиле заставило Зецлера принять гипотезу Вудворда о том, что они — изображение людоедки Ха-ак, только, по его мнению, эту легенду придумали юманы. Он ссылался на сравнительно недавний возраст рисунков, главным образом четвероногих животных, по-видимому, лошадей, которых, как всем известно, привезли в Америку испанские конкистадоры. (Местные американские лошади вымерли в период плейстоцена за десять тысяч лет до конкисты.) Короче, Зецлер полагал, что «гигантские изображения, найденные... в Блайте и Рипли, созданы индейцами языковой группы юманов. Они были своего рода святилищами, посвященными Ха-ак и ее убийце, старшему брату, созданными где-то между 1540 годом и серединой XIX века».

Перевел с английского Ф. МЕНДЕЛЬСОН

«Божественные» камни: правда и вымысел

АРХИЕРЕЙСКИЙ КАМЕНЬ

В. СУПРЫЧЕВ,
кандидат геолого-минералогических наук

Публикацией этой статьи журнал начинает новую рубрику «Божественные» камни: правда и вымысел».

Драгоценные и полудрагоценные камни тысячелетиями привлекали внимание людей как тем, что они редко встречаются в природе, так и своими свойствами: прозрачностью, формами кристаллов, большой твердостью, красотой. Не удивительно, что люди издавна обожествляли камни, связывали их со сверхъестественными силами, ожидали от камней помощи или опасались их «вредоносного» влияния.

Современная наука раскрыла «секреты» драгоценных и полудрагоценных камней, научилась изготовлять их. Синтетические алмазы и рубины, искусственные аметисты и топазы по некоторым свойствам даже превосходят природные. Синтезируя в промышленных масштабах драгоценные и полудрагоценные камни, наука лишает их всякой таинственности и необычности, ставит в ряд с вещами и предметами, привычно изготавливаемыми человеком, не оставляя места былым суевериям и мистическим представлениям.

● Среди цветных разновидностей кварца существует красивый камень с редко встречающимся в природе фиолетовым цветом. Это аметист, самоцвет, особенно красивый при солнечном освещении.

Этимология этого слова до конца не выяснена. Одни авторы видят его корень в греческом «аметистос» — «трезвый», «предохраняющий от пьянства», другие считают, что слово скорее всего заимствовано из восточных языков, например от искаженного древнееврейского «ахлама» («халом» — «сон»), так как камень этот будто бы обладает свойством вызывать видения, навевать сны. Так или иначе, но наиболее распространенное суждение связывает название камня с трезвостью.

Еще в античные времена бытовала такая легенда. Бог виноградарства и виноделия Бахус, оскорбленный пренебрежением людей, решил отомстить им: первый же человек, которого бог встретит на своем пути, будет тут же растерзан его тиграми. Первой ему попалась нимфа Аметист, шедшая на поклонение в храм богини охоты Дианы. Когда по велению Бахуса свирепые звери бросились на нее, нимфа обратилась к богине и та превратила ее в статую из чистейшего белого камня. Увидев это чудо и сожалея о своей жестокости, Бахус влил виноградный сок в статую, но девушка не ожила. Камень же изменил цвет и стал багряно-фиолетовым, таким же, как глаза живой Аметист.

Издавна люди обратили внимание на этот красивый камень, встречавшийся чаще всего в правильных, с четкими гранями кристаллах, и использовали его как украшение. Но так же давно этому камню, как и всем самоцветам, отличающимся красотой, твердостью и блеском, приписывали немало сверхъестественных свойств.

Любопытные сведения об аметисте собраны в грузинской рукописи X века «История драгоценных камней». Здесь сообщается, например, и о том, что, «смотря на амефвистони, можно предсказать, когда будет зима и пойдет дождь» (камень якобы имел власть и над погодой). Любопытно, что в Тироле до сих пор верят, что аметист способен предохранить его владельца от урагана и других стихийных бедствий.

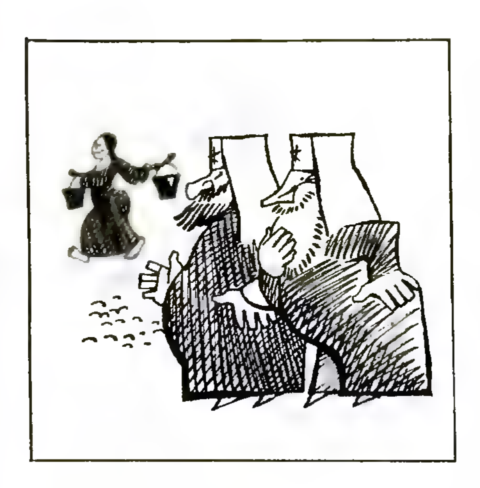
К «Книгам истории» Аракела Тавризского, писавшего о событиях средних веков в Армении и Персии, оказались приложены рукописи, рассказывающие о некоторых легендарных самоцветах. Здесь тоже не забыты «чудесные» свойства аметиста: «Носящий его не подвергается проказе, чесотке и подобным болезням; имущество и благосостояние его не оскудевают, сам он и слова его приятны людям. Носить этот камень полезно для благоразумия. Владеющий аметистом может пить вино, сколько ему заблагорассудится, разум никогда не покинет его».

Древние часто путали аметист с альмандином и флюоритом, из которых изготовлялись чаши и кубки. Если в сосуд из красновато-фиолетового флюорита налить простую воду, то она приобретала цвет, подобный вину. Может быть, именно с этим «чудом» связано почитание аметиста как камня-трезвенника.

На Руси аметист с красновато-лиловыми отблесками называли почему-то «вареником», но ценили наравне с рубином (яхонтом) и шпинелью (лалом). Вот, например, какие сведения приводятся в «Торговой книге» XVI столетия: «А вареник знати: хотя и красен, ино целое место светит бело, как и всякий хрусталь». Один из русских лечебников XVIII века сообщает о нем следующее: «Сила этого камня такова: пьянство отгоняет, мысли лихие удаляет, добрым разум делает и во всяких делах помощен... воинских людей от недругов оберегает и к одолению приводит... укромляет мощность и не допускает того, кто его носит, в памяти отходити».

Аметист с поблескивающими фиолетовыми огоньками особенно любили в средние века. Его носили вельможи, высшее духовенство. Герой романа Анатоля Франса «Аметистовый перстень» аббат Гитрель так описывает камень: «Епископ носит перстень как символ своего духовного брака с церковью, а потому перстень должен в известном смысле выражать своим видом идею чистоты и строгой жизни... Аметист, по-видимому, считается весьма подходящим для украшения пастырского перстня. Его поэтому и называют епископским камнем. Сверкает он умеренным блеском. Он входил в число 12 камней,

вправленных в нагрудник еврейского первосвященника. В христианской символике он означает скромность и смирение. Нарбодий, реннский епископ XI века, видит в нем эмблему сердец, распинающих себя на кресте Иисусовом».

Вера в магическое значение драгоценных и полудрагоценных камней, уходящая корнями в древние цивилизации стран Востока, Египта, распространилась через финикийцев в Грецию и Римскую империю. Древние считали, что характер и судьба человека зависят не только от соответствующего положения в момент его рождения планет и звезд на небосводе, но и от определенным образом подобранных камней, и связывали их со знаками Зодиака.

Описание священных самоцветов в Библии дал известный историк древности Иосиф Флавий (37—100 гг.) в «Иудейских древностях» и «Иудейской войне». Позднее епископ острова Кипр Епифаний (310—403 гг.), комментируя библейский текст, написал целый трактат «О двенадцати камнях на ризе первосвященника Аарона», переведенный на многие языки.

Иудейская религия порицала светские наряды и украшения, причисляя их к предметам искусства, которые бог Иегова повелел уничтожить. Однако облачение ветхозаветного первосвященника Аарона было богатым и пышным. Нижний край пурпурного его хитона, доходивший до колен, обшивался золотыми колокольчиками, ефод (наплечник) украшался узорами и кистями из голубой шерсти. На верхнюю ризу надевались золотые щитцы, украшенные 12 камнями-самоцветами с вырезанными именами 12 колен (племен) Израиля по числу библейских патриархов — сыновей Иакова. Но уже в средние века каждый из 12 камней этой святыни стали соотносить с одним из 12 апостолов (например, яспис — с Петром, изумруд — с Иоанном, аметист — с Матфеем и т. д.) и с каждым из 12 месяцев года.

Обычай приписывать каждому месяцу года или знаку Зодиака определенный самоцвет появился в Европе уже в позднем средневековье (XVII—XVIII вв.). Наиболее распространенным был так называемый польский список календаря, благодаря стараниям Марии Лещинской, жены французского короля Людовика XV. Хроника XVI века рассказывает о том, что знаменитая Екатерина Медичи любила носить пояс, украшенный 12 камнями-самоцветами, покрытыми магическими узорами (вероятно, знаками Зодиака). Сначала в перстень или другое ювелирное изделие включали одновременно все 12 камней, затем стали носить их поочередно, в соответствии с месяцами года. Аметист фигурирует во всех списках «апостольских камней», «камней месяца рождения», «камней дней недели», «камней имен», «астральных (зодиакальных) камней» и т. д.

На Руси аметист называли еще «архиерейским камнем»: его часто носили представители духовенства. Аметист считали камнем сдерживания страстей. Фиолетовый самоцвет полагался людям, давшим какой-либо строгий обет или зарок.

Католики и православные украшали аметистом предметы религиозного культа. В Оружейной палате Кремля хранится «Морозовское Евангелие», массивный переплет которого обрамляют вытянутые в цепочку искусно обработанные аметисты. Нежно-фиолетовые самоцветы украшают здесь оклады иконы «Вседержителя» и «Смоленской богоматери» середины XVII века. Лиловый огонь аметиста горит на средневековых русских и украинских митрах, панагиях, наперсных крестах, в церковных алтарях.

Издавна во всем мире славились аметисты Бразилии, Уругвая, Шри Ланки. В XVIII веке аметист нашли на Среднем Урале и в районе Онежского озера. Когда-то лучшие экземпляры темно-малинового аметиста ценились даже наравне с алмазами. Сто лет назад в Европу из Бразилии завезли 10 000 килограммов великолепных густо окрашенных в фиалковый цвет кристаллов аметиста, и цена на самоцвет сразу же упала.

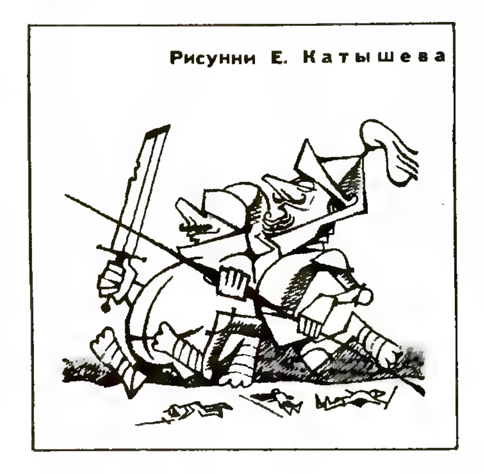
В нашей стране месторождения аметистов известны на Урале, в Якутии, на Камчатке, Чукотке, Кавказе, в Средней Азии, на Кольском полуострове и на Украине. Великолепные щетки мелких кристаллов светло-сиреневого и темно-фиолетового аметиста добываются на мысе Корабль на кольском побережье Кандалакшского залива Белого моря. Это ценное ювелирное сырье.

Впервые в мире синтез фиолетового аметиста осуществлен в нашей стране, причем по ювелирным качествам рукотворный самоцвет превосходит знаменитые ланкийский, бразильский аметисты и уральскую «фиалку». Синтетический аметист в отличие от природного одинаково привлекателен и при солнечном и при электрическом освещении. Его сочная фиолетовая окраска цвета персидской сирени с красноватыми отблесками не боится прямых солнечных лучей и не выцветает со временем. Причем ученые научились выращивать бездефектные ювелирные монокристаллы длиной до 15 сантиметров и шириной 5—6 сантиметров. В природе такие совершенные кристаллы аметиста необычайно редки.

Суеверия живучи. И сегодня можно встретить людей, уверенных, что камень сам по себе может приносить удачу, исцелять болезни, предохранять от беды. Но человек, вооруженный знаниями законов окружающего его Мира, способен повторить творение природы более совершенно, не оставляя места мистике и суевериям.

г. Симферополь

Рисунки Е. Катышева

ВСЮ ЖИЗНЬ ВЕРИТ — РАЗВЕ НЕ ВЕЛИКОМУЧЕНИК?!

ПЛОХО, КОГДА ИДЕЮ ПОДОГРЕВАЮТ НА КОСТРЕ ИЗ КНИГ.

В КАКОГО БОГА ВЕРУЮТ РОБОТЫ — В ЧЕЛОВЕКА?

ВНИМАНИЕ — ОПАСНАЯ ЗОНА! ЗДЕСЬ ОТПУСКАЮТ ГРЕХИ.

ПОЛИГЛОТ — УМЕЕТ ГОВОРИТЬ С ЛЮБЫМ БОГОМ.

А ПОБЫВАЛ ЛИ БОГ ХОТЬ РАЗ В СВОЕМ ХРАМЕ?

НА ОШИБКАХ ЛЮДЕЙ УЧАТСЯ БОГИ.

Виктор КОНЯХИН

В. РАЗИН

РАССКАЗ

И случай-то вроде бы мелкий, можно даже сказать пустячный, так, эпизод из фронтовой жизни, не более того. А почему-то нет-нет, да и ворохнется в памяти, выплывет из туманного далека...

Мы наступали, вели бои на дальних подступах к Риге. Было это в сентябре сорок четвертого.

Утром, после артиллерийской подготовки, наш полк атаковал врага всеми тремя батальонами. Немцы дрались яро, остервенело. Но удержаться не смогли. Их сбили, заставили отходить.

Само собою, это стоило нам крови: война есть война. И крови немалой.

Пока мой санвзвод обшарил поле боя, облазил все немецкие траншеи, пока мы всех раненых перевязали и отправили в тыл, стрелковые роты ушли вперед. Следом за ними ушел со своим штабом, со связистами комбат. Двинулись вдогон пушкари, минометчики. Надо было поторапливаться и нам.

Погрузили спехом все нехитрое санвзводское имущество. Ну, Чалуха, давай! Чалуха — кобылка наша чалая — существо понятливое. Она хоть уже и натопалась, запряженная спозаранку, сразу взяла как надо, споро потянула возок. Обочь, то отставая, то заскакивая вперед, частил копытцами такой же чалый — вылитая мать — жеребенок.

Вообще вид забавного сосунка умилял. Но здесь, посреди каждодневной пальбы и побоища, жеребенку, конечно же, было не место. Сколько раз я просил командира хозвзвода Крохина: «Дай другую лошадь, замени Чалуху». Он все одно и то же: «Могу заменить — рад не будешь». Я ему: «А ты хорошую дай». Он, знай, свое: «Да где ее возьмешь, хорошую?..» На крепких, выносливых крохинские хлопцы боеприпасы возят, продовольствие. Отдать такую санвзводу — сверх его сил. И он мне мозги пудрит: «Знаешь, как у нас в деревне старики говорили? Чалого коня за рекой купи. Мол, надежен. А ты — замени...»

С Чалухой мы и впрямь беды не знали. Трудяга. Если бы не довесок о четырех ногах — другой не надо.

Так вот и пребывали мы неразлучно с лошадиной семьей. То радовались, глядя на нее, то тревожились...

Двигаться можно бы побыстрее: проселок наезженный, позволял. Да война мало-мало нас опередила. Прямо на дороге — свежие воронки: в лицо ударяет удушливый, рвотный запах тротила. Подбитые тягачи, искореженные орудия. Груды снарядных ящиков, брошенный боезапас. Дорога — все больше лесом. Местами, где он подступает вплотную, — завалы. А завал — гляди в оба. Правда, тут уже прошли саперы, но, наверно, спешили.

Впереди — мы с Юрченко. Юрченко — мужик редкостный, мне с ним повезло. Повоевал стрелком, пулеметчиком, после тяжелого ранения, второго по счету, попал ко мне, поскольку он еще и санинструктор. Теперь Юрченко мой «пом» и «зам» — моя опора. Он много старше, опекает меня, как брата, зовет то командиром, то доктором... На гражданке был портным, и когда мы сидим в обороне, с удовольствием берет в руки иглу. Мой китель из зеленого шинельного сукна — предмет всеобщей зависти — смастачил Юрченко...

За нами, негромко тарахтя, движется повозка. Сейчас это БМП — батальонный медпункт — на колесах. При мощном нашем транспорте — повозочный Смаль с вожжами в руках. Смаль — из западной Украины, немолод, усики с проседью.

Сразу же за повозкой, едва не натыкаясь на нее, поспешает Артюхов, санитар. Обычно у него вид осенней мухи. Это, кстати сказать, и ввело всех в заблуждение, когда решали, куда определить вновь прибывшего солдата. Его не видели в бою. А в бою, под огнем, Артюхова не узнать: собран, горяч, лезет за раненым в самое пекло, если что — берется за оружие.

Тем, собственно, и исчерпывался списочный состав санвзвода. Но с нами — арьергардом — шли еще двое.

Сухачев — ротный санинструктор. Помогал отправлять раненых, да замешкался, теперь догонял своих. И сержант-связист. Этот в нашей компании оказался вовсе случайно. Прибыл из госпиталя, штабисты что-то напутали: суматоха, наступление. В итоге сержант попал не в тот батальон и прибился на время к санвзводу.

Юрченко — автомат на плече — шагает рядом, рассказывает что-то о своем довоенном житье-бытье. Мне, признаться, не до россказней. Дорога пустынна: впереди, сзади — никого. Но это полбеды. Там, куда ушли наши роты, стрельбы больше нет. Понятно, почему. Немцы спешат унести ноги, мы — преследуем. Но что за пальба позади? Не просто у нас за спиной, а позади справа, где наступает сосед — третий батальон. Похоже, сосед завяз. Если так — дело может обернуться открытым флангом. А это худо!..

С каждым километром дорога становилась чище, не было больше подбитой техники. Завалов

тоже не было. Жиманули наши, и немец, видно, тут просто покатился. Без задержки.

Мы с Юрченко прибавили шагу.

— Наддай, милая, наддай! — торопил чалую Смаль, нетерпеливо вскидывая вожжами.

Дорога взяла на подъем, лес тут в обе стороны раздался, и мы поднялись на эдакий лысый взлобок. Окрест — зеленые волны. Ничего, кроме леса, не видно.

Ну, это мы ничего больше не углядели, нас-то на том взгорке засекли тотчас. Четко было сработано.

Первым свист снаряда услышал Юрченко, сообразил, что это про нас. Чутье солдатское его не обмануло. Толкнул меня:

— Доктор!..

Грохот близкого разрыва заглушил его голос. Чуть в стороне от дороги черным веером взметнулась земля.

Юрченко, за ним я, все остальные кинулись кто в канавку — была там заросшая, неглубокая, кто в нарытые кем-то ячейки. Мы их заметили, эти ячейки для стрельбы, еще когда подходили. Они были мелкие, иные едва начаты. Наверное, их решили делать, потом передумали, а может, что-то помешало.

Очень кстати — какие-никакие — они тут оказались. Снаряды падали кучно. Немецкая батарея неплохо пристрелялась к этому бугру...

— Подымайсь!.. Поприжимались, понимаешь, ровно к бабе. — Юрченко, стоя над ячейкой, сбивал с себя пилоткой землю. — Все целы? Артюхов, ты что там?

Артюхов, низко склонясь, помогал выбраться из ячейки санинструктору Сухачеву.

— Зацепило?!

Сухачев стонал и матерился. Штанина не левой ноге у него, чуть выше колена, была разодрана и быстро заплывала кровью.

— Мелочи жизни, Сухачев, до свадьбы... — Шутка была не ко времени. Я прервал себя на полуслове, скомандовал: — На повозку его, живо!

Повозки на дороге не было. Ее вообще нигде не было.

Мы обнаружили повозку, когда спустились с холма, за изгибом дороги. Обстрел испугал Чалуху, погнал ее. А может, тут проявился и материнский инстинкт: увести от опасности жеребенка?

Жеребенка она спасла, его только царапнуло. Сама Чалуха не убереглась: на голове, на длинной морде сочились раны. Быстро теряя силы, Чалуха повалилась на дорогу, вытянула шею. Затихла. Ее детеныш, чаленький, бестолково топтался вокруг, тыкался ей в морду, в живот.

Смаль растерянно теребил лошадь за холку, что-то едва слышно бормотал. В глазах у него стояли слезы. Потом стал освобождать чалую от упряжи.

Чертов жмот, этот Крохин! Просил же я его, просил, как человека...

Мы с Юрченко перевязали Сухачева. Рана была глубокая, долго кровила, пришлось дважды накладывать жгут. А потом и шину: осколком раздробило кость.

Сухачев лежал, сцепив зубы, время от времени отирая пот со лба. Я дал ему глотнуть из фляжки: спирт, слегка разбавленный, должен был притупить боль.

Бедняга Сухачев, не повезло ему. Да еще рана скверная, с такой раной побыстрей бы на стол, к хирургу. А мне парня и отправить не на чем. Как нарочно — никакого транспорта. Вообще, кроме нас, никого тут нет.

Без тягла — дело дрянь. Если б не Сухачев, все было бы гораздо проще. Повозку — под дерево. Что нужно — на себя, и марш вперед! А как теперь? С таким ранением долго тащить на носилках — верный шок. Да и кому тащить? Я, Юрченко, Артюхов утром должны — душа из нас винтом! — догнать батальон. Утром снова будет бой, мы там необходимы.

Лес вокруг быстро загустевал. День шел на убыль.

— Смаль и вы, сержант, остаетесь здесь, с раненым. Увидите какую повозку — задержите. Мы скоро... Юрченко, Артюхов — пошли. Надо отыскать какое-нибудь пристанище.

Нет худа без добра, как говорится. Неподалеку, в лощине, мы наткнулись на пару землянок — полуразрушенных, в один накат. Выбрали ту, что попросторнее. Артюхова я оставил привести ее хоть немного в порядок. А сам вместе с Юрченко вернулся на дорогу.

Чаленький больше не топтался, просто стоял возле своей неподвижной матери. Он тоже будто закаменел.

Сухачев тихонько постанывал, на побелевших скулах перекатывались желваки.

Я снова поднес ему фляжку:

— Глотни-ка, брат, еще.

Потом мы вчетвером впряглись в повозку.

Артюхов уже натаскал лапника, навесил — вместо двери — плащ-палатку. Приготовил место поудобнее для Сухачева.

— Смаль, собирайтесь. Пойдете в хозвзвод. Отыщете лейтенанта Крохина, расскажете, что у нас тут стряслось. Передайте: нужна лошадь — вместо убитой и еще повозка с лошадью — раненого забрать. Без лошади и без повозки не возвращайтесь. Все понятно?

— Все, товарищ старший лейтенант.

— Винтовку оставьте, Юрченко даст вам свой автомат...

Я проводил Смаля до дороги. Он накинул чаленькому недоуздок на шею и повел за собой.

Было мне, сказать по совести, немного тревожно за Смаля: один — хоть и с автоматом. Ну, да, может, на сегодня наши беды кончены. Хорошо бы...

Артюхов на бездымном костре — большой спец по этой части — сварил кашу, вскипятил чай. Расстелил перед входом в землянку попону. Сели обедать и ужинать сразу.

Покормить Сухачева не удалось: еда не шла ему в горло. Только попил.

— Как ваш кисет, товарищ старшина, в сохранности?

Артюхов — человек с подходом. Таким испытанным манером он подбивался к даровому табач-

ку. А смесь у Юрченко всегда была отменная: мой легкий табак и его махорка — получалось то, что нужно.

Юрченко не скупился, ему нравилось угощать. Широким жестом он выложил свой кисет:

— Налетай — подешевело, расхватали — не берут...

— Берем, товарищ старшина, очень даже с большой охотой, — сразу повеселев, откликнулся Артюхов. Куряка он был заядлый.

— А вы, сержант? Угощайтесь.

Сержант после недавнего обстрела все больше молчал. Отвык, видно, от таких встрясок за время житья в госпитальном покое. Бледен, никак в себя не придет.

— Проше пана, — потчевал Юрченко, внимательно поглядывая на сержанта.

Сержант неспешно свернул цигарку, прижег, дохнул дымком.

— Я все думаю, — заговорил он, — как это получается?.. Шли мы с ним вместе, вместе бросились к ячейкам, в один и тот же момент упали. Мне — ничего, а он ранен. Что это — судьба?

— О-о, вон вы про что! — усмехнулся Юрченко. — Судьба скачет, судьба плачет, судьба песенки поет?

— Да, и все разные, каждому свои. Говорят же: кому сгореть, тот не утонет. Не зря, должно быть, говорят. Или еще так: дурак стреляет — бог пули носит.

— Ну, таких поговорок — хоть пруд пруди, — возразил Юрченко. — Старые поговорки-то. Все они — от темноты-матушки.

— Пра... правильно, товарищ старшина, — зевая, вставил Артюхов. Он уже впал в свое обычное состояние.

— Но есть и другие пословицы... Не верь судьбе, верь себе. Мне, к примеру, такая-то вот больше по душе.

Сержант посверлил Юрченко глазами, помедлил, затем, как бы решившись, сказал:

— Так это ведь как ее понимать. Можно так, можно этак...

Он поерошил свою угольно-черную шевелюру, затянулся.

— Возле меня в госпитале капитан лежал. По контузии тоже. Мировой мужик, откровенный. Много мне чего порассказал. А служил он — будь здоров, не кашляй: адъютантом при командарме. Ну, и, само собой, про командарма своего тоже кое-что говорил... Был у них такой случай. Пришел приказ: готовиться к наступлению. Число указано — когда операцию начинать. Аккурат — выходило — в понедельник. Командарм, как прочел приказ, за голову схватился. Он, понимаете, никогда в понедельник никаких серьезных дел не начинал. Привычка такая была. Не любил. Как мог, старался избегать. А тут — наступление! Что делать? Давай сперва причины всякие выдвигать. Мало, дескать, времени на подготовку, не успеть. То да се. Но приказ сверху жесткий: ни днем позже. Точно — как назначено. Хотел было больным сказаться, да одумался. Поехал к начальству, повинился: так, мол, и так, поступайте со мной как хотите. Не могу! Не уверен в себе, рисковать таким делом, людьми не имею права. Да-а. Там покумекали-покумекали: как быть? Отстранить генерала — генерал заслуженный, хорошо воюет. Заставить? А ну как неудача?.. И что вы думаете? Переиграли! На другой день перенесли.

— Вот это да! — сонно изумился Артюхов.

Юрченко покрутил головой:

— Занятная байка!

Сержант недовольно глянул на него.

— За что купил, за то и продал.

Помолчали, свернули по второй — все из того же щедрого кисета.

— Я, конечно, понимаю: предрассудки — вещь заразная, въедливая, — снова заговорил сержант. — Но когда с самим тобой вдруг что-то такое.. тут уж поневоле задумаешься. Я вам про себя скажу, не собирался, да уж раз такой разговор... Перед войной это было. Под утро, во сне слышу отцовский голос: «Мать умерла». А жили мы врозь, на разных улицах. Меня аж подбросило. Сознаю: приснилось. Но в душе беспокойство. Оделся, туда. Отец встречает: «Горе у нас...» Вот вам и сон, вот вам и приснилось. А теперь вы мне объясните: как это может такое с нами происходить?

Сержант с вызовом поглядел на Юрченко.

— Мать болела? — спросил Юрченко.

— Болела, долго.

— Ну вот вам и ответ: думали о ней, тревожились.

— Но почему именно в то утро, в тот день? Несчастье могло произойти неделей раньше, позже... Нет, что там ни говори, сны — не просто суеверие. Не отмахнешься. Что-то в этом есть...

Юрченко вдруг осклабился:

— Точно, сержант! Сон — это сила. Вон Артюхов уже сдался, сморило его. Уже во сне видит чего-то... Пора и остальным вздремнуть. Так, командир?

Я в разговоре участия не принимал: голова была занята другим. Да и сам предмет спора показался каким-то случайным, никчемушным. Но я ошибся.

Повозку мы закатили в кусты, забросали ветками. Словом, замаскировали по возможности. Так, на всякий случай. Установили дежурство. По два часа. Первым вызвался бодрствовать Юрченко. Он должен был разбудить Артюхова, Артюхов — меня, я — сержанта. Обычно я не дежурил — дело не командирское. Но тут мне так или иначе надо было встать к Сухачеву.

Приготовили коптилку. Позатыкали щели, чтоб наружу не просвечивало. Но зажигать коптилку без крайней нужды я не разрешил.

Сухачев то задремывал, то просыпался, просил пить. Тяжко ему было справляться с болью. Вообще было тяжко. Я слышал, как он спросил у Юрченко: «Хана мне теперь? Обезножу?» Юрченко пожурил его: «А еще санинструктор! В медицине-то, выходит, ни бум-бум... Через два месяца, ну, через три, плясать будешь, ясно?..» Знал мой помощник, как говорить.

Сон все не шел. Я лежал в темноте, прислушивался к стонам, к тяжелому дыханию Сухачева, думал, как это обидно получилось. Не в бою, так вот — ни за что, ни про что. Рота без санинструк-

тора. Жди теперь замены. Придется пока назначить кого-то из санитаров.

А Смаль? Сумеет он отыскать хозвзвод? Крохин со своим хозяйством мог переместиться. Но главное — обратный путь в ночи.

Еще не разбери-поймешь с соседом. Где там наши, где немцы?..

Я все-таки уснул, и, должно быть, крепко. Кто-то тряс меня за плечо, повторял:

— Товарищ старший лейтенант, проснитесь! Проснитесь, старший лейтенант!..

Спросонок я решил, что это будит меня Артюхов. Но будили как-то уж очень торопливо, встревоженно.

Я всполошился:

— Смаль!? Что с ним?

Первым делом я подумал о повозочном. Почудилось — беда.

— Да нет! Смаль еще не вернулся. Это я, сержант. Проснитесь!

Я сел на нарах. Сержант дышал мне в самое лицо.

— Что случилось?

— Пока ничего. Но может, может случиться.

— Сухачев? Вы о нем?

— Нет, не о том я, совсем не о том.

— Так в чем же дело, сержант? Я слушаю.

Я щелкнул своей трофейной зажигалкой.

Артюхов, в обнимку с винтовкой, мирно похрапывал на своем посту. Там, где лежали Сухачев и Юрченко, было тихо. Сержант глядел на меня затравленно, в лице у него что-то дрожало.

— Погасите! Не надо огня.

— Да что с вами? Объясните наконец.

— Уходить отсюда надо, вот что. Уходить как можно быстрее.

— Почему? Что произошло?

— Нельзя тут больше оставаться. Ни минуты.

— Сержант, давайте толком. Почему надо уходить? Да еще так поспешно?

— Ну как вы не поймете, еще офицер! Мы тут одни. Вот уже сколько времени по дороге никакого передвижения. Может, немцы уже где-то близко.

— С чего вы взяли? Откуда тут быть немцам?

— Откуда! Вы сами будто не понимаете. Да они нас тут голыми руками возьмут.

— Вы что, трусите, сержант?

Он смолк. Обиделся? Что с ним вообще?

— Вы же не первый день на фронте...

— Да, не первый. И это не трусость. Но здесь мы пропадем.

Поднялся Юрченко, зажег коптилку. Сумрачно поглядел на сержанта.

— Вот так связист! Комиссар паники.

— Причем тут паника! Не знаю, как вам втолковать. Что вы упрямитесь! Себя не жаль, подумайте о других.

Теперь он обращался уже к нам двоим. Говорил резко, зло. Я не узнавал вчерашнего тихого сержанта. Что-то, однако же, в его тоне меня насторожило. Я сказал:

— Вы вроде бы не договариваете чего-то. А?

Сержант не отвечал, голова его была низко опущена. И тут опять вставил свое слово Юрченко. Спросил дружелюбно, перейдя вдруг на «ты».

— Слушай, сержант, а может, тебе сон какой привиделся? Дурной какой-нибудь. Так ты скажи. Люди-то мы свои, понять можем.

Сержант взвился, будто его хлестнули.

— А если и так, ну так что?! Если я в это верю, если сам убедился!..

Чугунно спавший Артюхов вздрогнул, вытаращился оторопело. Застонал Сухачев.

— Да пойми ты, мил-человек, — все так же терпеливо, дружелюбно продолжал вразумлять Юрченко. — Не можем мы сей момент сняться. Никак это невозможно.

— Не можете? Да вы просто не хотите! Уперлись, как... Ну, вот что. Вы как знаете, дело ваше. А я ухожу. Сию минуту.

Он стал торопливо собираться. От волнения не попадал в рукава шинели, ронял ремень.

Стараясь быть спокойным, я сказал:

— Товарищ сержант! Я здесь старший и, сами понимаете, отвечаю за нас всех... Я вам приказываю оставаться на месте.

— А вы мне не командир — приказывать. Мне надо в свой батальон. Все!

Сержант шагнул к выходу. Юрченко загородил дорогу.

— Ты что сдурел, парень?! И куда ты сейчас пойдешь? Беду шукать? Остынь!

Сержант оттолкнул его:

— Пусти! К черту вас всех...

Он рванул у входа плащпалатку и шагнул в темноту.

В этот раз свиста летящего снаряда не услышал никто. Громыхнуло где-то совсем рядом. Раз, другой, третий... Взрывной волной сержанта вместе с плащпалаткой отбросило на нары. Коптилка упала, загасла.

Артналет был свирепый. Тяжелые снаряды ложились вокруг нас плотным кольцом. Землянку отчаянно трясло. Накат над нами разъехался, посыпались комья земли. Страшно закричал Сухачев. К нему кинулся Юрченко, прикрыл собой... А налет все продолжался, и каждый из нас мысленно ожидал того, единственного снаряда, который не ошибется адресом, найдет нашу тщедушную землянку... По счастью, такого не оказалось.

На рассвете прибыл Смаль. Он привел новую лошадь. Впряг в повозку, всю изрубленную осколками. Привел и повозку для Сухачева. Мы устроили ему ложе помягче, подбинтовали раненую ногу.

Распрощались.

— Прямо в санроту, — сказал я солдату-повозочному. — Без задержки. Ясно?

— Ясно, не впервой.

— Тогда трогай.

Не теряя времени, тронулись и мы. Только в другую сторону, вслед за ушедшим батальоном.

Часом позже — у лесного ручья — сделали коротковую остановку. Напоить лошадь, напиться самим. Юрченко взял меня за рукав:

— Глянь, доктор!

Чуть в стороне от нас сержант, сняв пилотку, плескал себе в лицо водой из ручья. Прямо надо лбом резко белела в его черных кудрях седая прядь.

ДО КАМЫШЕВКИ И ОБРАТНО...

Леонид ФОМИН

Роман Леонида Фомина «Стеклянный дом», готовящийся к публикации в журнале «Урал», рассказывает о сложных человеческих судьбах, о нравственных, социальных проблемах нелегкой военной и послевоенной жизни уральской деревни. Многочисленные персонажи романа едины в одном, главном — они непоколебимо верят в победу, в свой народ. И это единение, эта вера помогают им одолеть, казалось бы, непреодолимые трудности, как бы заново обрести себя. Публикуем отрывок из романа.

В РАЗГАР лютых крещенских морозов, когда седая искристая мгла не рассеивается даже в полдень, когда кособочатся и выпирают из стылой земли столбы, когда звонко стреляют деревья, а по ночам, не выдержав стужи, тяжко ухают льды, — в такую выморочную пору, в одну из ночей, кто-то настойчиво постучал в окошко.

«Ну чего еще приперся, мало было вечера!» — зло подумала Юля, вспомнив, с каким трудом выпроводила запоздниншегося Прилепского.

В окно опять постучали.

Сердце приостановилось, похолодело: нет, это не Прилепский, тот не подходит к окну, обычно прокрадывается в ограду (он знает, как открывается калитка) и тихо, терпеливо постукивает замочной петлей о косяк двери. И Афоне бы рано будить.

«Господи, кто же это?!»

— Соломеина здесь живет? — послышалось за окном.

— Кто там? — выдохнула Юля.

— Свой. Радостную весть несу. Открывайте, живо!

«Свой? Радостную весть? Это какие ж такие радости для меня?» — плохо соображала Юля, бредово обводя глазами крашеный потолок, оклеенные обоями стены, темные широкие половицы, едва различимые в слабом ночном свете, падающем в окошки. Она еще не знала, что за нечаянный гость пожаловал к ней среди ночи, какую принес «радость», но уже смутно предчувствовала, что это именно тот человек, который многое скажет ей, многое прояснит. От этого предчувствия сердце зашлось в груди, загудело в висках, и Юля, отрицая беспощадную явь, замотала головой и прошептала ссохшимися губами:

— Не надо! Я уже никого не жду...

— Да вы впустите меня или нет? — нетерпеливо напомнил о себе незнакомец.

Она спустилась с кровати, словно на чьи-то чужие, одеревеневшие ноги, одернула подол сорочки. Тоже чужим, изменившимся голосом сказала «сейчас» и пошла в придел. Почему-то не решилась включить электрический свет, зажгла керосиновую лампешку на кухонном столе. Сняла с печки горячие валенки, неторопливо ступила в них. Направилась было к двери, но догадалась, что прежде надо одеться. Кое-как привела себя в порядок, натянула платье. Опять обулась, открыла дверь.

— Там... у калитки за ремешок потяните, — сказала она, не спускаясь с крылечка.

Звякнула щеколда, и в темнеющем проеме калитки возникла рослая фигура в шинели.

«Господи!» — прошептала Юля, отодвигаясь в глубину сеней.

С клубами морозного пара, пригнувшись, чтобы не задеть головой низкую притолоку, в избу шагнул военный. Огонек лампы забился, затрепетал всполошной бабочкой и погас. Дрожащими руками Юля нашарила на стене выключатель и, будто испугавшись нестерпимо яркого света, метнулась к печи, прижалась к ней спиной.

— Ну, здравствуйте, Юлия Денисовна! — бодро поздоровался военный, протягивая холодную руку. — Вот вы, значит, какая! Да не бойтесь, не бойтесь меня. С добром я к вам.

В комнате голос у него показался совсем сиплым, даже свистящим — видать, запустил простуду, и Юля подумала, что неплохо бы напоить его сейчас горячим молоком с медом, но тут же об этом забыла и, как приговоренная, еще плотней притиснулась к теплым кирпичам.

Военный бросил на лавку вещмешок, снял шапку.

— Забрел на какую-то речку, а на ней — наледь. Бродом и махал.

Он осмотрелся, потер закоченевшие пальцы.

— Если позволите, я переобуюсь. А то пятки пристынут...

Юля хотела сказать «да, конечно, переобувайтесь скорее», но что-то перехватило дыхание и не смогла ответить. Лишь кивнула. Она взялась за горло, словно бы ощущая в нем острую боль, а потом медленно опустилась на табуретку.

Военный снял шинель и, оперевшись о косяк, начал стягивать валенки, звякая медалями. Он явно не торопился выкладывать, с чем пришел, — еще наступит черед! Имеет полное солдатское право потешить свое воображение тем эффектом, который произведет. И уж тогда эта белокурая молодица не будет смотреть на него так испуганно и растерянно, просияет от внезапной радости и, оглушенная ею, начнет бестолково расспрашивать обо всем сразу. Скоро, скоро он полной мерой выложит ей эту радость. Вот только сбросит валенки.

Сбросил — и вздохнул облегченно, будто свалил с плеч непосильный груз. Посмотрел на Юлю весело и загадочно.

— Ну что, Юлия Денисовна, придется поплясать...

— Кто вы? — тихо спросила она, все так же не отнимая руки от горла.

— Ах да! Забыл самое главное!

Тут военный шутливо, по-мальчишески вытянулся, приставил к виску пальцы и скороговоркой отбарабанил:

— Гвардии сержант Мехонцев, прибыл с особо важным поручением от фронтового друга!

— От Гриши?! — выдохнула Юля.

— Так точно! А ну пляшите, тогда получите вот это! — И военный, достав из нагрудного кармана вдвое сложенный конверт, потряс им над стриженой головой.

Юля уже знала, уже была готова к убийственному известию, и все же сердце подсказало, что солдат принес нечто неизмеримо большее, чем она ожидала. Может быть, наступил тот неминуемый час, когда за все надо ответить, во всем разобраться и решить: как же жить дальше? Но хватит ли сил выстоять, сумеет ли сказать правду?

— Дайте! — попросила Юля. — Ради бога, дайте!..

— Не-ет! — заупрямился военный.— Зря, что ли, я добирался до вас? Поезд пропустил, выкупался на морозе. Потерял сутки недельного отпуска. Не-ет!

И вдруг что-то произошло: военный опустил руку, сурово свел брови. Напускной дурашливости — как не бывало. И уже не стало ничего мальчишеского в этом худом высоком парне с мятыми погонами на линялой гимнастерке — плотно сжатые губы, подозрительный взгляд, глубокая складка на заветренном лбу. Мехонцев решительно шагнул к Юле, подал письмо. Оправил под ремнем гимнастерку, отвернулся к окну, зиявшему аспидно-черным провалом.

— Слушайте, Юлия Денисовна! Два года мы с ним были в плену. Бежали вместе. Поляки помогли перейти линию фронта. Гришка в госпитале... Вот все, что я обязан был сказать!

Юля не слышала его слов. С ней говорил Григорий: «Дорогая моя, любушка моя! Я жив и невредим, только пустяшная ранка в ноге. Скоро залечат и увидимся. Податель сего письма — мой

верный боевой товарищ. Звать его Виталий Механцев. Подробности он расскажет. А пока прости. Прости, что долго не мог написать тебе. Знаю, что переживала. И я переживал. Потерпи еще немного, любушка моя. Знаю и верю, как ты меня ждешь! Крепко целую — твой Григорий...»

Юля прикрыла глаза, потерла гудящие виски. Как-то бы поудобнее сесть. Вот так, упереться в печку затылком и немножко выгнуть спину. И посидеть минутку... Сны, вещие сны! Но что же сказать ему... как его, Виталию?

— Вы... вы обуйтесь. Я сейчас...

С трудом поднялась, нетвердо, как пьяная, прошла к комоду. Долго не могла вспомнить, в каком ящике лежат Гришкины хромовые сапоги. Он берег их, надевал только по праздникам. И она берегла, не продала в самую голодную прошлую зиму. Но где же они? Переворошила все старые, пахнущие нафталином тряпки и наконец нашла — усохшие, как береста, с белыми рядами деревянных шпилек на заскорузлых скорчившихся подметках.

— Надевайте, я сейчас на стол соберу...

Мехонцев неподвижно стоял у окна, засунув руки в карманы. Затем взял с лавки вещмешок, на ходу развязывая его, подошел к столу. Двинул в сторону пепельницу, с верхом набитую окурками «Беломорканала», выставил поллитровку с белой сургучной головкой. С хрустом обдавил в ладони сургуч, метнул глазами — из чего бы выпить — и уперся взглядом в полосатый мужской галстук, забытый на спинке стула...

«Гадюка, змея!» — чуть не вырвался из горла уничтожающий крик. Чтобы подавить его, Мехонцев заскрежетал зубами. «А он-то, он-то, олух, кидался на всех, когда подтрунивали! Ждет она его, самая она верная у него! Спокойно, держись, Виталька. Не твое это телячье дело, пусть сам разбирается!»

Он стремительно подошел к кадке с водой, схватил с крышки ковш. С глухим бульканьем налил в него водки и, запрокинув голову, пил долгими глотками. Зачерпнул воды, запил.

— Значит, обрадовал я тебя? — спросил Мехонцев, смело переходя на «ты». — Так, что ли?

Юля не ответила. Хотела что-то сказать и опять не могла. Да и ладно, теперь все равно.

Мехонцев околотил о порог успевшие оттаять валенки, торопливо стал обуваться.

— Куда вы? — опомнилась Юля. — Отдохнуть, поди, надо, обсушиться. И щи вот горячие...

— Щи... Знал бы Гришка!..

Он быстро надел шинель, туго захлестнул ремень, надвинул до самых бровей шапку. Нацелился было на дверь, но замешкался, шагнул к кадке. Вылил остатки водки в черпак и одним духом выплеснул в широко раскрытый рот.

— Хлебай свои щи! — крикнул он прямо в лицо и ударил кулаком по двери...

Вот и все, вот и дождалась весточки от Григория. «Дорогая моя, любушка моя...» Невидящими глазами блуждала по строчкам, как молитву повторяя эти слова снова и снова. Сквозь слезы буквы увеличивались, двоились, радужно рассвечивались по краям. Щелк — упала крупная капля на листок, и тотчас в этом месте расплылось фиолетовое пятнышко. Не стало, растворилось короткое слово «моя». Щелк — еще упала капля. И опять смыло слово... Она комкала в руках гладкий листок с тонкими, кроваво-красными паутинками-линиями. Эта разлиновка на бумаге будто подчеркивала торопливые строчки. «Нет, не сжечь слезами слов, скорее сгорит сердце. Оно уже и так горит...».

Поесть, что ли? Налила в чашку капустных щей. И тут же вспомнила Прилепского.

— Пропади ты пропадом, гад ползучий! — сказала вслух и отчаянно выругалась.

Отодвинув чашку, она потянулась к порожней бутылке, посмотрела сквозь нее на свет. «Хоть бы глоток, всего один глоток! Выпил солдатик... как его, Виталий, что ли? Рассердился. За друга своего рассердился... Какие они разные, мужики. Даже не закусил. Наверное, тяжко, как мне...»

Надела полушубок, вышла во двор. В черном небе позванивали от мороза иглистые звезды. Или это в ушах звенит? Черемуха, вся белая, как облако, нависла над крышей. И провода белые, толстые, как веревки. Это оттого, что на пруду выжало наледь. Там ведь солдатик выкупался, не нашел в темноте дорожку. Где же он, неужели опять через речку пошел?

Чепуха какая-то лезет в голову — «звезды, черемуха, провода...». Сроду не видела, что ли? Не об этом думать надо. Где топор? Пойду и отрублю ему башку. Отрублю — и все!

Она прошла под навес, где кучей лежали наколотые дрова. Хотела разом управиться с ними и уж потом скласть в поленницу. Да не смогла: засадила топор в березовый сутунок. Когда это было? Вчера? Нет, кажется, позавчера. Вчера не дал работать Прилепский. Пришел и, вроде бы шутя, затащил в избу. От него не отвяжешься, если придет...

Но где же тот сутунок? Ах, вон, под козлами!

Непослушными руками Юля долго вертела скользкое топорище, но топор словно врос в древесину. Крепкущий этот комель, знала, что не разбить, а пыталась. Хотела позвать мужика, а кого? У Афони Говорухина — два пальца на единственной руке, другой зайдет — тут же, как липкая смола, поползет по селу хвостатая сплетня. Лучше уж сама.

Не поддается топор. Села на сутунок, уткнула в колени лицо.

«Все равно порешу! Нету мне теперь жизни и его не пожалею...»

Никогда не пила, а вот захотелось выпить и все. Вина, конечно, не найдешь, а бражка кой у кого водится. У кого же? У Филимона Нестеровича, если? Да нет, давно уж не ставит. Из-за Симки, внука своего, не ставит. У Клавдии Грачевой не бывает. Да и язык не повернется спросить у ней. Стоп! У Варвары! У той всегда есть. Сама не пьет, а брагу держит. Да что брага — вино не переводится!

Она тихонько притворила за собой калитку, стараясь, чтоб не сильно скрипел снег, заспешила к Варвариному дому. Пригнулась и, почти крадучись, прошла под окнами Клавдии Грачевой. Она почему-то стеснялась и даже побаивалась Клавдии, хотя знала, что та всегда защищает ее, а если надо, строго пресекает досужих болтушек. И еще казалось Юле, что Клавдия как-то по-особому, по-женски, что ли, не то жалеет ее, не то сочувствует.

Мерзли коленки, мерзли руки, прибавила шагу. «Еще не добудишься, чего доброго», — обеспокоенно подумала она, приближаясь к высоким глухим воротам.

Надсадно завыл в холодной конуре кобель, гремя тяжелой цепью, будоража спящую улицу. За забором не ви-

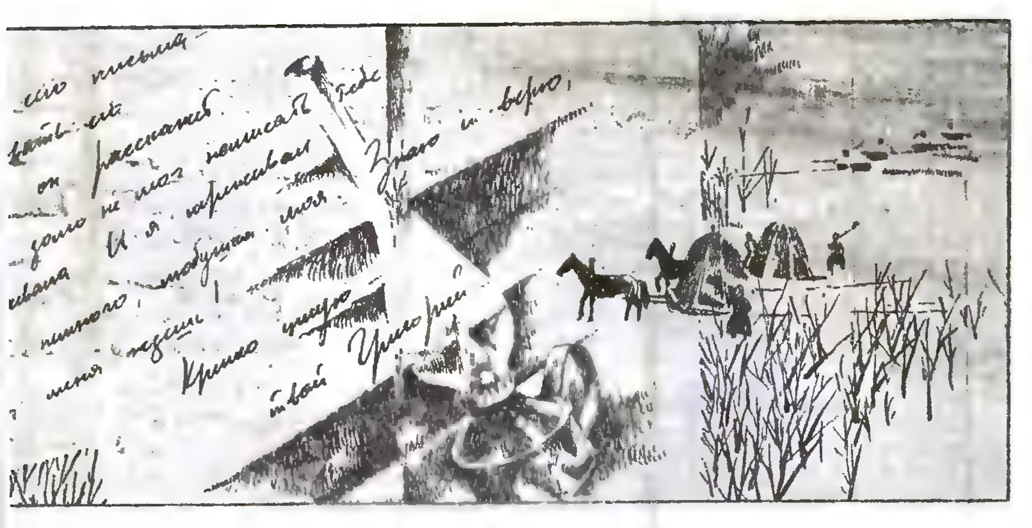

Рисунок А. Бисти.

дела этого зверюгу, но до дрожи представила, как стоит он, натянув цепь, седой от инея, кривоногий, кудлатый, и в дремучих глазах плещется ленивая ярость.

Напрасно беспокоилась: Балухина не из тех, кто спит крепко. Заскрипели двери избы, щелкнул в сенях первый крючок, второй.

— Кто?

— Это я, Соломеина! — обрадовалась Юля. — Пусти поскорей, дело у меня к тебе!

— Какое это дело ополночь? — недоверчиво спросила Варвара.

— Да скажу, пусти в избу!

Балухина нехотя спустилась с крыльца, долго пинала кобеля, оттаскивая его к конуре, привязала там покороче, подошла к воротам. Для верности еще раз спросила:

— Ты, что ли, Юлька?

— Да я, я, неуж не узнала?

— Кто вас разберет, шаталок, прости господи...

Свет Балухина не стала включать, запалила от самодельной спички амбарный фонарь, торопливо задернула плотные занавески, хотя окна и так были закрыты ставнями.

— Ну, сказывай, зачем пожаловала?

— Вино у тебя есть?

Варвара прищурила без того заплывшие глаза, скривила губы в нехорошей ухмылке.

— Ему? — неопределенно кивнула она в сторону.

— Кому — ему?

— Не вертись, сама знаешь. Агроному, вот кому!

Юля расстегнула полушубок, ослабила на шее узел платка, бессильно опустила руки.

— Ему. Давай сюда, если есть.

— Вам все давай, не знаете, почем теперь водочка!

Балухина сняла модное городское пальто, недавно выменянное у ленинградской музыкантши за муку, и осталась в длинной ночной рубашке. Рубашка тоже, видать, была с чужого плеча, потому что сидела на Варваре неуклюже, еще больше подчеркивая тяжеловесную тучность.

— Вам все давай да давай, а того не спросите, сколько она стоит и где ее взять, — ворчливо повторила Варвара, одергивая на толстом белом плече шелковую бретельку. — Стараешься для каждой, а что от вас видишь? Одни поклепы.

Она собрала половик, открыла подполье. С трудом протиснулась в узкую горловину, завозилась внизу на ступеньках. Через минуту, тяжело дыша, вылезла с запотевшей бутылкой «Московской».

— Постой, постой! — отстранила она протянутую Юлину руку. — Вот бумага, вот карандаш. Садись и пиши расписку.

— Какую?

— Скажу, какую. Пиши, пока не передумала. Хватит мне вас поважать!

Подставила стул, подвинула поближе мятый тетрадный листок.

— Не прохватило, небось, по глазам вижу. Вон чо, будто уревелась! Пьяную бабу завсегда по глазам видно. Самогон пили-то? Али покрепче чо? Ну, пиши, пиши, чего уставилась? Значит, так начинай...

Спрятав водку за спину, Варвара навалилась мощной грудью на край стола и принялась диктовать, тыча коротким пальцем в бумагу:

— Я, Соломеина Юлия Денисовна, взяла у гражданки Балухиной одну — «одну» прописью пиши! — пол-литру водки стоимостью по базарной цене в пятьсот рублей. За ету поллитровку обязуюсь спахать весной огород в двадцать соток али сделать другую способную работу по договоренности с гражданкой Балухиной...

Варвара остановилась.

— Ты чего, уснула, что ли? Али не согласна?

Юля крепилась, чтобы удержать слезы. Она не могла, не хотела быть слабой перед этой наглой, уверенной в себе бабой. Хватит! И как только поборола приступ бессильной обиды, как только немного отлегло от сердца, плюнула в широкое, как шаньга, лицо.

Уже за воротами она услышала истерические угрозы, заглушаемые лаем собаки:

— Поклонишься еще, придешь ко мне, потаскуха!

Дома Юля не стала раздеваться — не было сил. В полушубке, в валенках упала на лавку, уронила руки и затихла, как пришибленная. И снова перед воспаленными глазами поплыли строчки: «Дорогая моя, любушка моя! Потерпи еще немного...»

— Еще немного... — прошептала Юля.

Тяжелое забытье прервал стук в раму. Но теперь не вздрогнула, не испугалась: знала, стучит Афоня. Сейчас он еще постучит и крикнет: «Выходи строиться!» Что же он молчит? Ну! Ну!

— Девка-а! Выходи строиться-а! — наконец услышала она заученную побудку.

В тесной сторожке конного двора, завешанной хомутами, седелками, вожжами, насквозь пропахшей дегтем, сыромятиной, было людно. Здесь по утрам проходила разнарядка. Женщины-коновозчицы, одетые кто во что, лишь бы потеплее, плотно, как куры на насесте, мостились на замызганных черных скамейках вокруг железной печки. Это была бочка из-под бензина, накалившаяся так, что пускала искорки. Женщины протягивали к ней руки, будто хотели запастись уютным теплом на весь долгий холодный день. В сизом чаду под потолком слабым накалом светилась лампочка.

Как раз под ней, за маленьким столиком с хлябистыми ножками, сидели «бабий генерал» Афоня Говорухин и конюх Филимон Нестерович. Афоня что-то писал карандашом в потрепанном журнале, прижав его пустым рукавом полушубка. Конюх, всклокоченный и грязный, ковырял шилом в хомуте.

— Все в сборе? — спросил Афоня, отрываясь от журнала.

Он встал, засунул карандаш за козырек шапки.

— Так вот, бабоньки, сегодня нам предстоит прокатиться на наших вороных до Камышевки и обратно. Туда — порожняком, оттуда — с сеном. До Камышевки, до покосов — восемнадцать километров...

Бригадир мог бы не говорить, сколько до Камышевки: знали, что далеко. Пойменные луга этой речки с высоким сочным разнотравьем женщины буквально вытоптали, обкашивая каждый куст, а уж о дороге и говорить нечего — они измерили ее и пеши, и верхом, и на санях. Дело тут не в расстоянии. Все, кто здесь сидел, помнили гибельное болото, по которому можно проехать без риска утопить лошадь разве что сейчас. Поэтому и сено, огороженное от голодных по зиме диких коз и лосей, стояло на местах до самых сильных морозов.

Афоня сказал об этом с иным умыслом, — чтобы напомнить, каким трудным будет сегодня денек.

Изнурительная, не женская работа — возить с дальних покосов сено. Куда ни шло, еще править лошадью, хотя без

сноровки тоже далеко не уедешь. А попробуй-ка раздирать вилами слежавшиеся, будто спрессованные, пласты сена! Да поднимать эти пласты навильник за навильником и укладывать на сани. Тут нужны мужские руки. Когда ездили без Афони, совсем плохо шло дело: не хватало сил, не хватало умения сделать правильный воз. В долгом пути по бездорожью возы разваливались, рвались постромки, завертки, ломались сани. Поначалу не все даже толком умели запрягать лошадь.

Долго не забудет Филимон Нестерович, как в прошлом году, перервав упряжь, с перевернутым хомутом на шее и седелком под брюхом прибежала на конный двор дуроломная, плохо объезженная кобылица Супротивная, а коновозчица Юлька всю ночь шла лесом домой, чуть было не погибла. Да хорошо рано утром поехал за дровами Раис Фактулин. Он и нашел Юльку, замерзающую у поленницы... С того случая директор распорядился не пускать женщин в дальние извозы в одиночку и назначил им в бригадиры только что вернувшегося из госпиталя Афоню Говорухина.

А с Афоней—что! Беда — не беда, работа — не работа! Везде он успеет, везде подсобит. Где надо — подбодрит добрым словом, а где и прикрикнет. Все от того зависит, как относишься к делу, как работаешь.

Сперва женщины не понимали, для чего его к ним приставили. Надсмотрщиком, что ли? Все равно же он, безрукий и одноглазый, работать не сможет. И язвили, как могли. Афоня все сносил до поры до времени, а один раз, когда злоязыкая Пушкариха назвала его «полумужиком», схватил прорезиненный кнут и с размаху огрел ее по спине. С той поры женщины стали повежливее и в общении с ним подбирали более деликатные словечки...

Сам-то Афоня все понимал. Легко ему было или не легко, но ясно отдавал себе отчет, что в нем после тяжелейшего ранения не только полмужика, а и четверти мужика не осталось. Однако никогда ни перед кем не склонял головы и открыто презирал каждого, кто относился к нему снисходительно, как к калеке.

— Значит, готовы? — удостоверился Афоня, обводя глазом пригревшихся женщин.

— Готовы, готовы! — за всех незлобиво буркнула Пушкариха и потянулась за лежавшими на кирпичике варежками.

Холодный рассвет застал обоз в пути. На востоке в туманной мгле сначала посветлело, а потом горизонт как-то разом ясно и широко открылся вишневым заревом.

Когда поднялись на Змеиную горку, Юлия быстро обернулась на село и замерла в радостном восторге: прямые, как колонны, розовые от зари дымы будто подпирали небо. Сколько в Красноаолье изб, столько и дымов. И все розовые!

Что-то детское, светлое и ликующее вдруг на минуту явилось к ней. Узнав впереди соловую Клавину лошадь, Юля поднялась на колени и звонко крикнула:

— Клаша, смотри-ка, дым-то какой!

— Вижу, вижу! — откликнулась Клавдия, тоже поднимаясь на колени, придерживаясь за облучок саней.

От этого минутного отдохновения, от внезапного прилива бодрости учащенно забилось сердце, просияли глаза и захотелось сделать что-то такое, чтобы всех удивить, одарить этой земной благодатью. Такое состояние было знакомо ей с детства. Проснешься утром в чулане, теплое солнышко бьет во все щели. Хоть как поворачивай голову, а от дымных лучей никуда не денешься. Юля не могла удержаться от смеха, хватала руками огненные лучи и, неловко замахиваясь через голову, как бы разбрасывала их по темным запыленным углам. Невесомая от счастья, непричесанная, босая, с припухлыми от сна глазами, бежала меж огородов к реке умываться, не забывая подарить ласковое слово всем, кто попадал навстречу: сердитому петуху с курами, самодовольным гусям, деду Филимону, притихшему над удилищами...

Но это где-то давно, в детстве. Тогда все было хорошо, все ясно, как звонкое, розовое утро. И сейчас можно жить, надо жить! Жить через войну, через все страдания, какие уготовила проклятая война. Ведь не только на свете Балухины и Прилепские, есть Клавдия Грачева, Афоня Говорухин, есть Гриша...

«Гриша, Гриша! Как же тебя встречу, скажу-то что?»

За лесом, за холмами поднялось в туманах багровое солнце с оранжевым венцом. «Солнце с ушами — быть морозу»,— вспомнила Юля верную примету и легла в санях, подбив под бок хрусткую солому. Ритмично постукивают об уезженную дорогу копыта, в тридевять голосов выпевают полозья. Под конский стук, под скрип полозьев подкрадываются тягучие, как безлюдная зимняя дорога, думы.

«Уверял, что Гриша не вернется, а ты поверила...»

Уткнулась в солому, провела по мокрым щекам рукавом.

После памятной грозовой ночи она как-то вся надломилась и почувствовала, что не осталось сил дальше сопротивляться. Работа, тоска, одиночество, бесконечные ожидания чего-то сплелись в один узел, в котором, сколько ни ищи, конца не найдешь. Этим не замедлил воспользоваться Прилепский. Он явился к Юле на следующую же ночь, уже совершенно уверенный, что она его не прогонит. И не ошибся. Вошел в дом похозяйски. Снял у порога фетровые бурки, положил на стол завернутую в газету булку хлеба и банку тушенки. Пока Юля готовила еду, расхаживал по горнице, изучая фотографии.

Тогда же и сказал: «А я ведь знал, был уверен, что ты будешь моей. И у живого Гришки отбил бы. Вот кончится война, заживем...».

И опять была угарная ночь. Прилепский не давал спать, бессовестно допытывался, как жила с Григорием, а когда наконец заснул, не могла уснуть сама. Юля смотрела в потолок и тяжело думала о том, как все-таки много еще в жизни подлецов. Раньше, с Гришей, она почему-то не замечала этого. Вот один из них лежит рядом в чистом белом белье и с грязной, пакостной душой. Лежит, спокойно похрапывает, добившийся своего, пресытившийся, бесконечно чужой.

Но больше всего угнетало собственное бессилие. Не могла Юля, ничего не могла поделать с собой! Закаивалась вытурить его в три шеи, нагрубить, накричать, но появлялся Прилепский, и она тут же сникала. Раненой птицей смотрела она на него, умоляла глазами оставить в покое, а он, властный и непреклонный, сминал ее в жестоких объятиях, удушливо целовал.

Устав от всего, Юля стала подумывать, что это ее судьба, ее рок, и уж готова была жить с нелюбимым человеком. Но Прилепский ждал конца войны...

В Краснополье одни откровенно ненавидели Юлю, другие сдержанно хихикали, третьи просто не здоровались. Дошло до того, что любого загулявшего мужика стали отпроваживать к искусительнице Юльке.

Конечно, свет не без добрых людей. Были и такие, которые старались как-то помочь. Клавдия Грачева сказала прямо: «Вот что, Юля. Ты хоть сейчас будь человеком — решительно порывай с Григорием и открыто живи с Прилепским. Как уж ты там объяснишься — твоя забота, но и так дальше нельзя».

«Радела» за Юлю и Секлетинья. Только опять же гнула в свою сторону:

— Ты богу, богу, касатка, молись. Он ведь, батюшко, вон где! — она поднимала перст к небу. — Все видит и рассудит все. Не ты первая грешница, не ты последняя. Приходи-ко вечерком ко мне, отец Фотий придет, научим, как быть. Беда-то, касатка, не по лесу ходит, а по людям...

Секлетинья не раз зазывала Юлю к себе, вежливо, потихоньку зазывала, обещала скорейшее избавление от греха и от «басурмана» тоже. Юля уже было поверила старухе, согласилась прийти на моление. Особенно засобиралась тогда, когда к немалому удивлению и испугу вытащила с водой из своего колодца маленькую лазоревую иконку с печальным ликом богородицы. «Господи!—уронила Юля ведро. — Откуда ей взяться тут?!»

Однако взяла иконку, огладила дрожащими ладонями, сунула в карман. Постояла с минуту, забежала в дом. «Неужто и верно, есть господь-бог, посылает мне прощение?» — билась тревожная, спасительная мысль. Все еще держала иконку в кармане, не смея вытащить, посмотреть, будто боялась быть уличенной в воровстве, и смятенно соображала: как она могла оказаться в колодезном ведре?

И тут вспомнила, точно проснулась: заходила накануне Секлетинья, капусты квашеной просила и все крутилась у колодца. Уж не она ли подбросила богородицу? А кому больше? Ведь только они с Фотием да заимковский отшельник дед Грахов обхаживают всех «падших», затягивают в свою общину. Догадка окончательно укрепилась, даже обидно сделалось, что никакое не «божье послание», а форменный обман, и к богомолке не пошла.

«Он уверял что Гриша не вернется, а ты поверила. Нет, неправда, никогда не верила! Иначе бы не писала письма, не изливала душу в эти треугольники. Сколько их намарала? Сотню, две? Но кому это нужно? Кто поверит, что думала о Грише? Жила как в тумане. Ждала все чего-то. И дождалась...

Скоро ли доедем?»

Афоня Говорухин, проваливаясь в снег, обошел огороженный, самый большой зарод с покосившимся стожаром, вытер шапкой лицо и сказал:

— С этого начнем!

Женщины быстро разобрали прясла, вилами и граблями околотили снег с верхушки стога. С разных сторон спятили лошадей так, что можно было без лишней переноски брать сено и укладывать на сани.

Распределив места, Афоня забрался на зарод и, захватив под локоть вилы, начал сталкивать сено на землю. В пору кошеное, мягкое, зеленое, оно упруго пенилось под ногами, обдавая запахами солнечного лета. Женщины укладывали его в воза. Сверху Афоне было видно лучше, и он время от времени подсказывал:

— Ну-ка, девка, добавь на угол. Вот так! А теперь навильничек в середку!

Работали споро, каждая на своем возу. Молчали. Лишь иногда Пушкариха вскрикивала на лошадь, когда та, подчистив брошенное ей сено, нетерпеливо дергалась в упряжи.

Юля разогрелась, сняла варежки. Потом совсем стало жарко — сбросила полушубок. Раскрасневшаяся, с заиндевелыми ресницами, запорошенная сеном, она подхватывала большие тяжелые пласты, поднимала над головой, с ветром швыряла в сани. Так было лучше — махать, махать и ни о чем не думать.

И потому, наверно, что не давала себе передышки, воз ее заметно прибывал. Глядя на нее, невольно нажимали остальные женщины.

Егоровна тоже сняла свое стеженое пальто. В мужском пиджаке, в ватных брюках, грузная и медлительная, она бросала сено вроде бы нехотя, с привычной последовательностью в каждом движении. О чем она думает? О сыне Ганьке, от которого с фронта вот уже полгода нет писем? А может быть, о Вовке, младшем сыне, оставленном сегодня без хлеба. Никто не знает, что у нее на душе. Не жалуется, не стонет, ничего не просит. Работает, сколько потребуется, всегда одинаково тихая, незаметная.

Хорошо продвигалось дело и у Клавдии Грачевой. Она не спешила, как Юля, но каждый навильник расчетливо и емко ложился на свое место. Воз у нее получался аккуратный, будто причесанный.

А Пушкариха устала. Худое лицо холодно поблескивало потом. Она жадно хватала ртом воздух, все чаще опиралась на вилы передохнуть. Отдышавшись, опять топталась вокруг саней, попеременно проклиная то Гитлера, то Афоню, то свою жизнь...

Юля уже вершила свой воз, когда Пушкариху окончательно прорвало:

— Ты чего размахалась?! Выслужиться хочешь? И так тебе две нормы запишут! Знаю ведь, зачем привадила его к дому!..

Больно кольнуло сердце, но Юля промолчала. С кем, с кем, а с Пушкарихой лучше не связываться. Да и орет она на нее от зла, от обиды. Хочет работать наравне со всеми, а не получается.

За Юлю вступилась Клавдия:

— Ты не шуми зря, отдохни сядь. Сейчас поможем.

— Ишь, помощники нашлись! Без вас обойдусь!

Егоровна осуждающе посмотрела на Пушкареву, подошла к ней.

— Полезай наверх, я подавать буду.

— Никуда я не полезу, отвяжитесь от меня! — все больше закипала Пушкариха.

Закончилась эта сцена, как всегда, слезами. Женщины дружно дометывали Пушкарихин воз, а она, всхлипывая и сморкаясь, жаловалась Афоне:

— Вот всю жизнь они надо мной изголяются! Уйду из бригады, уйду! Да если бы живой Алексей...

— Все? — строго спросил Афоня, дав Пушкаревой прореветься. — А теперь бери вилы. Слышишь?

Юля взяла топор и пошла в недальний лесок вырубить бастрык. Алмазной пылью искрился на полянах снег. Меж кустов и кочек петляли заячьи следы, по ним хищно кружили лисьи нарыски. Просвеченное солнцем березовое редколесье, прозрачное и легкое от зимней наготы, будто оторвалось от земли и парило в воздухе. В синем небе — ажурная вязь серебристых вершин, на синих снегах — узорные тени.

«Господи! — поразилась она, оглядевшись. — Где-то идет война, убивают людей, где-то изнывают бабы от своих бед, а тут тишь, покой, как на дне морском».

И опять только на секунду, лишь на одно мгновение пришло радостное озарение, мелькнуло, как падучая звездочка, и пропало. Все, что было дорого, чем жила до войны, приходило внезапно, на миг. Словно и эту земную благодать война разделила на пайки...

Юля выбрала тонкую ровную березку, отопала под ней снег. Занесла топор, но тут же опустила, прижалась щекой к холодной коре.

«Для кого жила последние два года? Для себя? Нет. Для Прилепского? Нет! Для кого же? Конечно, отдавала всю себя работе, шла, куда посылали, ни разу не прогуляла. Для фронта старалась, понимала время. Но ведь для фронта старались все! Этим и жили. Надеждой жили. А ты поверила Прилепскому...»

Юля оттолкнулась от дерева, с плеча рубанула по гулкому стволу.

Уже завечерело, когда обоз тронулся в обратный путь. Солнце клонилось к лесу, высветило заснеженные верхушки сосен.

Пока дорога была сносная, все женщины ехали на возах. Один Афоня ходулил пешим, высматривая впереди поудобней проезды. Он спешил засветло провести обоз через болото. Филимон Нестерович еще утром предупреждал, что в этой низине бьют какие-то теплые ключи, не замерзают и зимой, и беда лошади, если угодит в такое припорошенное снегом незастывшее «окошко».

Утром, порожняком, проехали благополучно, если не считать легкого испуга, когда Клавдина лошадь провалилась задними ногами, выбросив на талый снег пахучую грязь.

В этом месте Афоня остановил обоз.

— Ну-ка, девки, скатывайтесь! — скомандовал он.

Женщины неохотно стали спускаться с возов. Афоня долго ходил обочь, разгребая снег, прощупывая ногами каждую кочку. Затем взял переднюю лошадь под уздцы и осторожно повел в обход.

Диковатая кобыла Супротивная, вся белая от испарины, заупиралась, оскалила желтые зубы.

— Трогай, трогай, милая! — успокаивал Афоня, потягивая за узду. Женщины толкали воз сзади.

Кобыла нервно перебирала ногами, испуганно приседала, прядала ушами и вдруг резко и неожиданно рванула вперед. Афоня едва успел отскочить. Бухая копытами, как гирями, колесом выгнув шею, она поперла напропалую под разноголосое улюлюканье разбежавшихся женщин.

Беда подкараулила тогда, когда ее уже не ждали. Остался позади опасный гладкий пятачок с широким волоком от воза, ржавая отдушина под кочкой. За кустом багульника кобыла сделала последнее усилие, выдергивая воз на старый лед, но в этот момент под ней что-то треснуло, просело, и лошадь, заваливаясь на бок, повисла на оглоблях. Она запутывала сбрую, и чем больше билась, тем безнадежнее погружалась в смрадную трясину.

Женщины растерялись. Охая и взвизгивая, бегали вокруг.

— Бабы! Так вашу мать! — раздался отрезвляющий крик Афони. — Ребра лишние?! В стороны! Веревки сюда!

В двупалой руке бригадира уже был топор. Он стремительно подскочил к лошади, ловкими ударами пересек гужи, сшиб дугу, отбросил оглобли.

— Юлька, Клавка, распрягайте своих! Живо!

Тем временем кто-то сунул ему ременные вожжи, длинный конец пеньковки. Афоня, балансируя на оглобле, увертываясь от каруселившего копыта, продернул вожжи в хомут, а заодно поддел на удавку и копыто.

— Держите, — крикнул он, бросая концы.

Юля догадалась, для чего Афоне потребовались лошади, и, распрягая своего Серка, не стала снимать с него хомут. То же подсказала и Клавдии. Теперь они спешно привязывали брошенные концы за хомуты.

— Готово? Взяли! Давай, давай, удалые!

Лошади напряглись, захрапели от натуги и с паром, с грязью выволокли на кочки измучившуюся кобылу.

Бедолагу отвели на безопасное место, оскоблили с боков грязь, дали сена. Сами сели тут же, кто на кочку, кто на валежину, притихли. Афоня подошел к Юле, сплюнул сквозь зубы красную слюну и, подавая кисет, первый раз попросил:

— Ну-ка, девка, сверни мне цигарку. Рука что-то больно трясется...

Пока оттаскивали с «окна» воз, пока чинили упряжь и снова запрягали лошадей, совсем стемнело. Ночь будто подкралась, глухая, цепенеющая, с ростыми звездами в млечном небе. Женщины вздрогнули и разом обернулись, когда хлопнуло сведенное морозом дерево.

Выбирались из болота по сплошному кустовью — так надежнее. Где уж вовсе непролазно было, кусты вырубали, выстилали ими дорогу. Час рубили, десять минут ехали. Опять рубили, и опять по-черепашьи ползли вперед.

— Тише едешь — дальше будешь, — шутил Афоня, подбадривая вконец умотавшихся женщин.

Домой вернулись в полночь. Сено не стали сваливать, кое-как распрягли лошадей и молча разбрелись. Пройдет совсем немного времени, не успеешь забыться от ломоты в руках, как Афоня сызнова постучит культей в промерзшую раму и глухо крикнет:

— Девки! Выходи строиться-а!

БАРАБАН ГНЕВА

А. ЛИПКОВ

Когда говорят «индийское кино», обычно приходят на память душещипательные мелодрамы с обильными песнями и танцами, старинные легенды, разыгранные в пышных декорациях одетыми в шелка и парчу актерами, комедии, приглашающие зрителей посмеяться над чудачествами честных, простодушных бедняков и над спесивым высокомерием глупых богачей. Да, таких фильмов немало, но все же не они определяют лицо индийского кино.

Параллельно этому убаюкивающему кинематографу существует другой — страстный, искренний, не боящийся показывать жизнь со всеми ее горестями и невзгодами, с реальными человеческими характерами и судьбами, кинематограф, умеющий в суровой реальности находить свет и надежду, веру в завтрашний день. К числу таких, пока еще немногочисленных работ, принадлежит недавно созданный в Карнатике на языке каннара фильм дебютанта в кинематографе, в прошлом театрального режиссера Б. В. Каранта «Барабан Чомы». Его события возвращают нас в не столь давние времена колониальной Индии — страны, разделенной барьерами каст и религий.

Герой картины — немолодой уже крестьянин Чома находится в самом низу кастовой лестницы: он неприкасаемый. Всю свою жизнь мечтал крестьянин о собственном клочке земли, но помещик всякий раз отказывался дать ему в аренду участок: где это видано, чтобы неприкасаемые возделывали землю! «Зачем тебе земля, пойди лучше в винную лавку — вино сделает тебя счастливым». И Чома привычно шел, пил, бранил хозяина лавки за то, что тот наливает так мало вина, — даже здесь неприкасаемых считают людьми низшего сорта.

Авторы фильма не собираются поддерживать в своих зрителях столь привычную для коммерческого кинематографа (не только индийского) иллюзию о бедности, якобы приносящей счастье, делающей человека лучше, добрее, человечнее. Нищета не облагородила Чому — он озлобился, стал резким, неуживчивым, вспыльчивым. Он не хочет расстаться с упрямой надеждой стать хозяином своего клочка земли, и это упрямство тоже не приносит ему счастья.

Впрочем, и для Чомы имеется реальный путь осуществить свою мечту. В соседнем селе есть церковь, владеющая большими землями. Священник готов дать надел Чоме — для этого нужно только принять христианство. Так, кстати, уже поступили многие из неприкасаемых. Но Чома не может изменить вере отцов, вере, которая лично ему не принесла ничего, кроме нищеты и отверженности...

События фильма развиваются неторопливо, медлительно, с неумолимостью приближая героя к краху.

Приходит Иммануэль — агент владельца кофейных плантаций. Несколько лет назад Чома ходил туда на заработки, но в итоге лишь остался должен плантатору. Нужно либо вернуть двадцать рупий, либо идти их отрабатывать. Долг можно погасить, если продать быков — единственное богатство, которым владеет Чома. Но тогда надо навсегда проститься с мечтой о своей земле. Старшие сыновья Чомы уходят на плантации. Возвращается только один, уже смертельно больной, скошенный малярией. Он рассказывает отцу, что другой брат женился на христианке. Теперь у него дом и своя земля, но для отца он навсегда потерян. А долг по-прежнему так и не отработан.

Помещик велит Чоме привести быков на свое поле. Чома обещает, но сам знает: этого никогда не будет. Не для того он растил своих быков, чтобы они работали на чужой земле. И он яростно хлещет животных плетью — пока не затянутся рубцы, они не смогут ходить под плугом... По весне снова приходит агент плантатора звать на отработки. Но идти уже некому, а сам Чома слишком стар, чтобы работать на плантации. Вместо него идет дочь Белли, прихватив с собой младшего брата Нилу.

И для нее эта поездка оказывается безрадостной. Младший брат болеет, мечется в лихорадке, его нельзя оставлять надолго, а значит, и ей не удастся погасить долг. Агент плантатора добр к ней — устраивает ее работать у себя по дому, тут она сможет заработать чуть больше. Однако доброта Иммануэля небескорыстна. Белли понимает это, но сил противиться у нее нет. Не противится она и позже, когда он отводит ее в дом плантатора-англичанина — тот тоже обратил внимание на красоту девушки. Теперь Белли может заплатить долг и вернуться домой. Чома счастлив, он не подозревает, какой ценой уплачено за это...

И вот случилась беда: Нила упал в пруд и стал тонуть. Кто-то пытался броситься ему на помощь. Его остановили: разве можно касаться неприкасаемого. Когда мальчика все же вытащили, — он был мертв. Чома окаменел от горя. Все померкло, потеряло смысл для него. Он даже почти готов принять христианство, лишь бы сохранить быков для своего поля. С этим намерением старый крестьянин отправляется в ближнюю деревню, где живет его блудный сын, изменивший вере отцов, и живет, по слухам, безбедно.

По дороге Чома останавливается возле храма божества Панчжурли. Клыкастая кабанья морда идола смотрит зло, в упор. Слышится суровый голос: «Неужели ты покинешь меня, неужели изменишь религии предков, которой всегда был верен прежде. Ты погибнешь в мучениях, если решишься на это». И Чома покорно склоняется перед раскрашенным идолом. Он возвращается домой. А там, воспользовавшись его отсутствием, к Белли пришел агент плантатора. Она, покорная всему, не смогла не пустить его к себе, не упрекнула даже его за предательство, за то, что он, как вещь, продал ее своему хозяину.

Застав их вместе, Чома понимает все — и то, что было в прошлом, и то, что ждет в будущем. Его надежды на замужество дочери рухнули. Ночью он выгоняет своих быков на свободу, ломает плуг, бросает в огонь его обломки. Все кончено...

Чома берет свой барабан — для него это больше, чем просто музыкальный инструмент, это самый близкий, единственный друг, которому можно доверить все, чем полна душа, излить радость и горе, надежду и отчаяние. Не раз на протяжении фильма он бьет в свой барабан: и в день праздника, радостно глядя на танцующих вокруг огня сыновей, и оплакивая их, потерянных навсегда. И сейчас снова гулкие удары барабана точно изливают весь накопившийся в душе гнев. Внезапно удары оборвались — оборвалась жизнь. Выпавший из рук барабан катится по земле...

Наверное, не случайно авторы назвали картину «Барабан Чомы». Герой покорно встретил и вынес все удары судьбы, не умея восстать против выпавших на его долю унижений и несправедливости. Но все, чего не сумел сказать он сам, выразилось в музыке его барабана. Полная ярости и возмущения, она рассказала о судьбе, надеждах, жажде человеческих прав и самого Чомы и миллионов других, таких же обездоленных, как и он.

НОВОЙ ЖИЗНИ

СТРОИТЕЛЬСТВО

В странах социализма

А. БЕЛЕЦКАЯ,
кандидат исторических наук

● В апреле 1975 года полным уничтожением созданного США марионеточного режима завершилась борьба за освобождение южной части Вьетнама. С завоеванием независимости и свободы в истории вьетнамского народа наступила новая эра. Победа над агрессорами и их приспешниками привела к объединению страны на социалистических началах: 2 июля 1976 года была провозглашена Социалистическая Республика Вьетнам.

С момента образования Коммунистической партии Индокитая (1930 г.) для политики вьетнамских коммунистов всегда было характерно уважение религиозных чувств верующих всех вероисповеданий и стремление вовлечь их в борьбу за общенациональные интересы. У коммунистов Вьетнама большой опыт борьбы за создание единого национального фронта. Начиная с 1936 года они поочередно возглавляли Антиимпериалистический фронт Индокитая, Демократический фронт Индокитая, Лигу борьбы за независимость Вьетнама (Фронт Вьетминь), Национальный союз вьетнамского народа (Фронт Льен-Вьет), Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, Отечественный фронт Вьетнама. Их программы отвечали интересам масс, способствовали вовлечению в национально-освободительную борьбу всех патриотов независимо от религиозных убеждений, национальности и социального положения.

IV съезд Коммунистической партии Вьетнама (декабрь 1976 г.) определил и ее политику по отношению к религии и церкви в условиях, когда его народ с помощью прогрессивных сил мира одержал победу над американским империализмом и осуществил воссоединение юга с севером. Как и прежде, эта политика «заключается в уважении свободы вероисповедания, в уважении права каждого гражданина быть верующим или атеистом, в равном отношении с юридической точки зрения ко всем религиям, в сплочении всех патриотических и прогрессивно настроенных представителей любой религии для совместного строительства и защиты страны, для борьбы против использования религии в ущерб интересам Родины, народа, дела социалистического строительства».

Во Вьетнаме распространены в основном буддизм и христианство (преимущественно католицизм). Значительны и следы более ранних верований — тотемизма, фетишизма и анимизма. На мировоззрение вьетнамского общества в прошлом сильное влияние оказало и конфуцианство, господствовавшее в соседнем Китае.

Южная ветвь буддизма — хинаяна, то есть «малая колесница», или «узкий путь» спасения, проникла на юг страны в начале нашей эры из Индии. А в VI—IX веках во Вьетнаме распространилась северная ветвь буддизма — махаяна, то есть «большая колесница», или «широкий путь» спасения. Она стала основной религией значительной части населения страны.

Буддизм во Вьетнаме не столько призывал к уходу от общественной жизни и религиозному подвижничеству, сколько освящал своим авторитетом положение и роль правящего класса, сулил достижение идеальной гармонии на земле. Впитав в себя многие народные идеи и представления, буддизм принял отчетливо выраженную национальную окраску, обеспечившую ему широкое и длительное влияние.

Конфуцианство с его развитым культом предков и обожествлением монархов проповедовало в качестве высших добродетелей безоговорочную верность правителю, подчинение младшего старшему, соблюдение социальной иерархии и этикета. С XV века оно стало официальной доктриной феодального режима. Конфуцианской этике были присущи крайний социальный консерватизм и жесткий формализм. Вся общественная иерархия держалась на принципе верноподданничества, и бунт против государя считался не только политическим, но и религиозным преступлением. Конфуцианская мораль внушала презрение к труду, возводила покорность в главную добродетель, воспитывала пренебрежение к простым людям, к массам.

Первые католические центры во Вьетнаме возникли в XVII столетии, причем миссионеры здесь были прямыми соучастниками колониальных захватов. После официального установления французского господства (1885 г.) принадлежность к христианству стала показателем лояльного отношения к колониальным властям, открывала возможность получить европейское образование, подняться по ступеням служебной лестницы. Как в колониальный, так и в неоколониальный период эта религия стояла на страже интересов империалистов и их опоры — феодалов и компрадоров.

Наряду с перечисленными конфессиями во Вьетнаме, главным образом на юге, встречаются и синкретические (смешанные) культы. Это политико-религиозные секты Каодай (Верховный дворец) и Хоахао (Мир и дружба), возникшие в 20—30-х годах нашего века в обстановке ломки старых феодальных воззрений и усиления террора колониальных властей, направленного на по-

давление национально-освободительного движения. Сторонники этих течений считали христианство религией угнетателей, которые-де «испортили», «исказили» эту веру. В противовес ей сектанты проповедовали «истинное» вероучение, представлявшее собой эклектическое переплетение различных религий и местных культов.

Каодаизм представляет собой соединение элементов различных религий и культов с символом веры в «око господне», которое якобы привиделось его родоначальнику колониальному чиновнику Нгуену Ван Тиеу в 1919 году. В 1926 году организатором этой секты стал торговец Ле Ван Чун. В основе его вероучения лежит проповедь могущества «ока всевидящего божества», которое-де поощряет «любовь, мир и правду». Структура секты строго централизована и построена по образцу католической церкви. На севере Вьетнама каодаизм почти не встречается. Резиденция каодаистского «папы» находилась в древней столице страны г. Хюэ. Из-за волны террора и гонений на каодаистов со стороны колонизаторов они перешли на полулегальное положение и перенесли свой центр в провинцию Тэйнинь. Во время войны с французскими колонизаторами (1945—1954 гг.), которые пытались подкупить лидеров секты Каодай, большинство ее последователей отмежевались от них и создали автономную военную зону.

Секта Хоахао возникла в 1939 году в дельте реки Меконг под руководством сына деревенского старосты Хюинь Фу Шо. Она проповедовала «чистый буддизм», призывала упростить обряды, отказаться от величественных храмов, дорогостоящих жертвоприношений, привычек и страстей, разрушающих тело и развращающих душу. Хоахао быстро стала ощутимой политической силой среди крестьян и ремесленников юга страны. Французские колонизаторы и американские империалисты стремились расколоть сторонников этой секты, тайно снабжали их оружием. В результате в некоторых южных провинциях в начале 50-х годов возникли отдельные очаги «автономной власти Хоахао», чьи вооруженные отряды боролись как против колонизаторов, так и против революционных сил. Однако большинство последователей секты, понимая гибельность такого курса, постепенно отмежевались от своей верхушки.

Срыв США Женевских соглашений 1954 года, подписанных после поражения французских колонизаторов, привел к расколу страны и установлению в ее южной части сепаратного проамериканского диктаторского режима. На севере страны, в Демократической Республике Вьетнам (ДРВ), все население, в том числе верующие, активно включилось в строительство основ социализма, а затем и в борьбу против американского империализма, за объединение страны. С первых дней революции все религиозные организации были отделены от государства. Народная власть пресекала любые попытки использовать религию в контрреволюционных целях. Конституции ДРВ 1946 и 1960 годов гарантировали свободу вероисповедания. Контроль за соблюдением принципов свободы совести был возложен на Комиссию по вопросам религии при Национальном собрании.

На юге страны, в условиях господства марионеточной администрации и открытой агрессии со

Учиться всегда и везде — один из заветов Хо Ши Мина. Молодежь помогает крестьянам.

стороны США, в борьбу за мир, демократию, национальную независимость, за переговоры с ДРВ и революционными силами юга страны втягивались различные слои населения. Возглавленному коммунистами Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама (НФО ЮВ, создан в 1960 г.) удалось сплотить под своими знаменами представителей различных классов и групп независимо от их отношения к религии.

НФО ЮВ с самого начала своей деятельности создавал патриотические организации, в особенности среди буддистов, составлявших на юге значительное большинство населения. Так, в 1961 году в дельте Меконга была создана ассоциация буддистов-патриотов. Нередко буддистские пагоды становились центрами движения Сопротивления в городах. В 1963—1965 годах буддисты выступали против диктаторского режима, а после перехода США к массовой интервенции их движение приобрело антивоенный характер. Свой протест против агрессии и «грязной войны» буддистские священнослужители часто выражали в актах самосожжения. Согласно их учению, они тем самым приносили величайшую жертву на алтарь справедливости. Но в целом южновьетнамские буддисты пытались играть роль промежуточной третьей силы между двумя основными политическими факторами — НФО ЮВ и сайгонским марионеточным режимом.

Как уже говорилось, католики в колониальный период занимали в Индокитае привилегированное

положение в обществе по сравнению с последователями других религий. Не удивительно поэтому, что как в годы войны с французами, так и во время американского господства в южной части Вьетнама они представляли собой наиболее реакционную силу (большинство их перебрались туда после раскола страны в 1954 г.). По совету американского кардинала Спэллмана «президент» марионеточного режима Нго Динь Зьем в период своего правления (1954—1963 гг.), чтобы противостоять влиянию революционной идеологии, провозгласил католицизм официальной религией. Продолжая эту линию, его преемники, в особенности Нгуен Ван Тхиеу (тоже католик), однако, поддерживали и консервативных буддистских лидеров, стремясь оторвать массы от патриотического крыла буддизма.

Но со временем острые социальные противоречия постепенно пробудили к политической активности и многих католиков. Поэтому их реакционным духовным пастырям приходилось маскировать или «подслащивать» свою антинациональную политику. Среди католиков на юге страны в те годы, когда там господствовал марионеточный режим, выделилось три течения: крайне реакционное, полностью поддерживавшее американских ставленников; умеренное во главе с архиепископом Сайгона Нгуен Ван Бинем, выступавшее против коррупции и за прекращение войны; и, наконец, прогрессивное, включавшее некоторые организации (например, Комитет за улучшение тюремного режима), боровшиеся против американской агрессии, за мир и переговоры с НФО ЮВ, против диктатуры и за проведение всеобщих выборов. В 1974 году большинство католических священников открыто выступили против коррупции, процветавшей в южновьетнамской администрации. Накануне краха марионеточного режима архиепископ Сайгона Нгуен Ван Бинь обратился с призывами к его главе отказаться от власти, а к католикам — не покидать страну.

Оперный театр в столице СРВ Ханое.

Фрунтовая лавка в Хошимине.
Фото из журнала «Вьетнам» и С. Петрухина.

Одна из пагод в крупнейшем городе СРВ Хошимине.

В годы борьбы против американской агрессии большинство каодаистов стояли на пацифистских позициях, выступали за мирное сосуществование и прекращение войны. А одна из ветвей этой секты — группа Тиен Тхиен — даже стала активным членом НФО ЮВ. В апреле 1974 года многие приверженцы Хоахао также открыто выступили против сайгонской администрации, требуя от нее признания демократии, свободы и равенства религий.

В наши дни традиционная для вьетнамцев веротерпимость (в стране никогда не было религиозных войн) облегчает сплочение всего народа на претворение в жизнь решений IV съезда КПВ.

Историческая победа вьетнамского народа положила начало вовлечению в новую жизнь тех религиозных организаций, которые выступали против марионеточного режима, но были настроены антикоммунистически. В августе 1975 года в Сайгоне состоялся съезд буддистов, заменивший руководство Объединенной буддистской церкви, которое пользовалось поддержкой марионеточных властей. Он избрал главой вьетнамских буддистов

Тхить Минь Нгуета, который 15 лет был узником марионеточного режима.

Большинство католического духовенства во Вьетнаме тоже стремится приспособиться к новым условиям. Кстати, и папа Павел VI в свое время неоднократно выступал за прекращение преступной агрессии американского империализма во Вьетнаме. После освобождения юга страны апостолический делегат Ватикана Анри Лемэтр вынужден был покинуть Сайгон в результате протестов левых католиков, обвинявших его в чрезмерной близости к марионеточному режиму. Однако предстоит еще длительный процесс вовлечения в строительство социализма членов различных религиозных групп, боровшихся за независимость. Эту задачу Коммунистическая партия возложила на Отечественный фронт Вьетнама.

Создание новой экономики и культуры идет сейчас во Вьетнаме рука об руку с искоренением социальных пороков и с проведением в жизнь новой, социалистической этики, основанной на принципах марксизма-ленинизма. Эта этика, отмечал вице-президент Комитета общественных наук СРВ Ву Кхиеу, призывает бороться с малейшим проявлением авторитаризма и бюрократизма в революционных рядах, с недобросовестностью и расточительством, но при этом новая этика не имеет ничего общего ни с религиозным аскетизмом, ни с конфуцианской доктриной. IV съезд КПВ детально рассмотрел проблему формирования нового человека, его моральных качеств. Съезд отметил, что новая мораль неизбежно станет побудительной силой дальнейшего социалистического прогресса[1].

Хотя большинство верующих на юге страны уже активно включились в осуществление коренных преобразований, народной власти все же пришлось привлечь к уголовной ответственности некоторых религиозных руководителей. Однако они были осуждены не за свою веру, а за контрреволюционную деятельность. Среди них, в частности, оказался один видный буддистский бонза и несколько католических священников.

Верующие в СРВ продолжают беспрепятственно посещать храмы и освобождаются от работы (без сохранения содержания) в дни религиозных праздников.

За короткий период со дня освобождения южной части страны там были осуществлены широкие общедемократические преобразования, ведется социалистическая перестройка общества. Создана и укреплена революционная власть на всех уровнях. К концу 1976 года был в основном ликвидирован класс компрадорской буржуазии, а принадлежавшие ей торговые и промышленные предприятия национализированы. Осуществляются меры по вовлечению мелких производителей и кустарей в кооперацию. Многие южные провинции уже покончили с остатками феодальной эксплуатации, земледельцы вступают в крестьянские союзы, широко внедряются коллективные формы труда.

Благодаря всем этим успехам, достигнутым в ходе консолидации вьетнамского общества всего лишь за три года после его воссоединения, задачи, выдвинутые IV съездом КПВ, планы подъема и развития народного хозяйства в 1976—1980 годах ныне стали подлинно общенародной программой.

Весной прошлого года началось преобразование частнокапиталистической торговли и перевод коммерсантов в сферу производства. Как известно, маоисты подняли провокационную шумиху вокруг этой акции, объявив ее «дискриминацией» лиц китайской национальности. Пекинские руководители используют это обстоятельство для вмешательства во внутренние дела СРВ. Другим оружием великодержавной экспансионистской политики Пекина была ныне свергнутая кампучийским народом контрреволюционная клика Пол Пота — Иенг Сари, развязавшая при прямом подстрекательстве и содействии правящих кругов Китая агрессивные провокации против единого социалистического Вьетнама, в котором те видят преграду на пути своих гегемонистских устремлений в Юго-Восточной Азии.

Твердая миролюбивая политика СРВ снискала ей заслуженный авторитет на международной арене. Логичным продолжением тесных связей объединенного Вьетнама с социалистическим содружеством стало его вступление в СЭВ и заключение Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ (ноябрь 1978 г.). Подписание этого договора и ряда экономических соглашений — крупнейшее событие в политической жизни двух стран. В речи на обеде, устроенном в Москве в честь партийно-правительственной делегации Вьетнама, Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан сказал, что революционные победы, одержанные вьетнамским народом под руководством Коммунистической партии, представляют собой не только результат его собственных усилий, но и продукт всей современной эпохи. Своими истоками эти победы уходят в великую победу Октябрьской революции и неразрывно связаны с героическим подвигом советского народа в войне против фашизма, с образованием мировой социалистической системы[2].

В условиях непрекращающихся агрессивных действий маоистов, пытающихся нарушить мирный созидательный труд вьетнамского народа, интернациональная помощь и поддержка, которые ему оказывают первое в мире социалистическое государство и другие братские страны, играют первостепенную роль. В то трудное для Вьетнама время, когда превосходящие китайские силы, грубо поправ элементарные международноправовые нормы, открыто вторглись на его многострадальную землю, товарищ Л. И. Брежнев серьезно предостерег зарвавшихся пекинских милитаристов: «Ни у кого не должно быть сомнений: Договору о дружбе и сотрудничестве, связывающему наши страны, Советский Союз верен»[3]. Как известно, маоисты натолкнулись на стойкое сопротивление свободолюбивого вьетнамского народа, поддержанного всем социалистическим содружеством. «Отпор, который дали интервентам героические сыны и дочери Вьетнама, — отметил Л. И. Брежнев, — вновь показал, что силу народа, сплоченного вокруг партии коммунистов, идущего под знаменем социализма вместе с братскими социалистическими странами, — эту силу не сломить никакому агрессору!»[4].

---

[1] См.: Ву Кхиеу. Социализм и новая этика во Вьетнаме. «Азия и Африка сегодня», 1978, № 11, стр. 20, 21.
[2] См.: «Правда», 4 ноября 1978 г.
[3] «Правда», 3 марта 1979 г.
[4] «Правда», 7 марта 1979 г.

За рубежом

Читатели С. О. Мустафин (г. Мелеуз, Башкирская АССР) и М. И. Пышкин (г. Знаменка, Крымская область) просят подробнее рассказать о трагедии, разыгравшейся в конце прошлого года в джунглях небольшой южноамериканской республики Гайаны, действующими лицами которой оказались прибывшие из США последователи секты «Народный храм». Идя навстречу этим пожеланиям, публикуем статью журналиста-международника Л. БОРИСОГЛЕБСКОГО, написанную по материалам американской прессы.

В КОНЦЕ прошлого года весь мир был потрясен кошмарной трагедией в джунглях Гайаны (Южная Америка), унесшей 914 жизней, в том числе около 200 детских. Нескольким десяткам людей удалось спастись от принудительного самоубийства, а что касается детей, да и многих взрослых,— просто убийства. Обнаружены, кроме того, магнитофонные ленты с записью голоса вожака секты «Пиплз тэмпл» («Народный храм») Джимми Джонса, отчаянного крика детей и выстрелов. Благодаря этому стали известны многие подробности кровавой бойни в поселке Джонстаун (то есть Джонсоград).

Пусть простят мне читатели чересчур обширную цитату из американского еженедельника «Ньюсуик», но она дает представление об этом чудовищном акте изуверского фанатизма.

«— Тревога! Тревога! Тревога! Всем собраться у центрального павильона!— гремел в громкоговорителях голос «преподобного» Джонса, созывавшего свою паству на последнее собрание.— Все примем смерть! — вопил он.— Если вы любите меня столь же сильно, сколь я люблю вас, то все умрем или же будем сломлены внешней силой. Третьего не дано.

Матери прижимали к себе детей.

— В чем они-то виноваты? — вырвалось у одной из них.

— Опомнитесь! — крикнула другая.

— Поздно!— ответствовал Джонс. — Через час мы встретимся на том свете.

И он велел своей «медицинской» команде принести металлические корыта с ядовитым зельем — прохладительным напитком «кулэйд», к которому по его приказу был подмешан цианистый калий.

— Сперва давайте детей!— скомандовал Джонс.

Огромную толпу его приверженцев оцепили подручные вожака, вооруженные винтовками, пистолетами и даже луками. Некоторые семьи добровольно двинулись к корытам. Другие медлили, и тогда зашевелились стражники. Они вырывали ребят у непокорных матерей и передавали их медицинской сестре, которая разжимала им зубы и вливала в рот яд. Охранник ткнул стволом ружья в ребра Роллет Пол, крепко прижавшей к себе годовалого сына. «Глупая сука,— крикнул он,— лучше делай, что приказано, или хуже будет». Слезы градом катились по ее лицу, но она влила яд в рот собственного ребенка — и тот немедленно расплакался и забился в конвульсиях...

Многие покорно шли к лоханям с ядом и черпали бумажными стаканчиками смертоносную жидкость. «Мы все падем сегодня, но он (то есть бог) поднимет нас завтра!» — сказал кто-то из этих людей. Один старик яростно сопротивлялся. Его швырнули наземь, раздвинули челюсти и влили в глотку стаканчик ядовитой жидкости. В громкоговорителях раздался голос Джонса: «Пришло время умереть с достоинством!»

Охрана заставляла принявших зелье ложиться рядами на землю лицом вниз. Ложились семьями, сплетая руки в предсмертных объятиях. Вскоре отравленные начали корчиться от удушья и рвоты, изо рта и носа у них пошла кровь.

Восседая на своеобразном троне на высоких подмостках, Джимми Джонс воскликнул: «Я верен, я верен!» Затем раздался выстрел, и 46-летний вожак секты замертво свалился со своего импровизированного трона».

Корреспондент другого американского журнала, «Тайм», начал свой репортаж об этой трагедии с картины, открывшейся ему с борта вертолета.

«Огромное центральное здание,— писал он,— окружено чем-то ярким, очень похожим на стоянку автомашин. Когда же вертолет опустился ниже, стало видно, что это груда человеческих тел. Ряд за рядом сотни тел, одетых в красные платья, голубые мужские рубашки, зеленые куртки, синие джинсы, розовые блузки, детские джемперы. Супружеские пары со сплетенными руками, дети, обхватившие родителей. И никакого движения. Лишь белье полоскалось на ветру. А кругом — недавно вспаханные поля, банановые рощи и виноградники».

Как сообщают американские газеты, осмотр тел погибших в Гайане сектантов показал, что по меньшей мере у 70 жертв были обнаружены свежие следы инъекций цианистого калия — они были умерщвлены, а не покончили с собой... Тело самого инициатора этого изуверского массового действа, Джонса, тоже было найдено: он лежал у своего деревянного алтаря-трона с простреленной головой. Но вот что странно: отпечатки пальцев трупа не совпали с теми, которые хранились в ФБР. Несколько спасенных беглецов подтвердили, что у их вожака были специальные телохранители-двойники — так что найденное возле алтаря тело с обезображенным от выстрела лицом вполне могло принадлежать одному из них. В таком случае вовсе не исключено, что глава «Народного храма» сумел скрыться и ныне затаился где-нибудь в ожидании «лучших времен».

Одна из немногих оставшихся в живых жертв Дж. Джонса.

Из таких вот лоханей последователи Дж. Джонса по его команде черпали ядовитое пойло.

Кто же он такой, этот человек, решившийся на массовое истребление своих единомышленников, и что это за секта «Народный храм»?

Джим Джонс, информирует журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», вырос в городке Линн (штат Индиана), где силен был Ку-клукс-клан и негры не отваживались показываться на улицах после захода солнца. В жилах его отца текла индейская кровь, работал он на железной дороге и был членом Ку-клукс-клана. Но его сын стал противником расизма. После учебы в университете родного штата и в библейской школе он был посвящен в духовный сан и одновременно занялся адвокатской практикой, защищая гражданские права негров.

Основав в г. Индианаполисе небольшую религиозную общину, Джонс затем отправился на два года миссионером в Бразилию, а вернувшись оттуда, стал проповедовать утопическое равенство в условиях капиталистического общества. Он занимался и благотворительной деятельностью, организовывал антирасистские демонстрации. Число его последователей тем временем рос-

ло, но власти штата Индиана начали их преследовать, и тогда — это было в 60-е годы — около сотни из них перебрались в Северную Калифорнию, где в отдаленном горном районе Редвуд Вэлли они основали поселение, которое и положило начало секте «Народный храм».

В нее потянулись разные люди — большинство из них были негры, представители других национальных меньшинств и прочие изгои американского «общества потребления» — люди, так сказать, оказавшиеся за бортом. Среди них было немало выходцев из интеллигенции и буржуазии, особенно молодежи, разочарованной духовной нищетой современной Америки. В то же время в секту затесались и всякого рода уголовные элементы, наркоманы и проститутки, которым Джонс обещал «новую жизнь».

Секта разрасталась, одно время в ней состояло около 20 тысяч человек, примыкали к ней и некоторые из тех недовольных американцев, кто искал социального, экономического, расового равенства и справедливости, и даже кое-кто из тех, кто участвовал в борьбе за гражданские права, против грязной войны во Вьетнаме, за мир и сокращение военных расходов, кто требовал прекращения травли негритянских лидеров, в том числе и Анджелы Дэвис, разоблачения подлинных убийц Мартина Лютера Кинга.

Когда в 1970 году Дж. Джонс и его последователи обосновались в Сан-Франциско, правящая элита Калифорнии не замедлила использовать в своих политических целях влияние «Народного храма», чтобы заполучить на выборах голоса бедняков, «цветных» и молодежи. Тогда у «преподобного» Джонса появились крупные денежные средства и дорогие автомашины. Он установил тесные связи с губернатором штата Эдмундом Брауном, мэром Лос-Анджелеса Брэдли и другими влиятельными лицами. Роковой оказалась дружба с Джонсом для мэра Сан-Франциско Джорджа Москона, который был застрелен в своем служебном кабинете через несколько дней после трагедии в Гайане. Американская печать высказывает полную уверенность в том, что эти события взаимосвязаны.

В период президентских выборов 1976 года вожак «Народного храма» поддерживал кандидатуру Дж. Картера на пост президента и даже встречался с его женой Розалиндой, когда та приезжала в Сан-Франциско в ходе избирательной кампании. В 1977 году супруга президента направила Джонсу короткое, но теплое письмо, фотокопию которого воспроизвели многие американские газеты после кровавого кошмара в Джонстауне. О «христианской деятельности» Джонса с похвалой отзывались и такие высокопоставленные политические деятели США, как вице-президент Дж. Мондейл и сенатор Г. Джексон.

Успех вскружил голову новоявленному «пророку». Возомнив себя непререкаемым владыкой всех доверившихся ему людей, он требовал от них безоговорочного повиновения, угрожал ослушникам расправой. В секте возник раскол. Некоторые из «смутьянов» обратились с жалобами к окружному прокурору, и тот начал следствие против Джонса. Последний, не дожидаясь, когда его привлекут к ответственности, счел за благо в 1976 году перебраться в джунгли Гайаны, куда за ним последовали в общей сложности около тысячи человек.

Гайанские власти охотно разрешили переселенцам создать сельскохозяйственную коммуну Джонстаун. Немалую роль в этом сыграли представленные Джонсом рекомендательные письма от 39 американских сенаторов, включая Г. Хэмфри, Дж. Мондейла и Г. Джексона.

Судя по всему, здесь, в Гайане, у Джонса началось тяжелое психическое расстройство. Он создал нечто вроде концентрационного лагеря, охраняемого бандой вооруженных фанатиков-наркоманов. Что касается оружия и наркотиков, то они, видимо, не без участия ЦРУ, доставлялись контрабандой из Соединенных Штатов. Располагая огромными средствами (по данным американской прессы, в Джонстауне после описанной трагедии было обнаружено более трех миллионов долларов наличными и значительное количество золота, а в банках Швейцарии, Панамы и других стран Джонс имел секретные вклады по меньшей мере еще на 10 миллионов долларов), вожак «Народного храма» держал своих рабов буквально впроголодь.

Непосредственным толчком к дальнейшим событиям послужил приезд в Гайану американского конгрессмена Лео Райэна, который хотел выяснить, действительно ли из секты невозможно вырваться. Он захватил с собой корреспондентов телевизионной компании Эн-Би-Си и сан-францисских газет. Кстати, среди них был и автор книги о заговоре, жертвой которого стал президент Кеннеди,— Марк Лейн. Сперва все шло, казалось бы, нормально: группу Райэна допустили в Джонстаун, устроили в ее честь обед и концерт, с конгрессменом и его спутниками беседовал Джонс.

На следующий день конгрессмен и его спутники уехали в Порт-Кайтума, где их ожидали два самолета. Вместе с ними направились несколько сектантов, пожелавших оставить Джонстаун. Но когда все они уже садились в самолет, один из беженцев открыл огонь по своим собратьям, ранив двух человек. Затем на взлетно-посадочной полосе появился посланный Джонсом трактор с прицепом, с которого спрыгнули его охранники, открывшие огонь по Райэну и его спутникам. Конгрессмен, трое корреспондентов и одна сектантка были убиты, 10 человек ранены. Репортер Эн-Би-Си крутил съемочную камеру, пока его не настигла пуля, и потом эта пленка демонстрировалась по американскому телевидению. А каким-то чудом оставшийся в живых Марк Лейн описал потом этот кровавый пролог массовой трагедии, разыгравшейся в джунглях Гайаны.

После того как посланные вдогонку за Райэном охранники вернулись в Джонстаун, вожак, предвидя неминуемое возмездие за расправу, учиненную по его приказу над Райэном и его спутниками, и другие злодеяния, в своем непомерном тщеславии принял решение уйти из жизни не в одиночку, а, подобно египетским фараонам, вместе со своим окружением.

По словам уцелевших членов «Народного храма», Джонс не раз проводил репетиции массового самоубийства — так называемые «Белые ночи», когда он принуждал людей пить напиток, в котором, как он им тогда говорил, содержался яд. Подобным образом вожак дрессировал своих приверженцев, готовя их к дружному, покорному «уходу в лучший мир», где тех, кто принес такую величайшую жертву богу, якобы ждало райское блаженство, царство вечной справедливости, мира и изобилия. А саму подготавливаемую им изуверскую, жуткую акцию Джонс напыщенно именовал «Белым рыцарем».

Рассказы его бывших последователей, попавшие на страницы американской прессы, дают представление о том, как в омуте хваленого «американского образа жизни» с его духовной нищетой, расизмом, бесчеловечностью и равнодушием к людскому горю всплывают на поверхность такие зловещие сообщества, как «Народный храм».

Джонс начал свою духовную карьеру в методистской церкви, но вскоре разочаровался в ней после столкновений с задававшими там тон заядлыми расистами и стал создавать собственную религиозную организацию. Он несомненно страдал не только манией величия, но и паранойей — хроническим психическим заболеванием, которое характеризуется манией величия, бредовыми идеями, а иногда и галлюцинациями. Сперва он считал себя мессией, то есть спасителем, новым воплощением Иисуса Христа, а затем сам объявил себя богом. Его старый сторонник преподобный Росс Кейз рассказывал, что «Джонс утверждал, будто он подлинный бог, сотворивший небеса и землю, и приказывал своим последователям покупать, а затем продавать людям его маленькие изображения, которые якобы охраняют от зла и пороков».

«Он провозгласил себя мессией, для пущей важности пряча свой взгляд за таинственными черными очками,— характеризовал Дж. Джонса еженедельник «Ньюс уик». — Ораторским искусством, «чудесами» исцеления больных и пустопорожней сентиментальностью он гипнотизировал свою паству и требовал фанатичной верности и обожания. Джонс был многолик: он хотел играть и роль мессии, и политической силы в Калифорнии, и диктатора в собственной стране Утопии».

Уже в 1961 году Джонс выражал сомнения в «истинности» христианской религии, в частности признавался прихожанам, что не верит в непорочное зачатие, не раз в своих проповедях высказывался против Библии. Один из его приспешников, Диксон, вспоминает, как однажды Джонс швырнул на пол священное писание, воскликнув: «Слишком много людей верят этой книге, а не мне!» Чтобы построить справедливое общество, поучал он своих последователей, люди нуждаются в живом, а не в библейском боге.

Джонс утверждал, будто его посещали видения грядущей атомной катастрофы. И поэтому, проповедовал он, надо искать «землю обетованную», безопасную от бомб, а также от расистов, которые, по его словам, скоро развяжут расовую войну в США. Прочитав в одном журнале о том, будто на земле есть девять мест, укрытых от ядерной радиации, Джонс в апреле 1962 года перевез свою семью в один из та-

ких предполагаемых районов — крупный промышленный город Белу-Оризонти в Бразилии. Но и там, по словам одного из его тогдашних соседей, он, бывало, начинал вопить от страха, слыша гудение самолета. Годом позже Джонс посетил соседнюю с Бразилией Гайану, где его, очевидно, и «осенила» идея создать здесь поселение своих приверженцев.

Как сообщает даже близкий к Пентагону журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», по словам некоторых уцелевших последователей Джонса, в последнее время у него стали проявляться самые мрачные стороны натуры, он выглядел сумасшедшим, неизлечимо больным и принимал наркотики. Даже его случайно оставшийся в живых 19-летний сын Стивен был настроен против отца. «Я могу сказать,— заявил он корреспонденту журнала, — что почти ненавидел этого человека, потому что он разрушил все самое главное в моей жизни. Я теперь отношусь к нему как к фашисту, ибо он был таковым».

Известно, что в Соединенных Штатах в настоящее время насчитывается свыше трех тысяч религиозных сект и групп самого различного пошиба, начиная от «Церкви христианской науки» (сайентологи) и кончая «Церковью сатаны»; все эти секты насчитывают в своих рядах около пяти миллионов человек. Недаром еще в прошлом веке К. Маркс писал, что в США «религиозное сознание блаженствует, утопая в богатстве религиозных противоположностей и религиозного многообразия»[1].

Один из опросов общественного мнения, проведенный институтом Гэллапа, показал, что 30 процентов американцев верят в демонов и почти столько же — в астрологию и гороскопы. Литературой об оккультных «науках» заполнены специальные секции в любом большом книжном магазине. На кино- и особенно телеэкранах (что наиболее пагубно для детей) бушует поток фильмов, смакующих всевозможные загробные ужасы, похождения дьяволов, ведьм и привидений[2]. Все это не может не воздействовать пагубно на психику людей.

Шок, охвативший американцев после событий в джунглях Гайаны, длился довольно долго. Журналы и газеты снова и снова возвращались к этой теме, публикуя статьи, интервью, многочисленные письма потрясенных читателей. Социологи, психиатры, религиоведы ломали копья, обсуждая вопрос: можно ли запрещать тот или иной культ, внушающий серьезные опасения, не явится ли такой запрет нарушением конституции.

Профессор истории религий в Чикагском университете М. Марти, например, объясняет сектантский бум разочарованием людей, не имеющих корней в жизни. Они, по его словам, готовы довериться любому «руководящему духу». По мнению декана теологического факультета одного из колледжей Лос-Анджелеса Джоэ Хока, беда в том, что в США нарушены все ценностные соотношения. Социологи религии полагают, что многие новообращенные сектанты — это или молодые люди, утратившие семейные связи, или неудачники, жаждущие немедленного решения своих жизненных проблем.

По свидетельству газеты «Балтимор сан», многие в США не видят смысла в своем существовании и либо отвергают американское общество и его порядки, либо считают себя отверженными.

События в Джонстауне вызвали явный переполох и в правительственных кругах США, в особенности в связи с обвинениями, раздававшимися по этому поводу в адрес министерства юстиции, государственного департамента и посольства США в столице Гайаны.

Вскоре, однако, руководящие круги в Вашингтоне перестроились, начав грязную игру вокруг ужасной гайанской бойни. Вопреки непреложным фактам, вскрывшим трагедию людей обездоленных, охваченных религиозным фанатизмом и ханжеством и вынужденных покинуть страну, которая не может обеспечить самые элементарные человеческие права для своих граждан, в американской печати появились инспирированные фантастические домыслы о том, будто в Джонстауне, дескать, не обошлось без «руки Москвы».

Однако гнусные политические спекуляции на человеческой трагедии в Гайане, любые попытки раздуть вокруг нее еще одну антисоветскую шумиху заведомо обречены на провал. Ведь давно уже на Западе канули в прошлое те времена, когда неосознанный протест масс облекался в форму массовых религиозных движений, как это было, например, в Европе в эпоху Реформации. В наше время империалистические круги, напротив, благоволят ко всякого рода религиозным организациям, справедливо усматривая в них — независимо от вероисповедной принадлежности — своеобразный громоотвод социальной активности обездоленных или разочарованных масс. Пусть верят во что угодно: хоть в бога, хоть в черта — лишь бы не встали на сторону тех, кто руководствуется в своей деятельности по изменению, перестройке и преобразованию несправедливого эксплуататорского общества единственно верным научным компасом — учением марксизма-ленинизма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 397.

[2] См. статью В. Войны «Сатана там правит бал...». «Наука и религия», 1974, № 5.

ОДИН ИЗ СИМПТОМОВ КРИЗИСА

В. ГАРАДЖА, доктор философских наук, профессор

Понятия «религия» и «церковь» переплелись столь тесно, что представляются подчас неразрывно между собой связанными, чуть ли не идентичными. Между тем церковь — может быть наиболее привычная и респектабельная организационная форма, в которую отливаются религиозные верования, но далеко не единственная. Если обратиться к религиозной жизни современного «западного мира», прежде всего к его цитадели — Соединенным Штатам, то бросается в глаза обилие и многообразие внецерковных форм религиозности — различного рода сект, культов, движений и т. д. Еще двагри десятилетия назад число их исчислялось сотнями, сейчас — тысячами.

Бурный рост, особенно в послевоенные годы, многочисленных и весьма пестрых по своему характеру религиозных образований за пределами традиционных церквей — астрологических союзов, объединений ведьм, экзотических, а подчас изуверских сект, таких необычных движений, как «Революция Иисуса» и т. д. — относится к числу весьма заметных явлений в жизни высокоразвитых капиталистических стран. Исследователи констатируют, что на протяжении нескольких последних десятилетий происходит своего рода «сектантский взрыв», что никогда еще в прошлом буржуазное общество не знало такого широкого распространения различного рода культов и сект, как ныне. Если, например, в начале столетия в Германии было семь сект, то сейчас в ФРГ их около ста, число же их членов возросло в десятки раз и достигло миллиона.

Примечательно, что большинство нынешних сект — американского происхождения и представляют собой филиалы распространенных по всему миру организаций, центры которых находятся в США. Соединенные Штаты стали мировым центром всевозможных культов, религиозных движений, выходящих далеко за рамки традиционной церковности и образующих некое совершенно новое явление. Оно дает богатый и поучительный материал для размышлений не только о судьбах религии в буржуазном обществе, пораженном глубоким духовным кризисом, но и о самом этом обществе, его духовном оскудении и одичании.

Конечно, секты — явление не новое. Если говорить о христианстве, то они сопутствуют ему на протяжении всей его истории. Конфликт между церковью и сектой всегда осознавался враждующими сторонами как борьба между «правильной», «истинной» верой и верой «неправильной», ложной. В основе церковных расколов, сектантских движений лежало то обстоятельство, что в тот период истории эксплуататорского общества, когда религия доминировала в его духовной жизни и сознание широких масс было вскормлено той духовной пищей, которую им предлагало духовенство, в религиозной форме выражались разнородные классовые интересы, социальные программы и требования. При этом на протяжении своей долгой истории христианские церкви выступали неизменно в союзе со светской властью, в свою очередь государство защищало «правильную» веру, то есть официальную церковь.

Не удивительно, что сектант рассматривался в этих условиях как враг не только бога, но и государства. На него обрушивалось не только церковное проклятие, но и жестокие кары

светских властей. Когда, например, в 380 году император Феодосий издал эдикт, предписывавший всем подданным Римской империи придерживаться тех христианских верований, которые считали «правильными» епископы Рима и Александрии, он предостерегал последователей «еретической веры», что их ожидает не только «божественное наказание», но и «кара нашего гнева, проистекающего из божественной воли».

Церковь в борьбе с сектантством прибегала к помощи светской власти, не останавливаясь перед самым жестоким насилием не только над совестью, но и над самой жизнью «еретиков», уничтожая упорствующих «и огнем и мечом». Только развернувшийся на базе социального прогресса общества процесс его секуляризации положил конец разгулу религиозной нетерпимости. Идеология Просвещения и буржуазные революции XVIII века сломили духовную диктатуру папства и провозгласили конец государственной церковности, утверждая принцип свободы совести и веротерпимости. Отныне в тех странах, где церковь была отделена от государства, оппозиция ей перестала быть равнозначной покушению на существующий строй, а отклонение от официально признанной религии уже не рассматривалось как государственное преступление.

Принятый в 1791 году «Билль о правах», ставший составной частью конституции США, провозгласил принцип разделения церкви и государства: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее исповедание...» (ст. 1).

Однако юридическое отделение церкви от государства не равнозначно фактическому. В буржуазном обществе религия сохраняет свои социальные корни и пользуется поддержкой властей. В «Декларации независимости» США, например, утверждается, что источник законопорядка и политической организации следует искать в «вечном законе», в «законе божьем». Таким образом, государство здесь опирается не на вероучение какой-либо одной церкви, а на некий «общий христианский принцип», оказывая поддержку различным религиозным организациям. В США они освобождены от налогов, пользуются государственными субсидиями и множеством других привилегий.

Таким образом, в современном буржуазном обществе принцип свободы совести на деле трактуется лишь как принцип свободы вероисповедания. Иначе говоря, такая свобода кончается тогда, когда речь заходит об отрицании всякого религиозного мировоззрения. Стало быть, буржуазное общество создает условия для свободы религии, но не для освобождения от нее. Об этом не лишне напомнить тем, кто, рядясь в тогу поборника свобод и прав человека, ссылается на США как на образчик «безграничной свободы совести».

В этой связи обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в современном буржуазном обществе под флагом защиты свободы вероисповедания, по существу, созданы благоприятные условия для всякого рода религиозного бизнеса. Хотя в вероучении различных сект, как правило, доминирует ожидание «конца света», это не мешает их вожакам активно заниматься предпринимательской деятельностью. Тот же Джнмми Джонс, например, возглавлявший ныне трагически известную секту «Народный храм», нажил миллионы на эксплуатации своих приверженцев. Спекуляция на религиозных чувствах в погоне за наживой, нередко выходящая за рамки законности, характерна для большинства подобных общин.

Сектантский бум связан несомненно с кризисом традиционных церквей как одним из проявлений общего и все углубляющегося кризиса религии в современном мире. Сегодня официальные конфессии все чаще подвергаются критике не только извне, но и изнутри, со стороны теологов, обеспокоенных падением престижа и влияния традиционных церквей и даже заигрывающих с идеями «безрелигиозного христианства» и бесцерковной религиозности.

Не случайно одержимые миссионерским пылом секты вербуют последователей, обещая им вместо официальных, утративших человеческую теплоту церковных отношений интимную общность «избранных», обретших «истинную» веру... И каждая из этого великого множества сект — от таких крупных и стабильных организаций, насчитывающих миллионы последователей во многих странах мира, как мормоны, пятидесятники, адвентисты, свидетели Иеговы, и до огромного количества средних, мелких, а порой и мельчайших, эфемерных групп, подчас почти никому неизвестных, — притязает на монопольное обладание благодатью и истиной, на знание путей, ведущих к «спасению».

И все же корни широкого распространения различного рода культов и сект лежат глубже, нежели в изменившемся характере религиозности в современном буржуазном обществе и кризисе традиционных церквей. Конечно, истоки этого явления следует искать в том общем кризисе, которым поражено само это общество.

Не случайно и то обстоятельство, что если Соединенные Штаты ныне стали средоточием всевозможных культов и сект, то в самих США пальма первенства в этом плане безусловно принадлежит Калифорнии. Ведь это — самый густонаселенный, промышленно развитый и богатый штат страны, к слову сказать, занимающий первое место в мире и по самоубийствам...

Духовная нищета и бесчеловечность буржуазного «общества потребления» порождает мучительное ощущение бессмысленности жизни, невыносимого одиночества и утраты истинно человеческих отношений, разочарование в возможности обрести духовные ценности в рамках идеологии «истэблишмента». На такой вот благодатной почве пышно расцветают современные экзотические культы и секты; обращение к ним — это своего рода бегство от действительности, поиск выхода из жизненного тупика, попытка обрести «синтетический» рай в узком, замкнутом мирке «посвященных». Не случайно для подобных форм религиозности так характерны психотерапевтические приемы, попытки создать атмосферу семейной близости и доверия.

Конечно, во всем этом не так уж много нового. Дело даже не столько в особенностях вероучений и лозунгах сектантских движений, сколько в подчеркнуто эмоциональном характере их религиозности, агрессивно-враждебном отношении к традиционной церкви, в уходе от «общества» в микросоциальную «общину», в поисках условий, в которых мог бы наконец реализоваться призыв к «христианской любви».

Это не «возрождение» религии, а проявление ее кризиса. Новым формам религиозности свойственны патологическая враждебность к цивилизации и общественному прогрессу, полное отстранение от социальной ответственности, подчеркнутый аполитизм (что, кстати, не мешает их использованию определенными силами в политических целях), подчас вопиющий антиинтеллектуализм, примитивнейшая вера в чудеса. В узкогрупповой атмосфере таких общин возникают благоприятные условия для фанатизма, истерии перед лицом грядущего «конца света», для процветания различного рода пророков, чудотворцев, разного ранга наставников («гуру») и т. д.

Новые культы и секты — свидетельство неприятия буржуазной действительности, протеста против ее бесчеловечности, но протеста бесплодного, лишенного всякой перспективы, ибо эти движения не в состоянии предложить реальную альтернативу тому миру, который они обличают в греховности и неправде. Вот почему они были и остаются органическим — и достаточно уродливым — порождением буржуазного общества, которое к тому же еще и использует их в своих целях.

...Секта, сектант — этим словам (вне зависимости от того, в каком контексте их употребляют — политическом, моральном или религиозном) неизменно присущ некий негативный оттенок. «Сектантствующий» — значит «обособляющийся», ставящий себя в исключительное положение по отношению к остальным. В сектантстве, в самом широком смысле этого слова, присутствует момент обособления от действительности, претензия на возвышение над ней, на превосходство, на обладание какой-то «тайной», недоступной непосвященным. Отсюда — типичные для всякого сектантства нетерпимость, фанатизм, стремление обособиться от всего, что лежит за пределами узкого мирка «избранных». Отсюда — враждебность или равнодушие к тому, чем живут люди за рамками секты, к их заботам и стремлениям, поискам и планам, тревогам и надеждам...

Впрочем, эти особенности сектантства не следует преувеличивать. Было бы неверно упускать из виду, что грань, отделяющая церковность от сектантства, достаточно условна и подвижна. Ведь многие из нынешних церквей, например баптистская, выросли из сект. Особенно условной становится эта грань, когда церковь отделена от государства и когда ни одна из религиозных организаций не имеет каких-либо законодательных привилегий.

При этом характерно, что свойственный религиозному сектантству нонконформизм — в той мере, в какой он враждебен не только официальной церковности, но и социальной действительности,— направлен не только против последней, такой, какова она есть, но и против той борьбы за ее преобразование, той практической деятельности по улучшению жизни, которая руководствуется реальными потребностями и законами развития общества. Таким образом, религиозный протест против «мира зла», и без того достаточно иллюзорный, сохраняется ныне лишь постольку, поскольку сохраняется само это «зло»: ведь религия, по словам Маркса, — «сердце бессердечного мира»...

Мятежные пастыри

Е. НАДЕЖДИН

25 июня 1969 года в столице Парагвая — Асунсьоне стихийно вспыхнули студенческие волнения, поддержанные трудящимися и церковью. В течение двух дней учащиеся университетов и религиозных колледжей отражали атаки полиции. Так парагвайцы выразили протест против приезда в страну Рокфеллера. Эту финансовую династию ненавидят здесь, ибо она была прямо причастна к братоубийственной войне между Боливией и Парагваем в 1932—1935 годах из-за богатого нефтью Чако, когда погибли более 35 тысяч парагвайцев.

Студенческие волнения были подавлены военными и полицейскими. Сотни рабочих и студентов укрылись в кафедральном соборе и других церквах. В знак протеста против расправы над участниками выступлений священники столицы в сопровождении тысяч женщин, детей и стариков организовали крестный ход по центральным улицам. Полицейские разогнали мирное шествие, совершили налет на кафедральный собор, чтобы арестовать укрывшихся там рабочих и студентов, жестоко избили многих священников. Затем некоторые из них, в том числе преподаватель католического университета Франсиско де Паула Олива, были высланы из страны.

В течение четырех месяцев свирепствовал террор. 22 октября того же года сотни верующих вместе с преподавателями колледжей вновь организовали крестный ход и молча выразили свой протест против полицейского произвола. Спустя три дня полиция напала на колледж «Кристо Рей» и варварски избила преподавателей. Был закрыт еженедельник парагвайского епископата «Комунидад». Его директор Хильберто Хименес, чтобы избежать тюрьмы, укрылся в кафедральном соборе. Были запрещены передачи католической радиостанции «Каритас».

Правительство лишило церковь традиционных таможенных льгот и официальных субсидий на фрахт судов, перевозивших продовольствие и другие товары для благотворительных целей, на содержание религиозных учебных заведений. С другой стороны, интригуя против одних епископов и подкупая подарками и большими участками земли других, правительство президента генерала Альфредо Стреснера, правящее страной с 1954 года, пыталось внести разлад в ряды церковной оппозиции режиму. Стреснер дал недвусмысленно понять, что намерен назначить самого себя главой парагвайской церкви. Он сам хотел толковать каноническое право, разбирать дела священников и карать их. Диктатор направил во многие районы страны специальных активистов своей правящей партии «Колорадо», чтобы натравить верующих на оппозиционное духовенство. Одновременно руководство этой партии усилило политическую деятельность среди масс, то есть на деле — террор и репрессии. В личном письме Стреснер призвал архиепископа Асунсьона «поразмыслить» и неприкрыто угрожал непокорным священнослужителям.

В ответ на это парагвайский епископат отлучил от церкви 30 влиятельных чиновников, в том числе министра внутренних дел Сабино-Аугусто Монтанаро и начальника столичной полиции генерала Франсиско Бритеса. В такой стране, как Парагвай, где 95 процентов населения — верующие и где, естественно, церковь располагает огромным влиянием, отлучение от нее — важное политическое оружие. Во всех церквах страны прозвучали проповеди протеста, распространялись листовки с требованием освободить политических заключенных. Каждое воскресенье в течение двух месяцев там устраивались молебны в пользу политзаключенных. На собраниях верующих стали появляться лозунги и плакаты: «Парагвай должен избавиться от Стреснера, ибо стреснеровский режим является виновником нищеты и нашего бегства из страны».

В конце декабря 1969 года конференция парагвайских епископов опубликовала заявление, в котором выразила серьезную озабоченность напряженной обстановкой, осудила непрекращающиеся репрессии. В нем подчеркивалось, что «в стране открыто попираются основные права человека, без суда и следствия в тюрьмах томятся сотни политзаключенных, их подвергают пыткам. Многих парагвайских граждан преследуют только потому, что они не являются членами правящей партии «Колорадо». Далее в заявлении говорилось о массовом выезде из Парагвая крестьян, рабочих, представителей интеллигенции, о том, что горстка влиятельных лиц скупает колоссальные земельные участки, тогда как большинство крестьян не имеют даже клочка собственной земли.

Архиепископ Асунсьона Исмаэль Ролон, являющийся по конституции членом государственного совета, отказался от участия в его заседаниях и в феврале 1971 года направил совету послание, в котором, в частности, говорилось: «Царящие в стране бесправие и репрессии вынуждают меня встать на сторону бедных и угнетенных... Мир нарушается сверху в результате злоупотребления властью, авторитаризма и произвольных репрессий». Послание требовало освобождения из тюрем всех политзаключенных, прекращения пыток и преследований, восстановления законных прав граждан.

Так возникли серьезные разногласия между парагвайской католической церковью и стреснеровским режимом, существующие и по сей день.

Католическое духовенство веками освящало колониальные завоевания, жестокую эксплуатацию коренного населения Парагвая — индейцев гуарани. Не составляло исключения в этом смысле и так называемое государство иезуитов, существовавшее в 1610—1768 годах на территории современного Парагвая и сопредельных с ним стран, хотя католические авторы пытались и пытаются выдавать это гигантское крепостническо-теократическое образование за некий образец «христианского коммунизма»*.

Многие парагвайские церковники выступили против начавшейся в 1811 году войны за независимость, вошедшей в историю под названием Майской революции.

Теперь само парагвайское духовенство нередко осуждает реакционное прошлое своей церкви. «Церковь должна серьезно относиться к критике религии К. Марксом как элемента отчуждения... — писал, например, журнал парагвайских иезуитов «Аксьон». — Религия и теология часто были инструментом в руках угнетателей... Богатых мы учили быть эксплуататорами, а бедных учили, чтобы они позволяли эксплуататорам лучше себя эксплуатировать».

После того как генерал Стреснер захватил власть в стране, некоторые парагвайские священники выражали свое недоброжелательное отношение к его режиму. Но большинство из них до конца 60-х годов, особенно архиепископ Мена Порта, оказывали правительству существенную помощь, проводя в церковных проповедях, по радио, в прессе и в общественных организациях определенную пропаганду в пользу режима. Не случайно, одобряя сотрудничество и «взаимопонимание», установившиеся между Мена Портой и Стреснером, папа Павел VI назвал диктатора «примером для Америки» за его «непримиримую антикоммунистическую позицию».

И лишь в декабре 1968 года парагвайская епископская конференция (высший орган церкви) впервые в истории открыто потребовала от Стреснера прекратить политические преследования, репрессии, пытки, освободить всех политзаключенных, улучшить материальное положение парагвайского народа. За этим последовали события, описанные в начале статьи.

В мае 1972 года наступил новый этап противоборства между режимом Стреснера и церковью. К этому времени по ее инициативе в сельской местности стали создаваться аграрные лиги, крестьянские общины. Правительство усмотрело в этом «подрывную деятельность» и начало преследование их организаторов и участников. Из страны изгнали восемь священников, сотни крестьян арестовали. И все это — чтобы запугать массы, заставить их отказаться от создания своих организаций.

В знак протеста парагвайский епископат призвал прочитать во всех церквах проповеди, осуждающие гонения. В них поддерживались требования рабочих и крестьян улучшить условия своего существования. Архиепископ Асунсьона отказался отслужить традиционный молебен в ознаменование 161-й годовщины независимости Парагвая. Федерация религиозных колледжей также решила не принимать участия в этих празднествах. Позицию церкви поддержали оппозиционные поли-

---

* Более подробно об этом см. в кн: И. Р. Григулевич. Крест и меч. М., 1977, стр. 158—200.

В парагвайской деревне.

Это все, что осталось от домов, сожженных карателями во время погрома крестьянских лиг.

тические партии, выступившие с призывом к объединению всех сил, чтобы положить конец разгулу реакции.

«Объединенное движение церкви и общества Парагвая» в обращении к парагвайской епископской конференции, ко всем верующим выразило глубокое возмущение систематическим попранием прав человека со стороны правительства, именующего себя «христианским и демократическим», выступило против преследований верующих и заточения в тюрьмы сотен невинных людей, против нищеты и бесправия парагвайского народа.

«Федерация верующих Парагвая» указала на существование политической дискриминации, отсутствие свободы даже для пастырской деятельности, на массовое бегство из страны в поисках работы и от преследований, на содержание в тюрьмах в ужасных условиях сотен политзаключенных и кровавый террор. В обращении подчеркивалось, что преследования священников — не изолированное явление, а целый процесс насилия и произвола, связанный с социально-экономическим и политическим кризисом, переживаемым Парагваем.

Церковь решительно осудила бандитский налет полицейских и молодежной организации правящей партии «Колорадо» на массовый митинг студентов, преподавателей и священников в католическом университете, созванный для того, чтобы еще раз потребовать от правительства освободить политзаключенных. Во время этого налета были ранены около 300 человек.

Отношения между стреснеровским режимом и церковью настолько обострились, что парагвайский епископат направил в Рим своего представителя Марисевича проинформировать папу Павла VI о репрессиях режима Стреснера и преследовании им «мирных католических общин и священников».

В конце концов, однако, непрекращающийся террор и произвол вынудили высшее духовенство Парагвая пойти на переговоры с диктатурой. По их окончании официальная пресса неоднократно заявляла, что правительство и церковь пришли к соглашению и что парагвайские священники отказываются от политической борьбы. Многие из них, особенно капелланы во главе со своим викарием епископом Молеоном, выступили за соглашение со Стреснером. Диктатора поддержали также бывший епископ Муссолон и бывший председатель национальной епископской конференции Мена Порта, который в течение двух десятилетий своего пребывания на этом посту тесно сотрудничал с фашистским режимом. Возмущение масс верующих таким политическим курсом своего духовного главы было настолько велико, что в 1969 году папа Павел VI оказался вынужден освободить его от занимаемой должности «по состоянию здоровья». Поддержал Стреснера и епископ Лукас, получивший от него около 50 тысяч гектаров земли.

Однако большинство парагвайских епископов и священнослужителей продолжали выступать против существующего режима и его политики.

Под предлогом «раскрытия заговора» против Стреснера и «борьбы с партизанами» диктатура обрушила зверские репрессии против крестьянских аграрных лиг и общин, руководимых церковью.

На рассвете 8 февраля 1975 года отряд специальных войск под командованием подполковника Грау, назначенного позже комендантом концлагеря «Эмбоскала», ночью напал на крестьянское поселение Сан Исидоро де Хехуи. Мужчин, женщин, детей и священников кулаками и прикладами выгнали из домов. Падре Браулио Масиель получил пулевое ранение. Несколько крестьян пытались защитить его, но их жестоко избили. Вышибая двери и ломая мебель, солдаты обыскивали дома и забирали все вплоть до школьных учебников и библий. При этом военные присвоили миллион гуарани (около 8 тысяч долларов), пожертвованных крестьянской лиге западноевропейскими католиками. Были арестованы десятки крестьян и священников, включая и иностранных патеров. Каратели подожгли дома и разграбили отделение сельского кооператива. Восемь крестьян были убиты. Тело только одного из них, Аркадио Рейносо, растерзанное полицейскими собаками, было возвращено родственникам. Вся округа была превращена в настоящий концлагерь, где каратели издевались над голодающими крестьянами и заставляли их работать под дулами автоматов.

«Политическое пробуждение народа, крестьян и усилившиеся выступления в защиту своих прав вызывают тревогу и беспокойство диктатуры и заставляют применять массовые репрессии против населения под предлогом борьбы с выдуманным заговором против Стреснера... с «происками коммунистов» и т. д.,... — характеризовал обстановку в стране парагвайский епископат в пастырском послании, обнародованном в феврале 1975 года.— За реакционным антикоммунизмом скрывается защита интересов небольшой группы привилегированных, лицемерно осуждающей как «подрывной умысел» любое несогласие парагвайцев».

В Акарае, например, был арестован, избит, а затем выслан в Аргентину падре Э.-Х. Кохман. В открытом письме он рассказал о перенесенных им унижениях. В 10 других общинах были арестованы несколько иностранных священников, уничтожены крестьянские посевы, дома, скот. Все это делалось под флагом ликвидации «подрывной коммунистической деятельности». Однако, как отмечал еженедельник парагвайского епископата «Сендеро», там не нашли ни партизан, ни оружия, а одни лишь крестьянские требники.

В конце 1975 — начале 1976 года под тем же предлогом «борьбы с партизанами» и с «происками коммунистов» на парагвайский народ обрушилась новая волна репрессий. На сей раз основной удар был направлен против революционного движения, против Парагвайской коммунистической партии, против общественных и студенческих организаций, а также против прогрессивно настроенного духовенства. Были арестованы более двух тысяч рабочих, крестьян, студентов и священников. Военные даже ворвались в семинарию «Метрополитано», обыскали резиденцию парагвайского епископата. Против религиозного колледжа «Мисьон де ла Либертад» также было выдвинуто обвинение в «подрывной деятельности», а его руководители и преподаватели арестованы. Власти захватили и другой католический колледж — «Кристо Рей», самый крупный и привилегированный в Асунсьоне. Были арестованы и высланы из страны 25 его преподавателей и несколько членов иезуитских миссий и национальной епископской конференции. Кроме того, полицейские совершили налет на католический колледж имени Иоанна XXIII и на ряд семинарий и религиозных центров. Еще более суровые репрессии обрушились на массовые светские клерикальные организации, в частности были арестованы и подвергнуты пыткам бывшие активисты католической рабочей молодежи.

В ответ на эти преследования парагвайский епископат в своем заявлении от 12 июля 1976 года констатировал: «В нынешних условиях позицию правительства Парагвая можно расценивать как настоящее и явное преследование церкви» — и охарактеризовал положение в стране как «час испытаний для всех подлинных христиан и добропорядочных граждан».

В Парагвае понимают, что Стреснер пойдет еще дальше в борьбе против «мятежной церкви». Ведь он пользуется поддержкой империалистических сил, контролирующих экономику страны и нещадно эксплуатирующих ее народ.

Большая часть парагвайского духовенства, так сказать, сменила «Евангелие повиновения» на «Евангелие освобождения» и считает откровенной демагогией разглагольствования пропагандистов военно-фашистского режима о «социальном мире» и «политической стабильности».

Отношения парагвайского клира со стреснеровской тиранией как в капле воды отражают нынешнее политическое положение в стране. Пробуждение сознательности народа, открытые проявления недовольства, желание активно участвовать в решении проблем, тесно связанных с жизненными интересами масс, с интересами страны, подчеркивается в ряде церковных документов, серьезно беспокоят режим, вызывают террор и массовые преследования.

Как уже говорилось, против диктатуры, за удовлетворение насущных социально-экономических нужд народа и восстановление его прав выступают также ряд массовых светских католических организаций, например «Движение христианского курса», объединяющее рабочих, крестьян, служащих, ремесленников, солдат и даже полицейских. Растет недовольство режимом и со стороны священников сельских приходов, входящих в Центр информации и социального развития (СИАС). Все реже слышатся в их проповедях антикоммунистические призывы. Наоборот, они все чаще ставят в пример мужество и стойкость коммунистов и других демократов, называют их «нашими неверующими братьями».

Против диктатуры Стреснера выступают францисканцы, доминиканцы, салезианцы и члены иных монашеских орденов, входящих в Федерацию верующих Парагвая (ФЕДЕРПАР), которая неоднократно организовывала митинги в поддержку требований освобождения политзаключенных.

Такую же позицию занимают архиепископ Ролон, епископы Марисевич, Печильо, Ортис, бывший исполнительный секретарь Парагвайской епископской конференции Абелар, бывший главный редактор газет парагвайского епископата «Комунидад» и «Сендеро» Гауто. Их протест находит самый широкий отклик в народе и, как правило, поддерживается всеми демократическими силами и оппозиционными партиями.

Но среди церковной верхушки есть и иуды, выступающие за соглашение со Стреснером. К ним относятся, в частности, как уже говорилось, епископ С. Бенитес и викарий корпуса капелланов А. Молеон. В руках последнего находится национальное радио. Есть и другие им подобные «духовные отцы», например известный контрабандист падре Майанс или брат начальника парагвайской полиции «падре» Коронель. Им, как, впрочем, и многим высокопоставленным парагвайцам, в том числе и самому диктатору, принадлежат земли и многомиллионные вклады в центральном банке страны и за рубежом.

Стреснер никогда не скрывал, что намерен полностью подчинить себе церковь. Теперь он предлагает епископату «сотрудничать в очищении церкви от сошедших с правильного пути парагвайцев». Главная опора фашистской диктатуры — крупные латифундисты, тесно связанные с империализмом США, поддерживают Стреснера в его стремлении не допустить никаких перемен в стране.

Парагвайскому народу, в том числе демократически настроенной части духовенства, предстоит нелегкая борьба против тирании.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ГРИМАСА ВОЛЬНОДУМЦА

Вольтер стремился отделаться от назойливых посетителей.

— Скажите ему, — велел он передать одному англичанину, — что я умер.

Слуга вернулся с известием, что посетитель не хочет уйти, не поклонившись его телу.

— Тогда передайте ему, что мое тело тотчас же после смерти унес дьявол.

ЦЕНА ПОКАЯНИЯ

Супруги выходят из кирхи.

— Я заметила, — говорит жена, — что ты бросил в кружку для пожертвований двадцать марок.

— Ну и что!

— Ничего. Просто я хотела бы узнать: какой грех ты совершил, если так щедро откупаешься!

ИСЦЕЛИСЯ САМ

На улице итальянского городка пожилой монах наблюдает за парнем, которому никак не удается завести мотоцикл. Парень сердится и ругается:

— Что за чертовщина, черт бы его побрал!

Монах подходит и говорит укоризненно:

— Сын мой, вы бы вместо ругани сказали: «Помоги мне бог!»

«Помоги мне бог!» — повторил мотоциклист, нажал на стартер, мотор наконец завелся, и парень укатил, даже не оглянувшись на монаха.

— Что за чертовщина!! — пробормотал ошеломленный падре.

СВЕТ НАУКИ

Немецкий естествоиспытатель прошлого века Э. Геккель как-то, будучи в гостях, оказался за столом рядом со священником. Когда тот вынул сигарету, Геккель предупредительно протянул ему зажженную спичку. Но, как только ее взял священник, она потухла.

— Смотрите, свет науки погас, — сострил служитель культа.

— Ничего удивительного, — парировал ученый, — в руках церкви это происходит не впервые.

ВЕРА И ФАКТ

В одной английской церкви викарий в воскресной проповеди заговорил о взаимоотношениях между верой и фактом.

— То, что вы сейчас сидите передо мной, — заявил он, в частности, — факт. То, что я обращаюсь сейчас к вам, — это тоже факт. Но только вера заставляет меня надеяться, что вы меня слушаете.

ПРАВИЛА БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЙ

Ксендз проехал на велосипеде перекресток при красном свете. Его остановил регулировщик.

— Мне очень жаль, но я вас должен оштрафовать за нарушение правил уличного движения.

— Сын мой, — ответил ксендз, — со мной всегда бог, и, стало быть, это он управлял моим велосипедом.

— В таком случае вам придется уплатить еще один штраф за езду вдвоем на одноместном велосипеде.

СКРОМНОСТЬ УКРАШАЕТ

— Святой отец, я согрешил!

— Сколько раз, сын мой!

— Отец, я пришел исповедоваться, а не хвастать!

СКАНДАЛ В РАЮ

Адам вернулся домой на рассвете. Ева устроила ему скандал.

— Послушай, сокровище, — говорит Адам. — Ну с кем бы я мог тебе изменить! Ведь во всем раю нет никого, кроме нас.

Ева, однако, не поверила, и пересчитала ему ребра.

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК

Во время урока катехизиса кюре спрашивает ученика:

— Ты можешь мне сказать, до каких пор Адам и Ева жили в раю!

— До осени!

— Как так!

— А разве вы не знаете, что яблоки раньше не созревают!

СПАСИТЕЛЬНОЕ СУЕВЕРИЕ

Учитель спрашивает Томаса:

— Почему ты сегодня не выучил урок!

— Потому что, согласно гороскопу, все, что бы я ни сделал на этой неделе, должно окончиться неудачей.

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

Один турист спрашивает другого:

— Не знаете ли, почему так много церквей в Париже!

— Вероятно, чтобы каждый пешеход мог помолиться, прежде чем перейти улицу.

Новинки литературы

Г. Габинский. В ПОИСКАХ ЧУДА. М., Политиздат (серия «Беседы о мире и человеке»), 1979, 88 стр., 200 000 экз., 15 коп.

О чуде молят всемогущего и милосердного бога верующие люди, которые все свои надежды возлагают на силы небесные. «Чудны дела твои, господи!» — восторженно восклицают они при виде совершенства окружающего нас мира. Чудо составляет смысл христианских таинств. Но что такое чудо? Возможно ли оно? Что питает у верующего веру в чудеса?

О христианской доктрине чуда и об усилиях современных богословов укрепить пошатнувшуюся веру в него, о психологии чуда и о том, в каких целях использовала церковь веру в чудеса, повествуется в книге доктора философских наук Г. А. Габинского.

Г. М. Лившиц. АТЕИЗМ ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА. Минск, «Вышэйшая школа», 1978, 423 стр., 1000 экз., 2 руб. 60 коп.

Монография посвящена разработке материалистических и атеистических воззрений немецкого философа. Написана на основе тщательного изучения сочинений самого Фейербаха и обширной литературы на русском и иностранных языках, относящейся к теме исследования.

Ю. Б. Пищик. О СПЕЦИФИКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЕЙ РЕЛИГИИ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 2), 1979, 64 стр., 47 750 экз., 11 коп.

В брошюре выявляются место и роль исторических корней религии в ряду других факторов, способствующих сохранению и воспроизводству религии. Исторические корни, сила традиции показаны как одна из причин существования религиозных пережитков в условиях социалистического общества. Автор исследует специфику причин, порождающих и поддерживающих религиозные пережитки, указывает конкретные пути их преодоления, наиболее действенные средства и формы атеистического воспитания.

* * *

О. В. Волобуев и А. В. Шестаков. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ. Хрестоматия. Изд. 2-е, доп. М., «Просвещение», 1978, 224 стр., 150 000 экз., 55 коп.

«ВОПРОСЫ АТЕИЗМА», вып. 14. Критика современного религиозного модернизма. Киев, Издательство при Киевском гос. университете, 1978, 139 стр., 1 000 экз., 1 руб. 40 коп.

М. Дворжак. ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ИСКУССТВА В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ, т. 2. XVI столетие. М., «Искусство», 1978, 395 стр. с илл., 25 000 экз., 3 руб. 20 коп.

М. В. Егорова. ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО. Фотоальбом. М., «Советская Россия», 1978, 367 стр. с илл., 100 000 экз., 9 руб. 10 коп.

А. Ф. Емельянов. ОТ МИРА НЕ УЙТИ. Повести и очерки. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1978, 203 стр., 3 000 экз., 65 коп.

О. А. Зорова. ЛЕНИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОТНОШЕНИЯ К КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ. М., «Знание» (серия «Эстетика», № 12), 1978, 56 стр., 110 960 экз., 11 коп.

«ИЗ ИСТОРИИ СВОБОДОМЫСЛИЯ И АТЕИЗМА В БЕЛОРУССИИ». Минск, «Наука и техника», 1978, 344 стр., 1 350 экз., 2 руб.

А. В. Иконников. КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ МОСКВЫ. Путеводитель. М., «Московский рабочий», 1978, 352 стр. с илл., 75 000 экз., 2 руб. 20 коп.

Л. И. Климович. ПИСАТЕЛИ ВОСТОКА ОБ ИСЛАМЕ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 12), 1978, 64 стр., 52 510 экз., 11 коп.

Н. Г. Котанджян. ЦВЕТ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЖИВОПИСИ АРМЕНИИ. Анализ памятников VI—VII вв. Ереван, «Советакан грох», 1978, 135 стр. с илл., 5 000 экз., 11 руб.

В. Н. Лазарев. ВИЗАНТИЙСКОЕ И ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО. М., «Наука», 1978, 335 стр., 20 000 экз., 5 руб. 60 коп.

О. Д. Лордкипанидзе. ГОРОД-ХРАМ КОЛХИДЫ. М., «Наука», 1978, 79 стр. с илл., 30 000 экз., 15 коп.

П. И. Мельников (Андрей Печерский). НА ГОРАХ. В 2-х кн. Кн. 1. Горький, Волго-Вятское книжное изд-во, 1978, 575 стр. с илл., 75 000 экз., 3 руб. 20 коп.

М. И. Рижский. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ В РОССИИ. Новосибирск, «Наука», Сиб. отделение, 1978, 208 стр., 10 000 экз., 70 коп.

«А. РУБЛЕВ И ЕГО ШКОЛА». Альбом. М., «Изобразительное искусство», 1978, 28 стр. с илл., 40 000 экз., 2 руб. 60 коп.

Б. В. Сапунов. КНИГА В РОССИИ В XI—XIII вв. Л., «Наука», 1978, 231 стр. с илл., 9 600 экз., 1 руб.

Н. Шундик. БЕЛЫЙ ШАМАН. Роман. М., «Художественная литература», 1978. «Роман — газета», № 22, 1 609 000 экз., 58 коп; № 23, 96 стр., 1 609 000 экз., 60 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

М. В. Андреев, А. Н. Глинкин. Весомый вклад в изучение истории католицизма и стран Латинской Америки. «Вопросы истории», 1978, № 6, стр. 145—151.

Л. Е. Бадылкин. О буддийском влиянии в китайской культуре. «Народы Азии и Африки», 1978, № 3, стр. 81—92.

М. Бродский. Воспитание атеистов. «Семья и школа», 1978, № 12, стр. 46—48.

В. С. Глаголев. «Теургическая культура» и модернизация идеологии православия. «Философские науки», 1978, № 6, стр. 95—102.

А. Дж. Диккенс. Роль пролетариата в протестантской реформации. В кн.: «Проблемы британской истории». М., 1978, стр. 117—128.

И. Б. Драгева. Некоторые аспекты католической литературы и герой трилогии Э. Золя «Три города» Пьер Фромак. В кн.: «К проблемам романтизма и реализма в зарубежной литературе конца XIX—XX вв.». М., 1978, стр. 60—69.

А. В. Журавский. Становление идеологии арабского национализма и христианские меньшинства: II половина XIX — начало XX вв. «Народы Азии и Африки», 1978, № 3, стр. 93—104.

И. Г. Иванов, А. В. Новиков. Рецензия на кн.: Е. Г. Яковлев. Искусство и мировые религии. М., 1977. «Философские науки», 1979, № 1, стр. 151—154.

Ю. Е. Ивонин. Религиозно-политические союзы в западноевропейской политике первой половины XVI века. «Вопросы истории», 1978, № 11, стр. 85—102.

В. Коник. Особенности атеистической работы среди свидетелей Иеговы. «Слово лектора», 1978, № 12, стр. 50—52.

Л. А. Котельникова. Рецензия на кн.: М. А. Заборов. История крестовых походов в документах и материалах. Учебное пособие. «Вопросы истории», 1978, № 12, стр. 166—168.

В. Б. Куликов. Философская антропология Мартина Бубера. «Философские науки», 1978, № 6, стр. 142—145.

Ф. Г. Никитина. Петрашевцы и Ламенне. «Философские науки», 1978, № 6, стр. 137—142.

Н. Покровский. Путями древних книг (поиски старообрядческих изданий в Сибири). В кн.: «Пути в незнаемое: писатели рассказывают о науке». Сб. 14. М., 1978, стр. 321—364.

«Предмет большого патриотического внимания» (о памятниках истории и культуры). «Коммунист», 1978, № 11, стр. 53—66.

«Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР». Чебоксары, 1978. Из содержания: **Н. С. Бажайкин.** К вопросу об уровне и характере религиозности взрослого сельского населения, стр. 40—70; **В. П. Иванов.** Современные обыденные религиозные представления верующих чувашей, стр. 71—102; **Ю. Г. Серебряков.** Эволюция старообрядчества, стр. 103—117; **Б. В. Каховский.** Погребальный обряд чувашского языческого населения, стр. 118—146.

«Соединенные Штаты Америки» (указатель книг и статей). М., 1978, ч. 1. Из содержания. «Церковь. Религия. Религиозные организации», стр. 133.

К. Х. Таджикова. Особенности суфизма в средневековом Казахстане. «Известия АН КазССР». Серия общественных наук. Алма-Ата, 1978, № 2, стр. 57—62.

В. Тендряков. Божеское и человеческое Льва Толстого. «Звезда», 1978, № 8, стр. 196—206.

Л. А. Тульцева. Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XX века. «Советская этнография», 1978, № 3, стр. 31—46.

«Формирование аудитории лектора-атеиста». «Слово лектора», 1978, № 12, стр. 56—58.

М. Шевченко. Наглядность в атеистических лекциях. «Слово лектора», 1978, № 12, стр. 53—55.

Л. П. Шорохов. Церковь и развитие права в России в эпоху позднего феодализма (XVII—XVIII вв.). В кн.: «Вопросы теории права и государственного строительства. Томск, 1978, стр. 81—86.

Сдано в набор 15. 2. 79.
Подписано к печати 28. 03. 79.
А08343.
Формат издания 60×90/8.
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8.
Учетно-издательских листов — 12.16.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 0903.

**Адрес редакции:
109004. Москва.
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.**

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев. Брест-Литовский проспект, 94.

Фото С. Петрухина

Цена 30 коп.
70602

33-13

В следующем номере

1979 ГОД – ГОД РЕБЕНКА, 1 ИЮНЯ – ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Воспитанию юных, формированию их духовного мира посвящены очерки, зарисовки, письма читателей.

ЧАБАН И ЖАВОРОНОК

Рассказ киргизского писателя Шукурбека БЕЙШЕНАЛИЕВА, лауреата премии имени Христиана Андерсена, о маленьком Азизе и его отце-чабане.

ПТИЦА В ДОМЕ

Мир взрослых глазами ребенка — такова тема рассказа известной современной канадской писательницы Маргарет ЛОРЕНС.

СВОБОДА СОВЕСТИ В КОНСТИТУЦИИ СССР

Продолжение цикла статей о социалистической демократии.

ВАСХНИЛу–50

Ученые Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина рассказывают о достижениях современной науки в целенаправленном изменении животных и растений на пользу человеку.

ИДЕАЛЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

О том, почему в средние века социальный протест трудящихся масс принимал религиозные формы, говорится в отрывке из неоконченной рукописи Л. А. ФИЛИППОВА.

ТАМ, ГДЕ ЦАРИТ ТОРА

Об использовании религии в государственной политике Израиля и о сращивании сионизма с иудаистским клерикализмом Запада рассказывает статья кандидата философских наук Г. БАКАНУРСКОГО.